

ООО «Наука и образование»

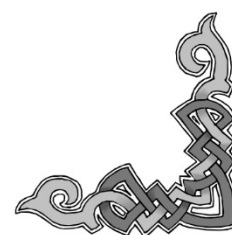
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

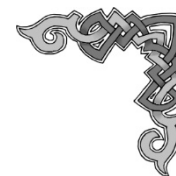

**№ 8
2022**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2022, № 8

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО

«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

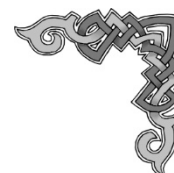
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Кареева Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

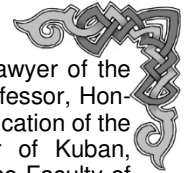
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konvalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Scientific Work, Head of the Research Center № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

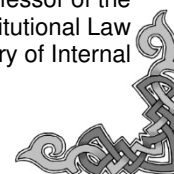
Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

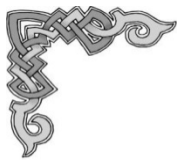

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бородавко Л.Т., Чимаров С.Ю.

Социальный аспект патриотического воспитания российского гражданина
в воззрениях Н.Н. Стрехова 13

Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И.

Формирование условий для занятий молодежью спортом
как неотъемлемый компонент государственной молодежной политики 16

Мальшко Я.О.

Исследование социально-трудовых конфликтов в трудовой деятельности 21

Матчин А.А., Огурцова Е.В., Барков В.Н.

Дистанционное обучение в медицинском университете в период пандемии COVID-19 24

Павлюкевич К.

Факторы, влияющие на функционирование системы экспорта образовательных услуг 29

Целищева З.А., Гутова С.Г., Самохина Н.Н.

Актуальные вопросы формирования информационной безопасности в обществе 32

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вецкая С.А., Стрельцов В.В.

Особенности реализации гражданско-правовых норм при осуществлении
государственной защиты участников уголовного судопроизводства 39

Вишневецкий К.В.

Особенности детерминации преступности
в Северо-Кавказском федеральном округе 43

Власов Д.В.

Сравнительно-правовой анализ положения органов прокуратуры
в зарубежных странах 49

Волик К.Б., Мартыненко Г.К., Мартыненко Б.К.

Правовой менталитет и правовая культура 52

Гармаев Ю.П., СерEDA О.В.

Преступления в сфере лесопромышленного комплекса
как объект криминалистических исследований 58

Гулиев Ш.А.

Правовая оценка ограничительных мер ЕС в отношении России 66

Данильян Э.С., Халин В.Д.

К вопросу о противодействии легализации доходов, полученных
преступным путем в цифровом игровом пространстве 69

Демидов А.В., Чимаров С.Ю., Бялт В.С.

Историко-правовой анализ полицейских полномочий в сфере практической реализации
в сельском обществе законодательных установлений Манифеста от 19 февраля 1861 г. 72

Доткулов Э.А., Марзей А.А., Заптиеv И.З., Бербекова М.Х.

Легализация частных тюрем как инструмент дифференциации осужденных в России 75

Дьякова М.А., Чернова О.А.

Постдипломное сопровождение выпускников с инвалидностью
и ограниченными возможностями здоровья: актуальные проблемы
нормативно-правового регулирования в системе высшего образования 80

Ильницкий А.С.

Механизм криминогенного воздействия криминальной идеологии в сети Интернет 83

Карлеба В.А.

Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – новые реалии 87

Кашкаров А.А. Институты административно-деликтного права как инструмент отечественной уголовно-правовой политики	91
Леонова Т.В. К вопросу о соотношении положений ст. 76.1 УК РФ и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных особенной частью УК РФ	95
Марзей А.А., Доткулов Э.А., Заптиев И.З., Бербекова М.Х. Привилегированное положение лиц, имеющих судимость, по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию, как основание признания нормы, не соответствующей Конституции РФ	98
Некоз А.С. Рецензия на книгу: Kai Ambos, Antony Duff, Julian Roberts and Thomas Weigend (eds.), Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice: Volume I, Cambridge University Press, 2020	102
Некоз А.С. Убийство по уголовному праву Южно-Африканской Республики: краткая заметка	104
Нимировский В.В., Нимировская Ю.К. Торговля человеческими органами как фактор, детерминирующий торговлю людьми	107
Пронина Ю.О., Петров Н.В., Павлов Д.И. Трансформация семейного законодательства на современном этапе развития российского общества: направления и вызовы	113
Рудакова С.В. Защитник и его право обжалования в досудебных стадиях уголовного процесса	117
Ткачева Ю.С. Физическое насилие как категория криминального насилия	123
Уткина Т.В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристики отклоняющегося поведения осужденных к наказаниям без изоляции от общества	129
Хао Цзэжунь Влияние международного права на импорт и экспорт МСП	133
Чимаров С.Ю., Бялт В.С. Философско-правовой смысл категории «убеждение» в учении Георга Вильгельма Фридриха Гегеля	136
Шпетная А.В. Новые меры противодействия дистанционным мошенничествам	139
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аушев М.И. Механизм инвестирования в кредитные деривативные контракты	145
Волкова Е.Д. Значение экобрендинга для устойчивого развития компании	148
Лю Фанчен Исследование проблем и стратегий развития многонациональных предприятий	151
Ма Пэйхун Новые изменения и новые возможности для регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии в постэпидемиологическую эпоху	153
Ма Пэйхун Исследование нового типа отношений великих держав между Китаем и Россией в 21 веке	156
Юй Хэчэнь Модель управления новыми энергетическими предприятиями	159

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Leonid T. Borodavko, Sergey Yu. Chimarov The social aspect of the patriotic education of the Russian citizen in the views of N.N. Strakhova	13
Valery V. Kasyanov, Petr S. Samygin, Sergey I. Samygin Formation of conditions for youth sports as an integral component of the state youth policy	16
Yaroslav O. Malyshko Research of social and labor conflicts in labor activity	21
Alexander A. Matchin, Ekaterina V. Ogurtsova, Vladimir N. Barkov Distance learning at a medical university during the COVID-19 pandemic	24
Kristina Pavlyukevich Factors affecting the functioning of the educational services export system	29
Zukhra A. Tselishcheva, Svetlana G. Gutova, Natalia N. Samokhina Actual issues of the formation of information security in society	32

JURISPRUDENCE

Svetlana A. Vetskaya, Vadim V. Streltsov Features of the implementation of civil law norms in the implementation of state protection of participants in criminal proceedings	39
Kirill V. Vishnevetskiy Features of crime determination in the north caucasus federal district	43
Dmitry V. Vlasov Comparative legal analysis of the situation of prosecution bodies in foreign countries	49
Ksenia B. Volik, Georgiy K. Martynenko, Boris K. Martynenko Legal mentality and legal culture	52
Yuri P. Garmaev, Olga V. Sereda Crimes in the timber industry as an object of forensic research	58
Shamil A. Guliyev Legal assessment of EU restrictive measures against Russia	66
Elna S. Danilyan, Vladislav D. Khalin To a question on counteraction of legalisation of the incomes received by a criminal way in digital game space	69
Alexander V. Demidov, Sergey Yu. Chimarov, Viktor S. Byalt Historical and legal analysis of police powers in the field practical implementation in rural society of legislative decrees of the Manifesto of February 19, 1861	72
Eldar A. Dotkulov, Azamat A. Marzei, Ibrahim Z. Zaptiev, Marina Kh. Berbekova Legalization of private prisons as a tool for differentiation of convicts in Russia	75
Maria A. Dyakova, Olga A. Chernova Postgraduate support of graduates with disabilities and limited health opportunities: current problems of normative and legal regulation in the system of higher education	80
Alexander S. Ilitskiy The mechanism of criminogenic influence of criminal ideology on the Internet	83
Vladimir A. Karleba International cooperation in the field of criminal justice – new realities	87
Alexey A. Kashkarov Institutes of administrative and tort law as an instrument of domestic criminal law policy	91
Tatyana V. Leonova On the question of the relationship between the provisions of Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and special grounds for exemption from criminal liability provided for by the special part of the Criminal Code of the Russian Federation	95

Azamat A. Marzei, Eldar A. Dotkulov, Ibrahim Z. Zaptiev, Marina Kh. Berbekova The privileged position of persons with a criminal record in relation to persons subjected to administrative punishment as a basis for recognizing a norm that does not comply with the Constitution of the Russian Federation	98
Arkadi S. Nekoz Book Review: Kai Ambos, Antony Duff, Julian Roberts and Thomas Weigend (eds.), Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice: Volume I, Cambridge University Press, 2020	102
Arkadi S. Nekoz Murder under the criminal law of the Republic of South Africa: a brief note	104
Vitaly V. Nimirovsky, Jozefa K. Nimirovskaya Trafficking in human organs as a factor determining human trafficking	107
Yulia O. Pronina, Nikolay V. Petrov, Dmitry I. Pavlov Transformation of family legislation at the present stage of development of Russian society: directions and challenges	113
Svetlana V. Rudakova Defence counsel and his right to appeal in the pre-trial stages of the criminal process	117
Yulia S. Tkacheva Physical violence as a category of criminal violence	123
Tatiana V. Utkina Criminal-legal and criminal-executive characteristics of rejected behavior of convicts to penalties without isolation from society	129
Hao Zerun The impact of international law on the import and export of SMEs	133
Sergey Yu. Chimarov, Viktor S. Byalt Philosophical and legal meaning of the category «belief» in the doctrine Georg Wilhelm Friedrich Hegel	136
Anna V. Shpetnaja New measures to counter remote fraud	139
ECONOMIC SCIENCES	
Mukharbek I. Aushev Mechanism of investment in credit derivative contracts	145
Ekaterina D. Volkova The importance of eco-branding for the sustainable development of the company	148
Liu Fangchen Research of problems and strategies of development of multinational enterprises	151
Ma Peihong New changes and new opportunities for regional cooperation in Northeast Asia in the post-epidemic era	153
Ma Peihong An exploration of a new type of great power relationship between China and Russia in the 21st century	156
Yu Hechen Management model of new energy enterprises	159

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Бородавко Леонид Трофимович

доктор педагогических наук,
доцент,
профессор кафедры
физической подготовки
и прикладных единоборств,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
borodavkoleonid27@yandex.ru

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

**СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА
В ВОЗЗРЕНИЯХ Н.Н. СТРАХОВА**

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных воззрений русского философа, публициста и литературного критика Николая Николаевича Страхова. По мнению авторов, актуальность обращения к творческому наследию данного мыслителя обусловлена: во-первых, глубиной «проработки» им темы «патриотизма»; во-вторых, особенностями современного этапа развития России, проходящей очередной рубеж испытания на прочность своей государственности и способности российских граждан к адекватному решению многогранных задач, в плане защиты национальных интересов своей страны; в-третьих, целесообразностью нового осмысления идеи патриотизма и интегрирования ее базовых положений в систему воспитательной работы с российскими гражданами. Акцентируя внимание на области пересечения сфер национального патриотизма и свободы в аксиологическом восприятии внешнего воздействия на патриотическое проявление личностью своего гражданского долга, авторы выдвигают гипотезу относительно очевидной значимости осознанного отношения своих соотечественников к необходимости придерживаться патриотической традиции, избегая при этом любых ложных поведенческих схем, укладывающихся по определению Ф.М. Достоевского, являющегося единомышленником Н.Н. Страхова в понимании сущностных основ патриотизма, в формат «смешного патриотизма».

Ключевые слова: социум, патриотизм, Отечество, гражданин, личность, воспитательная работа, традиции, нравственность.

Leonid T. Borodavko

Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Physical Training
and Applied Martial Arts,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
borodavkoleonid27@yandex.ru

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Personnel
Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

**THE SOCIAL ASPECT OF THE PATRIOTIC
EDUCATION OF THE RUSSIAN CITIZEN
IN THE VIEWS OF N.N. STRAKHOVA**

Annotation. The article presents an analysis of individual views of the Russian philosopher, publicist and literary critic Nikolai Nikolaevich Strakhov. According to the authors, the relevance of addressing the creative heritage of this thinker is due to: firstly, the depth of his «study» of the topic of «patriotism»; secondly, the peculiarities of the current stage of Russia's development, which is passing the next milestone of testing the strength of its statehood and the ability of Russian citizens to adequately solve multifaceted tasks in terms of protecting the national interests of their country; thirdly, the expediency of a new understanding of the idea of patriotism and the integration of its basic provisions into the system of educational work with Russian citizens. Focusing on the area of intersection of the spheres of national patriotism and freedom in the axiological perception of external influence on the patriotic manifestation of one's civic duty, the authors put forward a hypothesis regarding the obvious significance of the conscious attitude of their compatriots to the need to adhere to the patriotic tradition, while avoiding any false behavioral patterns that fit by definition F.M. Dostoevsky, who is an associate of N.N. Strakhov in understanding the essential foundations of patriotism, into the format of «ridiculous patriotism».

Keywords: society, patriotism, Fatherland, citizen, personality, educational work, traditions, morality.

Глобальные изменения, происходящие в современной картине мира, обусловленные проведением Российской Федерацией с 24 февраля текущего года специальной военной операции на территории Донецкой и Луганской народных республик, а также, в иных украинских областях, предопределяют актуальность обращения к теме патриотизма российских граждан, способствующей более глубокому пониманию нашими соотечественниками социальной значимости верности своему патриотическому долгу на современном этапе развития России. В этой связи, мы считаем оправданным апеллировать к творческому наследию наших выдающихся предшественников, и, в первую очередь, к идеям русского мыслителя и член-корреспондента Петербургской академии Наук (1890 г.), философа-почвенника, литературного критика и публициста XIX в. Николая Николаевича Страхова (1828–1896 гг.), богатейшее творческое наследие которого [3] по-прежнему является востребованным и имеет существенное значение в решении задачи патриотического воспитания современного поколения российских граждан.

Пребывая в состоянии «нетерпеливого ожидания нравственной победы России над Европой» [4, с. 133], указанный философ усматривает наличие прямой связи подлинного патриотизма со святыми чувствами души человека, являющегося истинным гражданином своего Отечества.

Исследуя обширный круг общественных тенденций, сопряженных с ростом либерального движения, что способствовало, в определенной степени, проявлению в российском обществе второй половины XIX в. феномена «прогрессивного опыления», умеренный консерватор Н.Н. Страхов констатирует необходимость возрождения патриотизма, «которым так бесконечно сильна наша земля» [5, с. 470].

На наш взгляд, происходящее сегодня в период проведения специальной военной операции, а также, активное участие в противостоянии усилиям России по денацификации и демилитаризации Украины «коллективного Запада» вообще и Польши, в частности, позволяет акцентировать внимание на идеях статьи Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», опубликованной в период подавления польского восстания (1863 г.). Как справедливо замечает В.А. Фатеев, одна из наиболее важных идей данной статьи заключается в признании несомненного превосходства по своим задаткам русской православной культуры, превосходящей внешне блестящую европейскую культуру, усвоенную, в том числе и Польшей [8, с. 186].

Демонстрируя свою солидарность с авторской позицией в отмеченной статье Н.Н. Страхова, писатель Ф.М. Достоевский предостерегает от опасности «англизированного патриотизма», подтверждает уникальность «народных начал в русском племени» и стратегическое значение для представителей русской нации оставаться русскими, не трансформируясь под влиянием либеральных идей во французов или немцев [1, с. 99–100]. Более того, по констатации Ф.М. Достоевского,

любой отход нашего соотечественника или социальной общности наших сограждан от веры в самодостаточность русского пути развития способствует видоизменению модели традиционного патриотизма в парадигму искаженного патриотизма в форме «смешного».

Определяя структурные элементы общей конструкции патриотизма русского народа, Н.Н. Страхов приходит к выводу о том, что патриотизм:

- во-первых, неотделим от чувства гордости за свое Отечество;
- во-вторых, основывается на признании обширности и крепости своего государства;
- в-третьих, основывается на благоговении каждого гражданина перед русскими началами и духовными силами своего народа, «ревниво охраняющими его самостоятельность».

По мысли указанного философа, именно эта триада и составляет глубинные основы государственной силы России, у которой «своя судьба и свое великое развитие». Однозначно придерживаясь позиции национального почвенничества, Н.Н. Страхов не ограждает идею русского патриотизма от восприятия некоторых авторитетных позиций сокровищницы мировой мысли и европейской цивилизации, поскольку «только тому, то верит в родную страну, тому не страшны эти авторитеты» [6].

По нашему представлению, указанный вывод отечественного публициста позволяет размышлять о генезисе и последующей эволюции представлений на тему патриотизма вне системы координат абсолютного изоляционизма суть тотальной замкнутости исключительно на восприятии лишь опыта своей страны и ее традиций. Развивая далее мысль об эвентуальном пересечении областей патриотизма и внешнего влияния на русскую действительность, Н.Н. Страхов заключает о различии, существующем между влиянием извне и свободой его аксиологии, поскольку «свобода от влияний не значит их неведение, или пренебрежение. Свободное отношение к предмету значит только, что не он нас подавляет, а, напротив, мы умеем возвышаться над ним, умеем судить о нем вполне самостоятельно» [7]. В качестве иллюстрации к указанному суждению, философ ссылается на пример русского государственного деятеля и историка Н.М. Карамзина, являвшегося истинным патриотом и, в то же время, не ставившего Европу ниже России.

В качестве второго примера, Н.Н. Страхов обращается к поэтическим строкам А.Н. Майкова (стихотворение «П.А. Плетневу»):

«За стаю орлов двенадцатого года

С небес спустилась к нам стая лебедей,

И песни чудные невиданных гостей

Доселе памятны у русского народа» [2, с. 129].

Подводя итог изложенному, мы считаем необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Тема патриотизма, сохраняя свою несомненную актуальность на протяженном пути развития социума, приобретает особое значение в период эпохальных изменений в жизни нашего государства, занимая при этом одно из центральных направлений в обширном ряду комплексных усилий по поддержанию государственного суверенитета на должном уровне.

2. Базисные установки идеи российского патриотизма неотделимы от нравственного совершенствования личности каждого гражданина Российской Федерации, воплощающего в процессе общественного бытия осознанное отношение к пониманию своей моральной ответственности за судьбу Отечества и верного служения ему в сфере своей профессиональной принадлежности и независимо от своего социального положения.

3. Формирование гражданина-патриота закономерным образом сочетается с фактором системного подхода к организации воспитательной

работы на идеях уважительного отношения каждой отдельной личности к истории своей страны, традициям укрепления ее экономической мощи и защиты от любых посягательств на достойное существование в современном многополярном мире, содержащем обилие угроз и вызовов.

4. Непременным условием эффективности воспитательной работы в духе национального патриотизма выступает приверженность организаторов воспитательного дела традициям формирования патриотически настроенного российского гражданина, для которого тема Отечества и верного служения ей составляет подлинный смысл его деятельности и социального бытия.

5. Подлинным родником чувства патриотизма для наших сограждан выступает богатейшее теоретическое наследие отечественной философской, исторической и педагогической мысли, а также литературной и публицистической деятельности великих людей российского государства, к которым принадлежит и Николай Николаевич Страхов.

Литература:

1. *Достоевский Ф.М.* Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских Ведомостей» / Ф.М. Достоевский // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 20 «Статьи и заметки. 1862–1865». Л. : Наука, 1980. С. 97–101.

2. *Майков А.Н.* Избранные произведения. М. : Издательство «Советский писатель», 1977. 912 с.

3. Николай Николаевич Страхов: философ, литературный критик, переводчик: библиогр. указ. / Сост. Г.Н. Бондарева. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. 168 с.

4. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе / Н.Н. Страхов // Исторические и критические очерки. Кн. вторая. СПб. : Типография братьев Пантелеевых, 1890. С. 129–133.

5. *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / Н.Н. Страхов // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1990. С. 375–532.

6. *Страхов Н.Н.* Письмо к редактору «Дня» / Н.Н. Страхов; Сайт «Литература и жизнь». URL : http://dugward.ru/library/strahov/strahov_pismo_redaktoru_dnya.html (дата обращения 13.07.2022).

7. *Страхов Н.Н.* Заметки о текущей литературе / Н.Н. Страхов; Сайт «Lib.ru/Классик». URL : http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0420oldorfo.shtml (дата обращения 14.07.2022).

8. *Фатеев В.А.* История отношений двух непохожих мыслителей / В.А. Фатеев, М.Н. Катков, Н.Н. Страхов // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1(2). С. 177–203.

Literature:

1. *Dostoevsky F.M.* The response of the editorial board of «Time» to the attack of «Moscow Vedomosti» / F.M. Dostoevsky // Complete collection of works: in 30 vol. Vol. 20 «Articles and notes. 1862–1865». L. : Nauka, 1980. P. 97–101.

2. *Maikov A.N.* Selected works. M. : Publishing House «Soviet Writer», 1977. 912 p.

3. Nikolay Nikolaevich Strakhov: philosopher, literary critic, translator: bibliogr. decree. / comp. G.N. Bondareva. Belgorod : Publishing house «Belgorod» NRU «BelGU», 2019. 168 p.

4. *Strakhov N.N.* The struggle with the West in our literature / N.N. Strakhov // Historical and critical essays. Book Two. SPb. : Printing house of the Panteliev brothers, 1890. P. 129–133.

5. *Strakhov N.N.* Memories of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky / N.N. Strakhov // Dostoevsky F.M. in the memoirs of contemporaries : In 2 vol. Vol. 1. M. : Fiction, 1990. P. 375–532.

6. *Strakhov N.N.* Letter to the editor of the «Day» / N.N. Strakhov; Website «Literature and life». URL : http://dugward.ru/library/strahov/strahov_pismo_redaktoru_dnya.html (accessed: 13.07.2022)

7. *Strakhov N.N.* Notes on current literature / N.N. Strakhov; Website «Lib.ru/Classic». URL : http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0420oldorfo.shtml (date of application 07/14/2022)

8. *Fateev V.A.* The history of the relations of two dissimilar thinkers / V.A. Fateev, M.N. Katkov, N.N. Strakhov // Russian-Byzantine Bulletin. 2019. № 1(2). P. 177–203.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samugin78@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR-менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
serq1952@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ
ЗАНЯТИЙ МОЛОДЕЖЬЮ СПОРТОМ
КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ КОМПОНЕНТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ**

Аннотация. В статье анализируются проблемы и перспективы реализации государственной политики, направленной на создание условий для занятий современной российской молодежью спортом. Авторы отмечают, что, несмотря на выделенные в многочисленных государственных программах развития физической культуры и спорта базовые целевые показатели, предусматривающие вовлечение абсолютного большинства молодых людей в нашей стране к систематической деятельности физкультурно-спортивного характера, данная деятельность в настоящее время не выступает в качестве основного вида досуговых предпочтений значительной части российской молодежи. Подчеркивается, что в настоящее время существует необходимость в переориентации государства на поддержку массового спорта, что может быть достигнуто наряду со строительством новых спортивных объектов и сооружений также и посредством удешевления предоставляемых различным категориям населения физкультурно-спортивных услуг.

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociological Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History
Faculty of History, Sociology
and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Petr S. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor, Department of Theory
and the History of the State and Law,
Rostov State
University of Economics
samugin78@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Financial
and HR Management,
Rostov State University of Economics
serq1952@mail.ru

**FORMATION OF CONDITIONS
FOR YOUTH SPORTS AS AN INTEGRAL
COMPONENT OF THE STATE YOUTH
POLICY**

Annotation. The article analyzes the problems and prospects of the implementation of state policy aimed at creating conditions for modern Russian youth to engage in sports. The authors note that despite the basic targets identified in numerous state programs for the development of physical culture and sports, which provide for the involvement of the absolute majority of young people in our country in systematic physical culture and sports activities, this activity currently does not act as the main type of leisure preferences of a significant part of Russian youth. It is emphasized that at present there is a need to reorient the state to support mass sports, which can be achieved along with the construction of new sports facilities and facilities also by reducing the cost of physical culture and sports services provided to various categories of the population.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, спорт, молодежный спорт, массовый спорт, физическая культура, социализация, досуг, рекреация, здоровье, здоровый образ жизни.

Keywords: youth, state youth policy, sports, youth sports, mass sports, physical culture, socialization, leisure, recreation, health, healthy lifestyle.

В качестве одного из значимых направлений деятельности молодежи выступает спорт, который традиционно рассматривается в качестве важного параметра здорового образа жизни, оказывая непосредственное воздействие на состояние здоровья представителей молодого поколения, влияя также и на показатели его работоспособности, возможности успешно адаптироваться к постоянно меняющимся внешним условиям. Данное обстоятельство обуславливает интерес авторов к анализу факторов, которые влияют на формирование потребности молодых людей в реализации той или иной активности спортивного характера, определяя место спорта в структуре свободного времени российской молодежи. Необходимо отметить, что в соответствии с федеральным законом от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» формирование условий для занятий молодежью спортом относится к числу основных направлений реализации молодежной политики российского государства [1]. Основная проблема здесь заключается в том, что, несмотря на выделенные в многочисленных государственных программах развития физической культуры и спорта федерального и регионального уровней базовые целевые показатели, предусматривающие вовлечение абсолютного большинства молодых людей в нашей стране к систематической деятельности физкультурно-спортивного характера, данная деятельность в настоящее время не выступает в качестве основного вида досуговых предпочтений значительной части российской молодежи.

Речь здесь идет, в первую очередь, о массовом спорте, занятия которым могут осуществляться молодыми людьми в свободное от основного вида деятельности (работы или учебы) время. Массовая спортивная деятельность предусматривает осуществление регулярной спортивной деятельности на самостоятельной или на организованной основе в комплексе с участием в соответствующих спортивных мероприятиях (соревнованиях, фестивалях и т.д.).

Значимость массового спорта определяется реализуемыми им функциями, к числу которых принято относить функцию оздоровления организма, связанную с сохранением и укреплением здоровья спортсменов, функцию рекреацию, связанную с организацией досуговой деятельности на основе регулярных и систематических физкультурно-спортивных занятий. В специальных исследованиях, посвященных массовому спорту и его роли в социализации молодежи, подчеркивается направленность последнего на решение актуальных для общества целей и задач социально-экономического характера, связанных с отвлечением молодых людей от различных видов девиантного поведения, отказом от вредных привычек, включающих курение и злоупотребление алкоголем,

профилактикой различных хронических заболеваний, улучшением ряда показателей качества жизни и т.д. [2, с. 43].

Среди факторов, влияющих на уровень вовлеченности молодежи в занятия спортом, принято выделять факторы внутреннего и внешнего характера: если первые связаны с соответствующими ценностными установками и ориентациями молодых людей, направленными на спорт, мотивациями к осуществлению физкультурно-спортивной деятельности, то вторые не зависят от субъективных предпочтений молодежи и связаны, в первую очередь, с созданными государством и органами местного самоуправления условиями для занятий спортом, характером и содержанием молодежной политики в рассматриваемой сфере. Речь здесь идет о развитии соответствующей спортивной инфраструктуры, создании условий для функционирования спортивных объектов и сооружений, о степени доступности последних для представителей различных групп молодежи в комплексе со спортивными кружками, секциями, соревнованиями и другими мероприятиями спортивного характера. Необходимо отметить, что в области спортивной инфраструктуры в нашей стране имеются определенные достижения, включающие увеличение в течение последних лет количества спортивных объектов: так, в период с 2015 по 2019 гг. число данных объектов выросло на 10 тыс. единиц. Согласно данным официальной статистики, обеспеченность населения инфраструктурой спортивного характера оценивается в 56 % (в то же время, в статистических материалах отсутствует оценка фактического спроса представителей различных групп населения на объекты спортивного профиля) [3].

Материалы всероссийских социологических исследований свидетельствуют о том, что значительная часть современной российской молодежи имеет возможность посещать различные спортивные объекты и сооружения: так, недалеко от мест проживания молодых людей находятся такие объекты, как стадионы (на это указали 40 % опрошенных молодых людей), спортивные площадки (35,1 %), залы (32,4 %), спортивные комплексы (24,9 %), бассейны (22,1 %) [4, с. 273]. При этом необходимо отметить, что рассматриваемые спортивные сооружения распределены достаточно неравномерно по территории страны или отдельных федеральных округов и субъектов федерации. Так, в Южном Федеральном округе значительная часть спортивных объектов и сооружений сконцентрирована в Ростовской области и Краснодарском крае, а в Астраханской области, к примеру, уровень финансирования спортивной сферы является более низким по сравнению с двумя выделенными регионами (в Республике Крым деятельность, направленная на модернизацию физической культуры и спорта,

вообще, находится на начальной стадии, что обуславливает низкий уровень развития спорта в рамках данного региона) [5]. Наряду с материалами официальной статистики, следует учитывать и уровень удовлетворенности самих представителей молодежи качеством предоставляемых физкультурно-спортивных услуг. Здесь необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что значительная часть молодежи не удовлетворена созданными государством и муниципалитетами условиями для занятий спортом: причины данной неудовлетворенности обусловлены, в первую очередь, высокой стоимостью услуг в области спорта, а также – отсутствием реального выбора в этой сфере.

Как показывают материалы Счетной палаты РФ, включенные в Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка доступности в 2018–2019 годах и истекшем периоде 2020 года физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг», для значительной части россиян рассматриваемые услуги остаются по-прежнему недоступными. Все дело в том, что данные услуги предоставляются, преимущественно, на коммерческой (платной) основе, а стоимость занятий определяется организациями, предоставляющими физкультурно-спортивные услуги. Для значительной части представителей малообеспеченных слоев населения эти услуги не доступны по причине низкого уровня доходов данных категорий населения. Отметим, что значительная часть молодежи относится к низкодоходным группам населения, поэтому, применительно к представителям рассматриваемой социально-демографической группы, выводы аналитиков Счетной палаты выглядят особенно актуальными. В тексте указанного Отчета также отмечается, что расходы абсолютной части населения современной России (до 70 % россиян) на оплату услуг физкультурно-оздоровительного и спортивного характера были меньше, чем необходимо для оплаты этих занятий на регулярной и систематической основе. В то же время, именно регулярность в занятиях спортом является приоритетной, поскольку в том случае, если спортсмен занимается не систематически, это не оказывает позитивного воздействия на показатели его здоровья и является, по сути, бессмысленным. В соответствии с итоговыми выводами, сделанными экспертами Счетной палаты, в российском обществе, несмотря на усилия государства, вплоть до настоящего времени не устранены причины, ограничивающие массовую вовлеченность различных групп населения в занятия физической культурой и спортом (интересно, что экспертами также были обнаружены существенные расхождения в материалах статистики, представленных Минспортом РФ: так, в соответствии с данными указанного министерства, количество россиян в возрасте от 15 до 18 лет, занимающихся спортом, на 7 % превышает общую численность населения России в этой возрастной категории) [6].

В специальных исследованиях отмечается, что уровень материального благосостояния молодежи в настоящее время является значимым препятствием на пути вовлечения в массовый спорт значительной части молодежи [7, с. 137].

Выше мы уже писали о том, что молодежь представляет собой достаточно уязвимую группу с точки зрения ее материального благосостояния, что отражается на ее финансовых возможностях, в том числе, в плане доступа к услугам физкультурно-спортивного характера. Последние десятилетия развития спортивного движения в нашей стране отмечены широкой коммерциализацией массового спорта, предусматривающей трансформацию последнего в отдельный вид деятельности предпринимательского характера: данные тенденции имеют следствием снижение возможностей занятий спортом для той части молодежи, которая относится к низкодоходным группам российского общества. Сам массовый спорт в России, зачастую, финансируется по остаточному принципу: здесь приоритет отдается профессиональному спорту, что проявляется в развитии соответствующих спортивных объектов и сооружений. На данное обстоятельство обращают внимание эксперты, подчеркивающие неудовлетворительное состояние инфраструктуры для массового спорта и отмечающие относительно небольшое число россиян, по сравнению с жителями западноевропейских стран, вовлеченных в регулярные и систематические физкультурно-спортивные занятия [8]. Результаты массовых социологических опросов также, в целом, соответствуют позициям экспертов: так, эмпирические данные, в частности, свидетельствуют о том, что детские и молодежные спортивные клубы, в отличие от крупных спортивных сооружений, не соответствуют современным требованиям, не обладают достаточной и необходимо материальной базой. Как было отмечено респондентами, значительная финансовых ресурсов уходит на поддержку и популяризацию профессиональных, «элитных» видов спорта, в то время, как малая часть этих средств направляется на поддержку массовых видов спорта [9, с. 203–204].

Многие эксперты также отмечают формализм, который имеет место при проведении спортивных мероприятий массового характера. Несмотря на многочисленные целевые программы развития спорта, строительство большого количества объектов и сооружений спортивной направленности, роль государства в развитии спорта, в целом, и молодежного спорта, в частности, представляется значительной частью экспертов недостаточной, что находит отражение в декларативности соответствующих программ, в недостаточном финансировании сферы массового спорта. Так, немалая часть, введенных в течение последних лет в эксплуатацию спортивных сооружений, ориентирована для использования, в первую очередь, профессиональными спортсменами и клубами. Что же касается молодежи, то доступ ее представителей ко многим спортивным объектам ограничен, что предусматривает необходимость увеличения финансирования области физической культуры и спорта с учетом приоритетного внимания именно к массовому спорту, развития его материальной базы и инфраструктуры.

Неотъемлемым компонентом спортивной деятельности, в том числе, и массового спорта выступают состязания: организацию соревнований также необходимо рассматривать как важный

компонент государственной политики, направленной на формирование условий для занятий молодежью спортом. Для спортсменов любого уровня участие в спортивных состязаниях является важным стимулом для тренировок в соответствующем виде спорта, регулярным и систематическим спортивным занятиям. По этой причине организация и проведение спортивных состязаний по различным видам спорта должна находиться в центре внимания государственных органов власти, ответственных за спортивную сферу в различных регионах страны.

В тексте государственной программы РФ «Развитие физической культуры и спорта», которая вступила в силу с 01 января 2022 г., в числе основных проблем выделяется недостаточно высокий уровень вовлеченности ряда категорий населения в систематические занятия физической культурой и спортом, низкий уровень здоровья молодежи, недостаточность спортивной инфраструктуры. К числу ключевых вызовов для физической культуры и массового спорта разработчиками рассматриваемой Программы были отнесены:

- «увеличение числа граждан, нуждающихся в оздоровлении средствами физической культуры и спорта, в том числе, вследствие перенесенных заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией (COVID-19);
- возросшие требования к уровню физической подготовленности допризывной молодежи как фактору обеспечения боеготовности вооруженных сил;
- наличие региональных диспропорций в обеспеченности населения физкультурно-спортивной инфраструктурой;
- недостаточная ресурсная обеспеченность сферы физической культуры и спорта, в том числе системы профессионального образования;
- сокращение реально располагаемых доходов, экономия граждан на занятиях физической культурой и спортом» [10].

С учетом данных обстоятельств, программа «Развитие физической культуры и спорта»

Литература:

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL : www.zakonrf.info/doc-36549009 (дата обращения 25.06.2022).
2. *Самыгин С.И.* Массовый спорт и его роль в социализации молодежи в современной России / С.И. Самыгин, П.С. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2015. № 5.
3. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в

предусматривает создание для всех категорий и групп населения и, в том числе, детей и молодежи условий для занятий физической культурой и массовым спортом, в том числе, повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта. К задачам государственного управления в рассматриваемой области отнесены, соответственно:

- создание условий для привлечения граждан к систематическим занятиям физической культурой и спортом;
- создание эффективной системы физического воспитания различных категорий и групп населения;
- повышение доступности спортивной инфраструктуры для всех категорий и групп населения [10].

В настоящее время существует необходимость в переориентации государства на поддержку массового спорта, что может быть достигнуто наряду со строительством новых спортивных объектов и сооружений также и посредством удешевления предоставляемых различным категориям населения физкультурно-спортивных услуг. Очевидно, что наиболее уязвимые группы населения, к числу которых относится молодежь, должны иметь равные возможности для занятий физической культурой и спортом с целью укрепления собственного здоровья и повышения работоспособности. В то же время, только одних спортивных сооружений недостаточно для обеспечения высокого уровня вовлеченности молодежи в регулярные и систематические занятия физической культурой и спортом, поскольку многое зависит и от устойчивых ориентаций на спортивно-оздоровительную деятельность. Отсюда проистекает необходимость в формировании у молодых людей интереса, желания и потребностей в регулярных спортивных занятиях, навыков здорового образа жизни. Здесь важную роль должны играть современные средства массовой информации, призванные оказывать воздействие на сознание молодежи, способствуя укоренению представлений о спорте как важном институте оздоровления, неотъемлемом компоненте досуговой активности представителей рассматриваемой социально-демографической группы.

Literature:

1. Federal Law № 489-FZ of 30.12.2020 «On Youth Policy in the Russian Federation». URL : www.zakonrf.info/doc-36549009 (date of the application 25.06.2022).
2. *Samygin S.I.* Mass sport and its role in the socialization of youth in modern Russia / S.I. Samygin, P.S. Samygin // *Humanities, socio-economic and social sciences.* 2015. № 5.
3. The Order of the Government of the Russian Federation dated 24.11.2020 № 3081-r «On approval of the Strategy for the development of physical culture

Российской Федерации на период до 2030 г.». URL : www.consultant.ru (дата обращения 25.06.2022).

4. *Горшков М.К.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М. : ФНИСЦРАН, 2020.

5. *Ширков Ю.А.* Об уровне развития спортивной инфраструктуры в Южном федеральном округе / Ю.А. Ширков // *Инновации: электронный научный журнал*, 2018. № 5(38). URL : www.innov.ru (дата обращения 25.06.2022).

6. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка доступности в 2018–2019 годах и истекшем периоде 2020 года физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг». URL : www.ach.gov.ru (дата обращения 25.06.2022).

7. *Болозин А.А.* Доступность массового спорта для современной российской молодежи / А.А. Болозин // *Социально-гуманитарные знания*. 2018. № 11.

8. *Клюев А.П.* Тенденции и барьеры управления массовым спортом в современной России (на материалах экспертного опроса) / А.П. Клюев, П.К. Кузнецов // *Управленческое консультирование*. 2013. № 2.

9. *Конеева Е.В.* Популяризация физической культуры и спорта среди молодежи / Е.В. Конеева // *Человеческий капитал*. 2020. № 8(140).

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2021 № 1661 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». URL : www.publication.pravo.gov.ru (дата обращения 25.06.2022).

and sports in the Russian Federation for the period up to 2030». URL : www.consultant.ru (accessed 25.06.2022).

4. *Gorshkov M.K.* The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research : monograph / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M. : FNISCRAN, 2020.

5. *Shirkov Yu.A.* On the level of development of sports infrastructure in the Southern Federal District / Yu.A. Shirkov // *Innovations: electronic scientific journal*, 2018. № 5(38). URL : www.innov.ru (date of the application 25.06.2022).

6. Report on the results of the expert-analytical event «Assessment of accessibility in 2018–2019 and the expired period of 2020 of physical fitness and sports services». URL : www.ach.gov.ru (date of the application 25.06.2022).

7. *Bolozin A.A.* Accessibility of mass sports for modern Russian youth / A.A. Bolozin // *Social and humanitarian knowledge*. 2018. № 11.

8. *Klyuev A.P.* Trends and barriers of mass sports management in modern Russia (based on the materials of an expert survey) / A.P. Klyuev, P.K. Kuznetsov // *Management consulting*. 2013. № 2.

9. *Koneeva E.V.* Popularization of physical culture and sports among young people / E.V. Koneeva // *Human capital*. 2020. № 8(140).

10. Decree of the Government of the Russian Federation № 1661 dated 30.09.2021 «On Approval of the State Program of the Russian Federation «Development of Physical Culture and Sports» and on Invalidation of Certain Acts and Certain Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation». URL : www.publication.pravo.gov.ru (date of the application 06.25.2022).

Малышко Ярослав Олегович
аспирант кафедры экономической
социологии и менеджмента,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
yarmalyshko@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье представлены результаты социологического опроса, выполненного по авторской анкете. Социологическое исследование выполнено методом онлайн-анкетирования. В исследовании приняли участие 215 сотрудников различных предприятий. В статье рассматривается частота столкновения на рабочем месте с социально-трудовыми конфликтами у различных сотрудников, шкала удовлетворенности текущим рабочим местом работников предприятий, а также шкала вероятности смены работы в ближайший год. Представленные данные также рассматриваются и в разрезе целевых групп, выделенных по социально-демографическим признакам.

Ключевые слова: конфликт, социально-трудовой конфликт, труд, работа.

Конфликты – обычное и частое явление. Без конфликтов уже невозможно представить современный мир. Конфликты стали неотъемлемой частью жизни человека во всех сферах общественной жизни.

В рамках нашей работы мы поддерживаемся концепции взгляда на конфликт в работах видных социологов и философов: Р. Дарендорф [1], Г. Зиммель [2], Л. Козер [3]. По их мнению, конфликт имеет не только отрицательные последствия, как может показаться на первый взгляд, но и положительные. Конфликт – функционален для общественных систем. Эти исследователи связывали большую часть негативных последствий конфликтов с неумением управлять им. Наличие конфликта, по мнению последователей данного направления, является нормальным явлением, а вот – отсутствие, говорит об аномалии или латентной проблеме в организации. На наш взгляд, данный подход к изучению конфликтов является наиболее верным. Большую часть своей жизни человек проводит в рамках трудовой деятельности. Именно в сфере труда приобретает большая часть жизненного опыта, происходит вторичная социализация человека, удовлетворяются важные потребности: в труде как средства к жизни, способа самореализации и пр. В

Yaroslav O. Malyshko
Postgraduate Student of the Department
of Economics Sociology and Management,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
yarmalyshko@yandex.ru

RESEARCH OF SOCIAL AND LABOR CONFLICTS IN LABOR ACTIVITY

Annotation. This article presents the results of a sociological survey carried out according to the author's questionnaire. The sociological research was carried out by the online questionnaire method. The study involved 215 employees of various enterprises. The article examines the frequency of workplace collisions with social and labor conflicts among various employees, the scale of satisfaction with the current workplace of employees of enterprises, as well as the scale of the probability of changing jobs in the coming year. The presented data are also considered in the context of target groups, identified by socio-demographic characteristics.

Keywords: conflict, social and labor conflict, labor, work.

производственных организациях социально-трудовые конфликты зачастую выступают неотъемлемой частью множества происходящих в них социальных процессов, которые непосредственно влияют на эффективность деятельности самой организации.

В нашей статье мы будем использовать основополагающий для нас термин – социально-трудовой конфликт. Поэтому необходимо дать ему определение, которым мы будем пользоваться и в дальнейшем в рамках нашей работы. Свое определение понятия, на наш взгляд, дал доктор социологических наук А.А. Осеев. *Социально-трудовой конфликт* мы понимаем как разновидность социального конфликта. Это особый вид общения, в основе которого лежат противоречия в системе трудовых отношений. Это столкновение противоположно направленных действий работников, вызванное расхождением интересов, ценностей и норм поведения [5].

Для того, чтобы проанализировать социально-трудовые конфликты и их влияние на различные трудовые процессы, нам было проведено собственное авторское пилотажное социологическое исследование, в котором было опрошено 215 респондентов, занятых в трудовой деятельности на

различных предприятиях. Опрос проводился в апреле 2022 года по авторской анкете методом онлайн-анкетирования. Для обозначения уровня значимости в нашей статье мы используем уровень значимости 95 %. Среди опрошенных

респондентов только у 18 % на работе никогда не возникало каких-либо конфликтов. У 16 % конфликты на работе возникают часто, у 41 % – иногда, а у 25 % опрошенных конфликты возникают довольно редко (рис. 1).

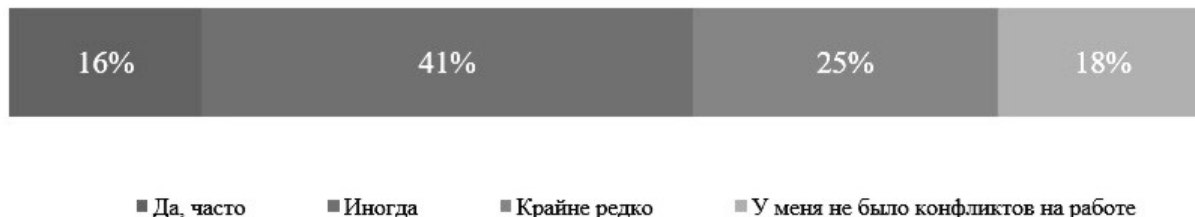

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Сталкивались ли Вы когда-нибудь на работе с конфликтными ситуациями?»

Если смотреть на частоту возникновения конфликтных ситуаций на работе, можно заметить, что в разрезе целевых аудиторий выделяются несколько особенностей. Мужчины значительно чаще отмечают, чем женщины, что конфликты на работе возникают часто. Сотрудники негосударственных предприятий в сравнении с государственными предприятиями чаще указывают на то, что у них не было конфликтов. Можно утверждать, что сотрудники в более гибких предприятиях (таких, как негосударственные) реже вступают в конфликты. Кроме того, есть закономерность, при которой сотрудники, которые не меняли место работы, реже указывают на наличие конфликтов на рабочем месте. То есть, можно сказать, что конфликты все же влияют на смену места работы.

Чтобы убедиться в достоверности данных нашего опроса мы провели сравнительный анализ с другим, ранее проведенным исследованием. Для сравнения с нашим исследованием мы взяли опрос, который проводила служба исследований HH.ru (крупнейшего в России сайта для поиска работы). Данный опрос проводился с 22 по 27 октября 2020 года среди 6463 респондентов (из них

3116 работающих и 3070 – неработающих сотрудников, но ранее имеющий опыт работ). По данным нашего исследования, 82 % опрошенных сталкивались на работе с конфликтными ситуациями, а по данным HH.ru, в конфликтах принимали участие 66 % опрошенных и еще 13 % затруднилось ответить на вопрос [4]. Эти данные, в целом, подтверждают полученные нами результаты. Важно иметь в виду, что наш опрос проводился в апреле 2022 года, когда в СМИ стали обсуждать изменение социально-экономического положения России в 1 квартале 2022 г., что также могло способствовать увеличению количества конфликтов на рабочем месте и согласовываться с данным исследованием HH.ru, которое было проведено ранее до изменения социально-экономического положения России в 1 квартале 2022 г.

В следующем вопросе мы выявляли удовлетворенность респондентов своим текущим местом работы. Оценка выше среднего (от 6 до 10 баллов) ставят подавляющее количество людей – 84 %. Не удовлетворены своим текущим местом работы (оценка от 1 до 5 баллов) – 16 % опрошенных (рис. 2).

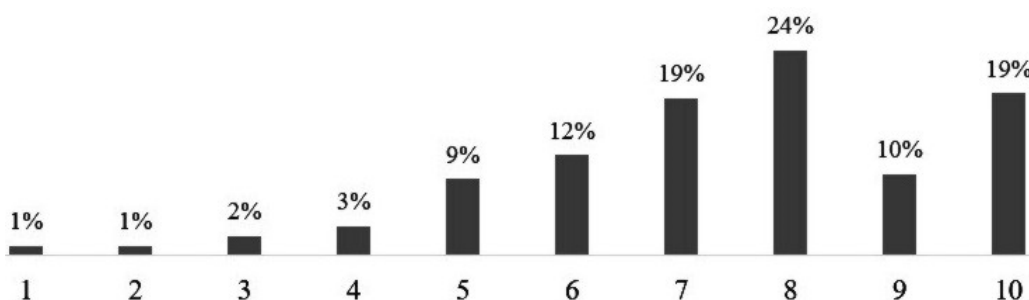

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «Оцените по шкале от 1 до 10, насколько Вы удовлетворены своим текущим рабочим местом? (где 1 – совсем НЕ удовлетворен, 10 – полностью удовлетворен)»

Для проведения вторичного анализа, мы возьмем для сравнения с нашим опросом исследование удовлетворенности работой от HH.ru. В исследовании крупнейшей в России платформы онлайн-рекрутинга приняло участие 1655 россиян. Исследование проводилось со 2 по 5 сентября 2021 года. 28 % сотрудников полностью удовлетворены своим местом работы. Для сравнения, в

нашем исследовании, полную удовлетворенность текущим рабочим местом (оценка 1 + 2 балла) высказало 29 % опрошенных [6]. В целом, можно заметить, что результаты двух опросов схожи, что может говорить о достоверности полученных данных в ходе нашего социологического исследования.

Далее, мы решили провести анализ влияния конфликтных ситуаций на работе на удовлетворенность рабочим местом. Для этого мы выделили группу наиболее удовлетворенных текущим местом положения респондентов (с оценкой 9 и 10). Проанализировав результаты в разрезе целевых групп, можно сделать вывод о том, что большое количество конфликтов влияет на удовлетворенность рабочим местом. Чем чаще возникают

конфликты, тем меньше удовлетворенность рабочим местом.

Большинство опрошенных в настоящее время не хотят менять свою работу. Одним из факторов желания сотрудников остаться на текущем месте работы является неуверенность в социально-экономическом положении страны в 1 квартале 2022 года.

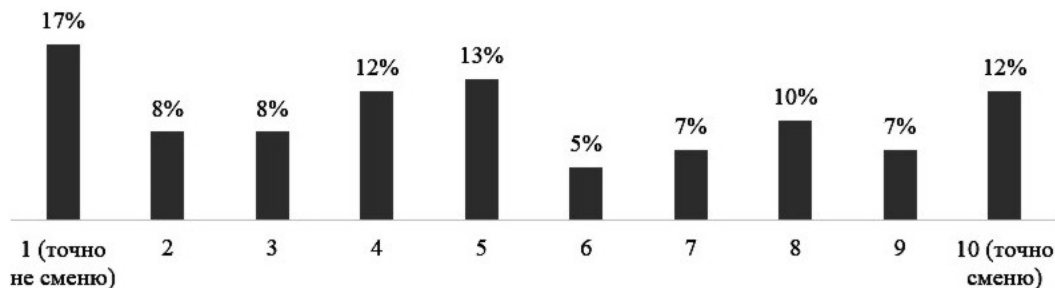

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос: «Оцените по шкале от 1 до 10, насколько вероятно, что в ближайший год Вы смените свое место работы? (где 1 – точно НЕ сменю, 10 – точно сменю)»

Анализируя возможную смену места работы в разрезе целевых аудиторий, мы увидели несколько закономерностей. Для расчета максимального желания смены места работы мы взяли совмещенные оценки респондентов в 1 и 2 балла на вопрос о смене работы. Женщины (33 %) значительно меньше имеют желания для смены места работы, чем мужчины (19 %). Сотрудники, которые работают на государственных предприятиях (39 %), значительно чаще, чем те, кто работают на негосударственном предприятии (18 %), указывают то, что не готовы менять свое текущее место работы. Также, мы можем заметить закономерность, при которой количество конфликтов влияет на желание остаться сотрудником на текущем рабочем месте. Чем больше респондент

сталкивается на текущем месте работы с конфликтом, тем больше у него желание сменить свою работу на новую.

В целом, можно утверждать, что социально-трудовые конфликты – довольно частое явление на рабочем месте. 82 % респондентов сталкиваются с ними.

По результатам анализа целевых групп можно сказать, что чем чаще возникают конфликты, тем меньше удовлетворенность рабочим местом. Также, чем больше сотрудник предприятия сталкивается на текущем месте работы с конфликтом, тем больше у него желание сменить свою работу на новую.

Литература:

1. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М. : РОССПЭН, 2003. 288 с.
2. Зиммель Г. Избранное. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 392 с.
3. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер; Пер. с англ. О.А. Назаровой. М. : Идея-Пресс, 2000. 205 с.
4. Конфликты и абьюз: результаты опроса работодателей // HH.ru, 2020. URL : <https://hhcdn.ru/file/16952752.pdf> (дата обращения 30.03.2022).
5. Осеев А.А. Трудовые конфликты и методы их разрешения, 2016. URL : <https://forpsy.ru/works/referat/trudovyye-konflikty-i-metody-ih-razresheniya-oseev-a-a> (дата обращения 30.03.2022).
6. Хотели бы вы никогда не работать? // HH.ru, 2021. URL : <https://hhcdn.ru/file/17145076.pdf> (дата обращения 28.03.2022).

Literature:

1. Darendorf R. Modern social conflict. An essay on the politics of freedom. M. : ROSSPEN, 2003. 288 p.
2. Simmel G. Favorites. M. : Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 392 p.
3. Kozer L. Functions of social conflict / L. Kozer; Transl. from the English by O.A. Nazarova. M. : Idea-Press, 2000. 205 p.
4. Conflicts and abuse: results of a survey of employers // HH.ru, 2020. URL : <https://hhcdn.ru/file/16952752.pdf> (date of application 30.03.2022).
5. Oseev A.A. Labor conflicts and methods of their resolution, 2016. URL : <https://forpsy.ru/works/referat/trudovyye-konflikty-i-metody-ih-razresheniya-oseev-a-a> (date of application 30.03.2022).
6. Would you like to never work? // HH.ru, 2021. URL : <https://hhcdn.ru/file/17145076.pdf> (date of application 28.03.2022).

Матчин Александр Артемьевич

Заслуженный врач Российской Федерации,
доктор медицинских наук,
профессор,
заведующий кафедрой стоматологии
и челюстно-лицевой хирургии,
Оренбургский государственный
медицинский университет
Минздрава России
k_stomat@orgma.ru

Огурцова Екатерина Викторовна

старший лаборант кафедры стоматологии
и челюстно-лицевой хирургии,
Оренбургский
государственный медицинский
университет Минздрава России
k_stomat@orgma.ru

Барков Владимир Николаевич

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры стоматологии
и челюстно-лицевой хирургии,
Оренбургский государственный
медицинский университет
Минздрава России
k_stomat@orgma.ru

**ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ
В МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19**

■ ■ ■

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования восприятия дистанционного обучения студентами стоматологического, медико-профилактического и педиатрического факультетов университета в неблагоприятной эпидемиологической ситуации, обусловленной пандемией COVID-19. Проводилось анонимное анкетирование студентов 2, 3, 4 и 5 курсов стоматологического факультета, 3 курса медико-профилактического и 4 курса педиатрического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет» Минздрава России по качеству организации дистанционного обучения в неблагоприятной эпидемиологической ситуации. Проведенное социологическое исследование позволило оценить возможность и перспективность дистанционного обучения студентов и их заинтересованность в новых образовательных технологиях.

■ ■ ■

Ключевые слова: медицинское образование, дистанционное обучение, инновационные методы обучения, стоматология, пандемия COVID-19.

Alexander A. Matchin

Honored Doctor of the Russian Federation,
Doctor of Medical Sciences,
Professor,
Head of the Department of Dentistry
and Maxillofacial Surgery,
Orenburg State Medical University
Ministry of Health of Russia
k_stomat@orgma.ru

Ekaterina V. Ogurtsova

Senior Laboratory Assistant
of the Department of Dentistry
and Maxillofacial Surgery,
Orenburg State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation
k_stomat@orgma.ru

Vladimir N. Barkov

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Dentistry and Maxillofacial Surgery,
Orenburg State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation
k_stomat@orgma.ru

**DISTANCE LEARNING
AT A MEDICAL UNIVERSITY DURING
THE COVID-19 PANDEMIC**

■ ■ ■

Annotation. The article presents the results of a sociological study of the perception of distance learning by students of the dental, preventive medicine and pediatric faculties of the university in an unfavorable epidemiological situation caused by the COVID-19 pandemic. An anonymous survey was conducted of students of the 2nd, 3rd, 4th and 5th courses of the Faculty of Dentistry, the 3rd year of the preventive Medicine and the 4th year of the Pediatric Faculty of the Orenburg State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation on the quality of distance learning in an unfavorable epidemiological situation. The conducted sociological research made it possible to assess the possibility and prospects of distance learning of students and their interest in new educational technologies.

■ ■ ■

Keywords: medical education, distance learning, innovative teaching methods, dentistry, COVID-19 pandemic.

Неблагоприятная эпидемиологическая ситуация в России, обусловленная пандемией COVID-19, привела к необходимости экстренно с марта 2020 года перейти на использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в системе отечественного образования. Это было обусловлено тем, что ВОЗ 11 марта 2020 года объявил COVID-19 пандемией. По данным ЮНЕСКО коронавирусная болезнь привела к закрытию школ в 191 стране, затронув, по меньшей мере 1,5 миллиарда учащихся, 63 миллиона учителей начальных и средних школ, что привело к беспрецедентному воздействию на систему образования [1].

Руководствуясь рекомендациями ВОЗ, Минздрав России 16 марта 2020г. издает приказ № 173 «О деятельности организаций, реализующих образовательные программы высшего образования, профессионального образования и дополнительного профессионального образования, находящихся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 на территории Российской Федерации». Приказ позволил внести определенные изменения в организацию получения высшего медицинского образования.

Исследование вопросов организации учебного процесса в вузах и проблем, связанных с учебой во время карантина в условиях пандемии COVID-19, является чрезвычайно актуальным и достаточно широко обсуждается в отечественной и зарубежной литературе [2–6].

Всестороннее изучение и раскрытие данной проблемы, в том числе, с использованием социологических методов, представляется практически значимым, так как позволяет разработать подходы и модели дистанционного обучения. В этой связи, особенно ценным является исследование мнения основных субъектов образовательного процесса на основании их личного опыта и возникших проблемах обучения в новом формате [7–9]. Общеизвестно, что при подготовке врача дистанционное обучение не позволяет освоить практические умения и навыки, несмотря на хорошие теоретические знания клинических дисциплин, что существенно снижает эффективность дистанционного обучения. Тем не менее, в сложившейся ситуации медицинские вузы вынуждены были также перейти к такому виду образовательной деятельности.

Цель исследования: анализ восприятия дистанционного обучения в неблагоприятной эпидемиологической ситуации, связанной с заболеванием COVID-19, а также, получение информации о проблемах и особенностях такого обучения с точки зрения преподавателей и студентов стоматологического, медико-профилактического и педиатрического факультетов Оренбургского государственного медицинского университета Минздрава России, обсуждение возможностей, которые открывает дистанционная форма обучения, и конкретных мер повышения ее эффективности.

Материалы и методы исследования. В анонимном опросе приняли участие студенты 3 курса, изучающие дисциплину «Стоматология» по специальности 32.05.01 «Медико-профилактическое дело», 4 курса – по специальности 31.05.02 «Педиатрия», а также 2, 3, 4 и 5 курсов, осваивающих специальность 31.05.03 «Стоматология». Всего было опрошено 276 человек. Среди них было 59 юношей (21,4 %) и 217 девушек (78,6 %). Каждому студенту нужно было заполнить специально разработанную стандартизированную анкету, состоящую из 25 вопросов, которые касались различных сторон дистанционного обучения в ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет» Минздрава России. Анкеты были разосланы на электронные адреса студентов сотрудниками кафедры стоматологии и челюстно-лицевой хирургии и заполнялись на добровольной основе после их получения.

Результаты исследования и их обсуждение. О наличии в медицинском вузе информационной системы (ИС) сообщили все студенты, участвующие в опросе при этом доступ к ресурсам данной системы (логин и пароль) имеется у каждого студента. Большинство респондентов указали на то, что до марта 2020 года они практически не имели личного опыта получения образования в дистанционном формате.

Вынужденный переход на дистанционное обучение явился определенным стрессом для всех участников образовательного процесса, при этом с определенными проблемами столкнулась не только администрация вуза, преподаватели, студенты и их социальное окружение.

Учебный процесс в онлайн формате проводился в соответствии с расписанием, установленным деканатом, размещенном в ИС ОрГМУ с использованием программ ZOOM, Skype, WhatsApp, Viber и др. Лекции читались в режиме реального времени для студентов стоматологического и медико-профилактического факультетов в системе ZOOM. Лекции, прочитанные студентам педиатрического факультета в системе TrueConf, были доступны в записи на вузовском портале. Исследование показало, что 51,9 % студентов отлично адаптировались к новой форме проведения практических занятий и лекций, 40,3 % указали на то, что у них имелись некоторые замечания или вопросы, а 7,8 % респондентов отметили, что обучаться стало труднее.

Чаще всего, сложности возникали в связи с перегруженностью ИС, техническими перебоями в процессе воспроизведения материала и медленной работой Интернета. Большинство (80,4 %) студентов предпочли бы обучаться по очной форме с применением дистанционных технологий. У 38,1 % студентов не возникло каких-либо трудностей в процессе дистанционного обучения, 27,8 % – столкнулись со сложностью в ходе выполнения практических заданий без пояснений преподавателя, 17,6 % обучающихся отметили, что увеличился объем задаваемых материалов, 16,5 % отметили, что им неудобно пользоваться ИС. Мотивация к получению знаний в рамках дистанционной формы обучения у 65,4 %

респондентов не изменилась, тогда, как у 23,4 % она увеличилась, а у 11,2 % уменьшилась. Влияние дистанционных технологий на

удовлетворённость студентов обучению представлено в рисунке 1.

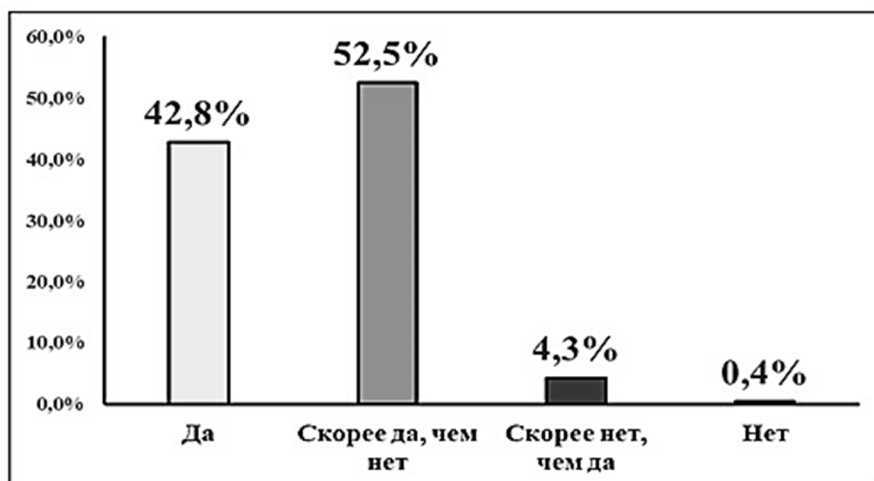

Рисунок 1 – Удовлетворенность процессом обучения

Оценивая удовлетворенность процессом дистанционного обучения по пятибалльной системе, где цифра 5 означает – очень удобно, а цифра 1 – совсем неудобно, 37,6 % респондентов оценили

этот вид обучения на «отлично», а 1,1 % поставили данному виду получения учебной информации «единицу» (рис. 2).

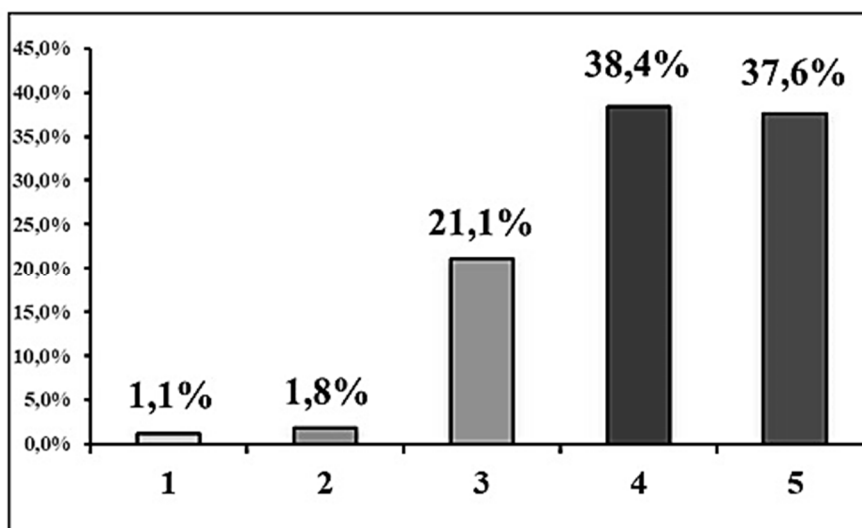

Рисунок 2 – Удовлетворенность студентов дистанционного обучения по пятибалльной шкале

В ходе опроса студенты достаточно высоко оценили работу профессорско-преподавательского состава в области информационных технологий: 57,3 % студентов поставили оценку «отлично», указав на то, что все темы практических занятий им были понятны и интересны, 35,4 % респондентов хотели бы больше получить дополнительного материала, 7,3 % имели проблемы с освоением тематики занятий, при этом самым используемым инструментом в обучении оказалось электронная почта. Самыми популярными ресурсами для организации непосредственной дистанционной работы, позволяющей осуществлять двухстороннюю коммуникацию и возможность визуализации контента были платформа ZOOM и различные мессенджеры, которые также были

задействованы в организации работы в удаленном формате. При этом платформа ZOOM, по их мнению, должна совершенствоваться, при этом не должны проводиться повторные регистрации участников через каждые 40 минут лекции или практического занятия.

Характеризуя положительные стороны обучения в дистанционном формате, студенты в своих пожеланиях указывали на уменьшение риска заражения COVID-19, на возможность совмещать учебу с работой, пребывание в комфортной и привычной домашней обстановке, индивидуальный темп обучения, допустимость архивации старого материала, когда любой учебный материал мог быть доступным для скачивания в любое время

суток. Следует указать на осуществимость не тратить время на дорогу до места учебы и обратно.

Дискомфорт, связанный с обучением не выходя из дома, обусловлен отсутствием личного общения с преподавателем, студенческой жизни, а иногда, и условий для комфортного обучения дома, так как одновременно в квартире были вынуждены осуществлять свою социальную активность и другие члены семьи или проживающие в комнате студенческого общежития другие студенты.

Заключение. Подавляющее большинство студентов и преподавателей считают, что, несмотря на увеличившуюся нагрузку на них в этот период, они смогли адаптироваться к дистанционному обучению. Однако данный формат обучения в медицинском вузе возможно использовать лишь в условиях жесткой самоизоляции либо в качестве контроля усвоения знаний. Даже при хорошей

Литература:

1. Startling disparities in digital learning emerge as COVID-19 spreads: UN education agency. URL : <https://news.un.org/en/story/2020/04/1062232> (дата обращения 20.07.2022).
2. *Максаков С.А.* Об актуальности дистанционного обучения студентов-стоматологов / С.А. Максаков // *Инновационная наука*. 2016. № 9. С. 312–315.
3. *Демченко Е.В.* Психолого-педагогические особенности организации дистанционного обучения в современных условиях / Е.В. Демченко, И.П. Романова, Э.Ю. Слюсаренко, И.М. Черкасская // *The scientific heritage*. 2020. № 54. С. 44–46.
4. *Колоскова Г.А.* Цифровая образовательная среда вуза как условие формирования профессиональных компетенций студентов / Г.А. Колоскова // *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2021. Т. 10. № 37. С. 99–106.
5. Impact of lockdown on learning status of undergraduate and postgraduate students during COVID-19 pandemic in West Bengal, India / N. Kapasia, P. Pintu, A. Roy, J. Saha, A. Zaveri, R. Mallick, B. Barman, P. Das, P. Chouhan // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 116. September.
6. *Nguyen D. V.* Impact of the Covid-19 pandemic on perceptions and behaviors of university students in Vietnam / D.V. Nguyen, G.H. Pham, D.N. Nguyen // *Data in Brief*. 2020. Vol. 31. August.
7. *Алешковский И.А.* Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности / И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаршвили, О.В. Крухмалева, Н.П. Нарбут, Н.Е. Савина // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100.
8. *Шагина И.Р.* Восприятие дистанционного обучения студентами медицинского университета / И.Р. Шагина, С.С. Абдуллаев, А.С. Кубекова,

иллюстративности материала, показе видеозаписи лекций и наглядных пособий все студенты указали на невозможность получения и освоения практических навыков, отсутствие общения с пациентами и возможности самостоятельно применять теоретические знания в практической деятельности под руководством профессорско-преподавательского состава.

Большинство обучающихся даже не рассматривают дистанционное образование как возможную форму получения высшего медицинского образования. Наиболее приемлемой формой организации удаленного обучения, по их мнению, является смешанное обучение, когда имеется возможность использовать все возможные способы организации коммуникации между преподавателями и студентами, при этом количество тестированных заданий должно быть уменьшенным с заменой тестирования на собеседование и обсуждение темы в ходе занятий.

Literature:

1. Startling disparities in digital learning emerge as COVID-19 spreads: UN education agency. URL : <https://news.un.org/en/story/2020/04/1062232> (date of the application 20.07.2022).
2. *Maksakov S.A.* On the relevance of distance learning for dental students / S.A. Maksakov // *Innovative Science*. 2016. № 9. P. 312–315.
3. *Demchenko E.V.* Psychological and pedagogical features of the organization of distance learning in modern conditions / E.V. Demchenko, I.P. Romanova, E.Y. Slyusarenko, I.M. Cherkasskaya // *The scientific heritage*. 2020. № 54. P. 44–46.
4. *Koloskova G.A.* Digital educational environment of the university as a condition for the formation of professional competencies of students / G.A. Koloskova // *Questions of teaching methods at the university*. 2021. Vol. 10. № 37. P. 99–106.
5. Impact of lockdown on learning status of undergraduate and postgraduate students during COVID-19 pandemic in West Bengal, India / N. Kapasia, P. Pintu, A. Roy, J. Saha, A. Zaveri, R. Mallick, B. Barman, P. Das, P. Chouhan // *Children and Youth Services Review*. 2020. Vol. 116. September.
6. *Nguyen D. V.* Impact of the Covid-19 pandemic on perceptions and behaviors of university students in Vietnam / D.V. Nguyen, G.H. Pham, D.N. Nguyen // *Data in Brief*. 2020. Vol. 31. August.
7. *Aleshkovsky I.A.* Students of Russian universities about distance learning: assessment and opportunities / I.A. Aleshkovsky, A.T. Gasparishvili, O.V. Krukhamaleva, N.P. Narbut, N.E. Savina // *Higher education in Russia*. 2020. Vol. 29. № 10. P. 86–100.
8. *Shagina I.R.* Perception of distance learning by medical university students / I.R. Shagina, S.S. Abdullaev, A.S. Kubekova., T.A. Smakhtina //

Т.А. Смахтина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 67–70.

9. *Лутфуллаев Г.У.* Опыт дистанционного обучения в условиях пандемии COVID-19 / Г.У. Лутфуллаев, У.Л. Лутфуллаев, Ш.Ш. Кобилова, У.С. Нematov // Проблемы педагогики. 2020. № 4(49). URL : <https://cyberlinika.ru/article/n/opytdistantcionnogo-obucheniya-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (дата обращения 22.08.2020).

Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 9. P. 67–70.

9. *Lutfullaev G.U.* The experience of distance learning in the conditions of the COVID-19 pandemic / G.U. Lutfullaev, U.L.Lutfullaev, Sh.Sh. Kobilova, U.S. Nematov //Problems of pedagogy. 2020. № 4 (49). URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-distantcionnogo-obucheniya-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (date of the application 08/22/2020).

Павлюкевич Кристина
аспирантка департамента социологии,
ассистент Департамента социологии,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
KPavlyukevich@fa.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье представлены и описаны факторы, влияющие на эффективность работы отдельных механизмов системы экспорта образования. Рассмотрены методы привлечения иностранных студентов посредством разных факторов, рассмотренных в статье. Приведен перечень и описан функционал этих факторов, которые обеспечивают связь с потенциальными абитуриентами, обеспечивают узнаваемость бренда университета, который укореняется в сознании абитуриента. Представлены факторы, которые сопутствуют достижению ряда показателей и увеличению доли иностранных студентов, развитию дистанционных программ обучения, адаптированных для иностранных студентов. Обобщены факторы, которые содействуют привлечению иностранных студентов и увеличению доли несырьевого экспорта.

Ключевые слова: федеральный проект, экспорт образования, российское образование, высшее образование, механизм привлечения иностранных студентов, факторы привлечения.

Из-за эпидемиологической ситуации с COVID-19 в 2020 году, ситуация с коронавирусной инфекцией не позволяла приехать в другую страну, чтобы поближе познакомиться с университетом, пообщаться с представителями вуза, сходить на экскурсию по университету, ознакомиться со сроками приема, узнать точную информацию о факультетах и направлениях, узнать обо всех необходимых документах. Получить информацию можно было лишь на официальном сайте университета или по телефону.

Большинство иностранных студентов (77 %), участвовавших в Международном опросе студентов QS в 2019 году, считают наиболее эффективными и полезными источниками информации при поиске информации об образовательном учреждении высшего образования – веб-сайт университета. По данным этого же опроса, 85 % студентов используют социальные сети при выборе обучения за границей, а именно «YouTube», «Instagram», «Twitter». Авторы исследования QS

Kristina Pavlyukevich
Postgraduate Student
of the Department of Sociology,
Assistant Professor
of the Department of Sociology,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
KPavlyukevich@fa.ru

FACTORS AFFECTING THE FUNCTIONING OF THE EDUCATIONAL SERVICES EXPORT SYSTEM

Annotation. The article presents and describes the factors influencing the efficiency of individual mechanisms of the education export system. The methods of attracting foreign students through various factors considered in the article are considered. A list is given, and the functionality of these factors is described, which provide communication with potential applicants, ensure the recognition of the university brand, which is rooted in the mind of the applicant. The factors that accompany the achievement of a number of indicators and an increase in the proportion of foreign students, the development of distance learning programs adapted for foreign students are presented. The factors that contribute to attracting foreign students and increasing the share of non-commodity exports are summarized.

Keywords: federal project, export of education, Russian education, higher education, mechanism for attracting foreign students, factors of attraction.

предполагают, что в 2020 году может добавиться «TikTok», так как он набирает популярность и является не менее важным составляющим медиапространства. Это говорит о том, что участники опроса пытаются найти «реальную» информацию о том, что из себя представляет учеба за границей, какие на самом деле условия проживания в общежитиях, качественное ли образование дается [1].

Привлечение иностранных студентов посредством социальных сетей ключ к аудитории и прекрасных инструмент для работы с абитуриентами – фактор, который определяет функционирование системы экспорта образовательных услуг в российских вузах, способствуя модернизации системы. Социальные сети помогают оставаться на связи с потенциальными абитуриентами. Соответственно это касается и бренда университета, который укореняется в сознании абитуриента. Поскольку актуальность использования социальных сетей определена, рассмотрим их функции.

Первая функция – привлечение будущих абитуриентов. Например, проводя эфиры в «Instagram», можно рассказывать об условиях поступления, о документах, необходимых при подаче заявления, о правилах и порядке постановки на миграционный учет и сроках получения визы, об актуальных программах, обо всех интересных событиях. Самое главное, этот эфир можно сохранить и те, кто не успел посмотреть его, смогут сделать это в любое время, что очень привлекает пользователей данной социальной сети.

Вторая функция – делиться информацией. Та же самая сеть «Instagram», которая позволяет отправлять интересные фото об университете, видео с проведением различных мастер-классов и внеаудиторных мероприятий своим подписчикам, тем самым позволяя информации о жизни и учебе в России «гулять на просторах Интернета», привлекая все больше абитуриентов, которые, в свою очередь, получают нужную информацию об университете.

Третья функция – мгновенное получение ответов на все вопросы, тем самым, позволяя сохранять у абитуриента интерес к университету, является одним из способов коммуникации между абитуриентом и университетом.

Четвертая функция – поддержка связи с выпускниками и привлечение агентов.

Обобщив все функции, делаем выводы о том, что использование социальных сетей принесет университету престиж, большее количество иностранных абитуриентов, новых агентов, связи в качестве трудоустроенных и успешных выпускников.

Если посмотреть на востребованные иностранными студентами специальности, то самыми популярными являются педагогические науки, инженерное дело и технические науки, здравоохранение и медицина.

Востребованность этих специальностей вполне объяснима, поскольку профессиональные врачи, учителя и педагоги, профессиональные инженеры всегда востребованы в малоразвитых странах, в частности, в России обучается свыше 67 тысяч студентов из Казахстана, 13,5 тысяч из Китая, еще 6,6 тысяч из Индии и 3,3 тыс. – из Вьетнама [2].

Образовательным учреждениям высшего образования стоит поработать над открытием новых программ по востребованным направлениям, особенно – на английском языке, ведь обучение по программам, которые реализуются на иностранных языках, даёт больше преимуществ вузам и является хорошим фактором, определяющим функционирование системы экспорта образовательных услуг в российских вузах.

Более того, существенным фактором являются и законодательные меры. В частности, внесение изменений в «Порядок приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 14 октября 2015 года № 1147) в

части продления сроков приема документов от иностранных абитуриентов. Внесение изменений в приказ Министерства образования и науки РФ от 23 августа 2017 года № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» в части расширения перечня специальностей, направлений подготовки, по которым допускается обучение с применением дистанционных образовательных технологий.

По словам заведующий кафедрой маркетинга, рекламы и связей с общественностью НГУЭУ Любови Шадринной: «Основными моделями экспорта образования, которые в настоящее время практикуют вузы России, являются внутренняя интернационализация, создание совместных образовательных программ, создание представительств вузов за рубежом, онлайн-обучение и создание сетевых университетов» [3].

Университеты выстраивают благоприятные условия иностранным студентам для межкультурной коммуникации. Более того, для эффективной реализации экспорта образовательных услуг применяется онлайн образование, а с учетом нынешней ситуации с пандемией, это очень актуально; остается исследовать, готовы ли сами студенты и будущие абитуриенты обучаться дистанционно и есть ли у них все необходимые технические средства для онлайн коммуникации. Показатели интернационализации образования уже сейчас входят в метрики ряда национальных и международных рейтингов вузов. Доля иностранных студентов учитывается при составлении рейтингов Times Higher Education World Rankings, QS World University Rankings и Национального рейтинга РА «Интерфакс».

Рассмотрим еще такой очень значительный фактор, как официальный сайт университета. Одним из традиционных, и при этом эффективных инструментов коммуникации с зарубежными целевыми аудиториями является создание и поддержание иноязычных версий сайтов вузов. Потенциал таких сайтов используется не полностью, что делает актуальным проведение мониторинга иноязычных версий сайтов российских вузов и сайтов зарубежных вузов. По мнению Любови Шадринной, вузы должны выработать методические рекомендации по оптимизации иноязычных версий сайтов, найти пути повышения юзабилити интернет-ресурсов образовательных организаций. Должны учитываться новые реалии российских вузов, так или иначе необходимо модернизировать маркетинговую стратегию по привлечению иностранных абитуриентов, меняя правила приема, подключать всю ресурсы для обеспечению лекций, семинаров экзаменов в онлайн режиме, каналов поставки образовательных услуг в зависимости от модели деятельности вузов по экспорту образования, возможности расширения экспорта российского образования посредством онлайн-образования и проблемы совершенствования нормативной базы продвижения российского образования за рубежом посредством интернет-каналов.

Официальные интернет-страницы российских образовательных учреждений высшего образования не уступают лучшим сайтам мировых университетов, что нельзя сказать о социальных сетях, которые остаются недооцененными с точки зрения рекрутинга. Они остаются недооценёнными особенно на тех языках и в тех странах, где планируется привлечение иностранных абитуриентов. Основными формами онлайн рекрутинга являются:

- сайт вуза;
- продвижение вуза через поисковые системы;
- информация о программах вуза на специальных образовательных порталах;
- социальные сети;
- массовые открытые онлайн курсы;
- виртуальные образовательные выставки и онлайн дни открытых дверей.

Система образования интенсивно развивается с учетом внедрения современных технологий, и поэтому имеет смысл говорить о привлечении иностранных абитуриентов на дистанционные программы обучения.

Привлекая иностранных студентов на дистанционные программы обучения, вуз имеет возможность получить денежные средства и увеличить

Литература:

1. Международный опрос студентов за 2019 год «Растущее глобальное образование». URL : http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/GO_2019_NEW.pdf (дата обращения 20.02.2020).
2. Программа Глобальное образование. URL : http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/GO_2019_NEW.pdf (дата обращения 04.03.2020).
3. Круглый стол в НГТУ НЭТИ Подходы к экспорту высшего образования. URL : https://www.nstu.ru/news/news_more?idnews=120903 (дата обращения 07.03.2020).
4. Перспективы продвижения российских вузов в иноязычном сегменте Интернет. URL : http://piu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=78595 (дата обращения 07.03.2020).
5. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Вып. 9 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М. : Центр социологических исследований, 2019. 536 с.

долю иностранных студентов, ведь согласно условиям участия в проекте «Экспорт образования», университеты должны достигнуть ряда показателей, одним из которых является увеличение доли иностранных студентов.

Если рассматривать статистику иностранных обучающихся по заочной форме и по направлениям, то самыми востребованными являются:

- экономика и управление – 39,8 %;
- инженерно-технические специальности – 22,8 %;
- право – 11,5 %;
- гуманитарно-социальные специальности – 6,0 % [5].

Существует целый ряд факторов, которые влияют на функционирование системы экспорта образовательных услуг. Это – и онлайн прием, применение образовательной организацией социальных сетей, и англоязычная версия сайта вуза, цифровой маркетинг, академическая мобильность, англоязычные программы, дистанционные программы обучения адаптированные под зарубежного абитуриента, доля иностранных студентов, которая учитывается при составлении рейтингов Times Higher Education World Rankings, QS World University Rankings.

Literature:

1. International student survey for 2019 «Growing global education». URL : http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/GO_2019_NEW.pdf (date of the application 20. 02. 2020).
2. Global Education Program. URL : http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/GO_2019_NEW.pdf (date of the application 03/04/2020).
3. Approaches to the export of higher education. URL : https://www.nstu.ru/news/news_more?idnews=120903 (date of the application 03/07/2020).
4. Prospects for the promotion of Russian universities in the foreign language segment of the Internet. URL : http://piu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=78595 (date of the application 03/07/2020).
5. Export of Russian educational services: Statistical compendium. Iss. 9 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. M. : Center for Sociological Research, 2019. 536 p.

Целищева Зухра Абдурашидовна
кандидат культурологии,
доцент,
кафедра социально-гуманитарных наук
и туризма,
Нижевартовский
государственный университет
teacherzuhra@mail.ru

Гутова Светлана Георгиевна
доктор философских наук,
профессор,
кафедра социально-гуманитарных наук
и туризма,
Нижевартовский
государственный университет
svetguts.07@mail.ru

Самохина Наталья Николаевна
кандидат философских наук,
доцент,
кафедра социально-гуманитарных наук
и туризма,
Нижевартовский
государственный университет
natalia58@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье освещаются ключевые проблемы и перспективные направления развития информационной безопасности через призму национальных интересов Российской Федерации. Цель работы состоит в обосновании необходимости практического взаимодействия специалистов, ответственных не только за профилактику, но и за формирование устойчивой гражданской, правовой, социальной позиции российского общества в интересах обеспечения государственного благополучия: система образования, органы исполнительной власти, гражданское сообщество, церковь, семья. Феномен информационной безопасности рассматривается в работе с позиции системного анализа и представлен в научном контексте теории национальной безопасности. В статье анализируются наиболее значимые тенденции и факторы, влияющие на обеспечение информационной безопасности в условиях процесса суверенизации информационного пространства.

Ключевые слова: информационная безопасность, угроза, информационная война, киберпространство, цифровая среда, интернет, кибертерроризм.

Zukhra A. Tselishcheva
Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor,
Department of Social
and Humanities and Tourism,
Nizhnevartovsk Public University
teacherzuhra@mail.ru

Svetlana G. Gutova
Doctor of Philosophy,
Professor,
Department of Social
and Humanities and Tourism,
Nizhnevartovsk
Public University
svetguts.07@mail.ru

Natalia N. Samokhina
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Department of Social
and Humanities and Tourism,
Nizhnevartovsk
Public University
natalia58@yandex.ru

ACTUAL ISSUES OF THE FORMATION OF INFORMATION SECURITY IN SOCIETY

Annotation. The article highlights the key problems and promising directions for the development of information security through the prism of the national interests of the Russian Federation. The purpose of the work is to substantiate the need for practical interaction between specialists responsible not only for prevention, but also for the formation of a stable civil, legal, social position of Russian society in the interests of ensuring state well-being: the education system, executive authorities, civil society, church, family. The phenomenon of information security is considered in the work from the position of system analysis and presented in the scientific context of the theory of national security. The article analyzes the most significant trends and factors influencing the provision of information security in the process of sovereignty of the information space.

Keywords: information security, threat, information war, cyberspace, digital environment, Internet, cyberterrorism.

Введение. Основные тенденции и факторы, влияющие на обеспечение информационной безопасности.

XXI век ознаменован рядом тенденций, кардинальным образом воздействующих на современные государства и общества. Мы являемся свидетелями развития информационного общества и «общества знаний», процессов всесторонней глобализации, формирования глобальной инфраструктуры технологических нововведений. Обратной стороной данных процессов является виртуализация социально-экономических и политических процессов, рост международного терроризма, возрастание многочисленных угроз сетевого и информационного характера. Данные тенденции выступают важнейшими предпосылками обеспечения информационной безопасности государства и общества [6, с. 164].

Если на первых этапах развития Интернета трудно было даже представить, что он станет неотъемлемой частью нашей жизни, то сегодня Интернетом обусловлены самые разные явления и процессы. Мы свободно говорим об электронной торговле, телемедицине, новых средствах коммуникации, включая видеозвонки, онлайн-образование и т.п. Сетевой характер стали приобретать элементы государственного управления, внутривластной и международной жизни. Получили развитие электронное правительство, электронное голосование по общественно значимым вопросам, цифровая дипломатия.

Свое виртуальное представительство – веб-сайты, интернет-порталы – открыло большинство органов власти. Особое значение приобрела активность в виртуальных социальных сетях, направленная на прямое и оперативное формирование общественного мнения о происходящих событиях. Министерства иностранных дел целого ряда государств взяли на вооружение работу на популярных социальных сервисах, таких как Facebook и Twitter. Ежегодно разнообразие интернет-инструментов увеличивается.

Растет и число возможных интернет-угроз как для участников и пользователей Всемирной паутины, так и для всей сетевой архитектуры. Принципиальными становятся формирование приоритетов работы в виртуальной (цифровой) среде, выработка стратегии использования сетевых инструментов. Все ведущие государства мира рассматривают эти задачи в качестве приоритетных.

Цифровая среда включает в себя все многообразие информационных технологий и киберпространство. Соответственно, информационная безопасность прямо относится к цифровой среде, но является лишь одним ее аспектом. Точно так же и киберпространство, в строгом смысле этого слова, представляет собой ту часть цифровой среды, где происходит управление различного рода объектами физического мира посредством использования Интернета, других сетей и телекоммуникационных каналов [8, с. 7–8].

Цифровая среда имеет сложную картографию, где отдельные сегменты развиваются по

собственным, независимым от общих закономерностей трендам (например, web 1, 2, 3; невидимый Интернет; Интернет вещей; бодинет; dark web). Ярким примером негативного влияния на общество являются вредоносные сайты, информационные ресурсы с противоправным контентом, причиняющие серьезный социальный ущерб.

При рассмотрении угроз доступа к нежелательной информации следует учитывать вопросы распространения идеологии экстремизма и терроризма, порнографии, провокационных материалов, пропаганды наркотиков и алкоголя, и др. Именно в этой зоне осуществляется активное давление на учащуюся молодежь, иногда, переходящее в активное запугивание, а также – в кибертерроризм [9]. Несмотря на то, что эта группа угроз находится в ведении соответствующих силовых ведомств, частично она может решаться и на уровне учебных заведений и той социальной среды, которая в большей степени отвечает за социализацию современной молодежи [5, с. 83].

Методика оценки и определения угроз безопасности информации.

Нормативно-правовым документом, в котором описаны возможные тактики, техники реализации угроз безопасности информации и подход к построению сценариев реализации атак, действующим на территории Российской Федерации в данный момент, является выпущенный ФСТЭК России в феврале 2021 г. Методический документ «Методика оценки угроз безопасности информации» [7].

Методика определяет порядок и содержание работ по определению угроз безопасности информации, реализации (возникновение) которых возможна в информационных системах, автоматизированных системах управления, информационно-телекоммуникационных сетях, информационно-телекоммуникационных инфраструктурах центров обработки данных и облачных инфраструктурах (далее – системы и сети), а также, по разработке моделей угроз безопасности информации систем и сетей [7].

Методика применяется для определения угроз безопасности информации, реализации (возникновение) которых возможна в системах и сетях, отнесенных к государственному и муниципальным информационным системам, информационным системам персональных данных, значимым объектам критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, информационным системам управления производством, используемым организациями оборонно-промышленного комплекса, автоматизированным системам управления производственными и технологическими процессами на критически важных объектах, потенциально опасных объектах, объектах, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды [7].

Специфика социальной безопасности на современном этапе развития.

Термин «безопасность» введен в научный лексикон для обозначения социального явления

защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от опасностей и угроз. Безопасность затрагивает уровни государства, общества, региона, города и отдельной личности. Частные стороны безопасности всегда являются составной частью общественных отношений, определяемых качественным состоянием бытия как концентрированного выражения ценностных ориентаций конкретной цивилизации [5, с. 84].

В исторической ретроспективе закономерности, описывающие понятие социальной безопасности, сводятся к следующим важным характеристикам:

- во-первых, социальный прогресс не способен всецело обеспечить безопасность, как отдельной личности, так и обществу и государству;
- во-вторых, техногенный прогресс и информационная революция в современном мире сопровождаются увеличением масштаба угроз человечеству, обусловленных разрушительным характером социально-негативного контента [5, с. 85].

Для современной России особую важность приобретают вопросы, связанные с надежным обеспечением национальной безопасности и реализацией конституционных прав граждан [12]. Стремительное развитие коммуникационных технологий привело к тому, что появились новые угрозы в сфере информационной безопасности.

Современные исследователи обращают внимание на невозможность игнорировать в сложившейся ситуации вызовы со стороны деструктивных элементов общества, активно эксплуатирующих информационное пространство. «Проблема заключается в том, что в пространстве Интернета представлены различные коммуникаторы, часть из которых транслирует антигосударственные и антиправовые установки» [4, с. 24], которые легко воспринимаются молодежью, отличающейся обостренным чувством справедливости, желающей проявить героизм и не всегда осознающей, что подверглась манипуляции заинтересованных антиправительственных сил [1, с. 38–39].

Для успешного достижения поставленной цели стратегического развития мирового сообщества необходимо обеспечить безопасность внутри каждой страны и способствовать формированию устойчивого гуманистического мировоззрения в области национальной, религиозной и гражданской позиции общества, особенно среди молодежи [13, с. 295].

Согласно научной литературе, психика человека формируется лишь к 18–20 годам, в то время как подростки и юноши до этого временного промежутка являются наиболее легко вовлекаемыми в преступные и асоциальные субкультуры, поскольку несформированная личность с отсутствующей собственной системой ценностей, норм и личностной культуры, как таковой, перенимает в большей мере информацию негативного характера, которая причиняет вред психическому здоровью и развитию [2]. При этом нужно понимать, что представители молодёжной среды с их юношеским максимализмом и гиперболизацией

проблем не могут объективно и реально оценивать протекающие социально-экономические, культурные и политические явления, процессы и события, протекающие в его среде, в связи с чем, кризисы и иные негативные события могут отразиться на подобного рода радикальных методах решения проблемы, в частности выразиться в массовых убийствах в школах, колледжах, вузах и иных учебных заведениях [3, с. 50; 14].

Важной детерминантой современного сознания молодежи становится политическая жизнь общества и мировые тенденции, направленные на формирование массовой коммуникации, легко манипулирующей общественным мнением [3, с. 40]. В связи с этим, в современной российской науке информационная безопасность понимается как состояние защищенности общественной информационной среды, соответствующей общественным интересам, интересам государства и отдельно взятого индивида. Данное состояние характеризуется постоянным формированием, функционированием и развитием, независимо от влияния как внешних, так и внутренних угроз информационного характера [6, с. 165].

Информационная безопасность, выступая слагаемым компонентом теории национальной безопасности, представляет собой особое политическое направление, реализация которого первоначально попадает в сферу ответственности государственной системы [15]. Стратегическими источниками основ реализации данного направления государственной политики являются следующие документы общенационального значения:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 (документ, нормативно закрепляющий обеспечение информационной безопасности как направления политики национальной безопасности) [10].
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (документ, определяющий условия, цели, задачи, ожидаемые результаты политики информационной безопасности) [11].

Существенной составляющей исследования информационной безопасности в рамках теории национальной безопасности является способность субъектов информационно-политических процессов максимально объективно оценивать ключевые факторы и угрозы (информационно-политические тренды), влияющие на государственное информационное пространство [6, с. 166].

Выводы.

В качестве вывода в рамках данной статьи предлагается обратить внимание на конкретные способы работы с гражданами России в области информационной среды и цифровых коммуникаций. Возможности современных коммуникационных технологий, реализуемых на практике системно, конкретно и целенаправленно, позволят, на наш взгляд, осуществлять работу с населением максимально эффективно, особенно в направлении формирования правового сознания [1, с. 42].

Коммуникационные взаимодействия всех заинтересованных сторон дают более широкие возможности охвата аудитории и это существенное преимущество по сравнению с работой в отдельно взятых, часто изолированных социальных группах. Так, например, правоохранительные органы, по большей части, работают с контингентом, который, в той или иной степени, проявляет делинквентные формы поведения или потенциально может оказаться в группе риска. При этом учреждения высшего образования, напротив, чаще имеют дело с избирательной аудиторией, менее склонной к правонарушениям, активной в культурном плане и более социально организованной.

В целом, преимущества интегративных коммуникаций очевидны, поскольку слаженные действия равноправных субъектов, организующих информационное пространство и имеющих большой охват аудитории, предлагают комплексный характер мер, направленных на формирование устойчивых антиэкстремистских взглядов.

Исследования последних лет показывают, что наиболее актуальны задачи, направленные на взаимодействия органов власти, средств массовой информации, религиозных институтов и молодежи, создание условий для вовлечения молодежи в соответствующие социальные практики

Литература:

1. *Гутова С.Г.* Управление коммуникационным процессом как форма профилактической работы с молодежью в сфере информационной безопасности / С.Г. Гутова, Н.Н. Самохина, З.А. Целищева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». 2022. № 5. С. 38–45.
2. *Ильин Е.П.* Психология взрослости СПб. : Питер, 2012. 469 с.
3. *Каипбекова С.В.* Предпосылки и история возникновения терроризма / С.В. Каипбекова, Г.И. Чечель, З.А. Целищева // Современные вызовы образования и психология формирования личности : монография. Чебоксары : ИД «Среда», 2022. С. 42–50.
4. *Каспаров А.Р.* Воздействие неформальных интернет-коммуникаций на правосознание молодежи / А.Р. Каспаров, О.А. Стойко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8. С. 24–27.
5. *Кузнецова Е.В.* Информационные войны и информационная безопасность в современном мире / З.А. Целищева, Е.В. Кузнецова; редкол.: О.Н. Широков [и др.] // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 18 мая 2022 г.). Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2022. С. 83–92.
6. *Матвеев Е.А.* Современные подходы к исследованию информационной безопасности в российском политологическом дискурсе / Е.А. Матвеев // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 6А. С. 164–173.

[13]. Учитывая высокую степень изменчивости информационно-коммуникативной среды, изолированные техники воздействия на общественное сознание и массовую психику населения адептов террористической идеологии, необходимо постоянно совершенствовать формы и методы управления в интересах национальной безопасности, осваивать специфику организации массовой информационной деятельности – коммуникативистики, журналистики, блогерства, социальной инженерии, рекламного дела и пр.

Существует практическая необходимость подготовки квалифицированных специалистов в таких специфических областях противодействия терроризму, как противодействие идеологии терроризма (по отраслям: культура, образование, молодежная политика, межнациональные и межконфессиональные (внутриконфессиональные отношения), ядерному, химическому, биологическому терроризму, кибертерроризму и другим его видам [1, с. 43].

Таким образом, наиболее эффективно в этом направлении регулярно проводить согласование ресурсов и методов высшей школы, силовых структур, гражданского общества в единстве триады обеспечения национальной безопасности: гражданин – общественность – органы государственного и муниципального управления.

Literature:

1. *Gutova S.G.* Communication process management as a form of preventive work with youth in the field of information security / S.G. Gutova, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishcheva // Humanities, social-economic and social sciences. 2022. № 5. P. 38–45.
2. *Ilyin E.P.* Psychology of adulthood. SPb. : Peter, 2012. 469 p.
3. *Kaipbekova S.V.* Background and history of the emergence of terrorism / S.V. Kaipbekova, G.I. Chchel, Z.A. Tselishcheva // Modern challenges of education and the psychology of personality formation : monograph. Cheboksary : Publishing House «Sreda», 2022. P. 42–50.
4. *Kasparov A.R.* The impact of informal Internet communications on the legal consciousness of young people / A.R. Kasparov, O.A. Stoyko // Humanitarian, co-social-economic and social sciences. 2020. № 8. P. 24–27.
5. *Kuznetsova E.V.* Information wars and information security in the modern world / Z.A. Tselishcheva, E.V. Kuznetsova; Ed. board: O.N. Shirokov [et al.] // Topical areas of scientific research: development prospects: materials of the All-Russia. scientific-practical. conf. with international participation (Cheboksary, May 18, 2022). Cheboksary : CNS Interactive Plus, 2022. P. 83–92.
6. *Matveev E.A.* Modern approaches to the study of information security in the Russian political science discourse / E.A. Matveev // Theories and problems of political research. 2016. Vol. 5. № 6A. P. 164–173.

7. Методический документ «Методика оценки угроз безопасности информации». Утвержден ФСТЭК России 05 февраля 2021 г. URL : <https://fstec.ru/component/attachments/download/2919> (дата обращения 01.08.2022).
8. Россия и вызовы цифровой среды: рабочая тетр. / В.С. Овчинский [и др.]; Гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М. : Спец-книга, 2014. 40 с.
9. Трухина О.И. Колумбайн как социально-негативное явление в молодежной среде / О.И. Трухина, З.А. Целищева // Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, декабрь 2021). СПб. : ГНИИ «Нацразвитие», 2021. С. 62–64.
10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
11. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
12. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция).
13. Целищева З.А. Профилактика молодежного экстремизма на примере города Нижневартовска / З.А. Целищева, В.С. Пшеничная; Отв. редактор А.В. Коричко // Восемнадцатая всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета : Статьи докладов, Нижневартовск, 05–06 апреля 2016 года. Нижневартовск : Нижневартовский государственный университет, 2016. С. 1599–1602.
14. Целищева З.А. Роль системы высшего образования в противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма в обществе / З.А. Целищева // Роль системы высшего образования в противодействии распространению идеологии экстремизма и терроризма в обществе. Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 16 июня 2022 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.]. Чебоксары : ИД «Среда», 2022. С. 295–297.
15. Personal information culture: Security and development / S.G. Gutova, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishcheva, A.A. Litsuk // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020 : 33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, Granada, April 10–11, 2019. Granada, 2019. P. 6651–6658.
7. Methodological Document «Information Security Threat Assessment Methodology». Approved by FSTEC of Russia on February 05, 2021. URL : <https://fstec.ru/component/attachments/download/2919> (date of the application 01.08.2022).
8. Russia and the challenges of the digital environment: working paper [V.S. Ovchinsky [et al.]; Ch. ed. I.S. Ivanov; Russian Council for Intern. Affairs (RIAC). M. : Special book, 2014. 40 p.
9. Trukhina O.I. Columbine as a socio-negative phenomenon in the youth community / O.I. Trukhina, Z.A. Tselishcheva // Socio-economic and humanities: a collection of selected articles based on the materials of the International Scientific Conference (St. Petersburg, December 2021). SPb. : GNII «National Development», 2021. P. 62–64.
10. Decree of the President of the Russian Federation of July 02, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation».
11. Decree of the President of the Russian Federation of December 05, 2016 № 646 «On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation».
12. Federal Law «On Security» dated December 28, 2010 № 390-FZ (last edition).
13. Tselishcheva Z.A. Prevention of youth extremism on the example of the city of Nizhnevartovsk / Z.A. Tselishcheva, V.S. Pshenichnaya; executive editor A.V. Korichko // Eighteenth All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University: Articles of reports, Nizhnevartovsk, April 05–06, 2016. Nizhnevartovsk : Nizhnevartovsk State University, 2016. P. 1599–1602.
14. Tselishcheva Z.A. The role of the higher education system in countering the spread of the ideology of extremism and terrorism in society / Z.A. Tselishcheva; Editorial Board: Zh.V. Murzina [et al.] // The role of the higher education system in countering the spread of the ideology of extremism and terrorism in society. Actual issues of the humanities and social sciences: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Cheboksary, June 16, 2022). Cheboksary : Publishing House «Sreda», 2022. P. 295–297.
15. Personal information culture: Security and development / S.G. Gutova, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishcheva, A.A. Litsuk // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020 : 33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, Granada, April 10–11, 2019. Granada, 2019. P. 6651–6658.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вецкая Светлана Анатольевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
vetskaya@mail.ru

Стрельцов Вадим Вадимович
кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Краснодарский университет МВД России
vvslexx@gmail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Основной задачей настоящего исследования является изучение и, по возможности, конструктивное решение проблемных вопросов, накапливающихся у сотрудников практических подразделений, осуществляющих функции в рамках обеспечения безопасности лиц, находящихся под государственной защитой при составлении, согласовании, утверждении, а самое главное - реализации обязательств, возникающих в рамках договора об условиях применения мер безопасности, взаимных обязательствах, взаимной ответственности лица, подлежащего государственной защите и органа, осуществляющего меры безопасности.

Ключевые слова: договор, защищаемое лицо, оперативно-разыскная деятельность, меры безопасности, права и обязанности сторон, ответственность, непреодолимая сила, претензия, судебное разбирательство.

Государственная защита участников уголовного судопроизводства определяется государством на основе Конституции РФ, положений федерального законодательства, постановлений Правительства, норм уголовно-процессуального законодательства. Функции по координации деятельности, связанной с обеспечением безопасности защищаемых лиц, осуществляют специализированные подразделения полиции, а именно, Управление по обеспечению безопасности лиц, основной задачей которого является, в первую очередь, необходимость сохранить жизнь и здоровье тем, кто помогает в расследовании

Svetlana A. Vetskaya
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
vetskaya@mail.ru

Vadim V. Streltsov
Candidate of Sociological Sciences,
Teacher of the Department
of Civil Engineering Rights and Process,
Krasnodar University
of the Ministry Affairs of Russia
vvslexx@gmail.ru

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF CIVIL LAW NORMS IN THE IMPLEMENTATION OF STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The main objective of this study is to study and, if possible, constructively solve problematic issues that accumulate among employees of practical units that perform functions within the framework of ensuring the safety of persons under state protection in the preparation, coordination, approval, and most importantly, the implementation of obligations arising within the framework of agreements on the conditions for the application of security measures, mutual obligations, mutual responsibility of the person subject to state protection and the body implementing security measures.

Keywords: contract, protected person, operational-search activity, security measures, rights and obligations of the parties, responsibility, force majeure, claim, trial.

преступления, если при этом такому лицу угрожают. Меры защиты могут применяться как к защищаемому лицу, так и к членам его семьи, второстепенная же задача нацелена на сохранение материальных благ защищаемых лиц.

Таким образом, государственная защита применяется лишь в случаях возникновения у лица реальных опасений за свою жизнь и здоровье, а также, жизнь и здоровье своих близких – например, при получении ими информации в виде писем, сообщений с угрозами.

Однако существуют трудности в сохранности информации, касающейся личных данных, когда участник уголовного процесса сначала был допрошен под его настоящими анкетными данными, а после этого в его адрес стали поступать угрозы. Избрание конкретной меры защиты при условии соблюдения полной конфиденциальности может стать гарантом успешности осуществления государственной защиты.

Статья 6 Федерального закона Российской Федерации от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» содержит исчерпывающий список мер безопасности, применяемые к лицам, с которыми правоохранительные органы вступили в обязательство заключения и подписания договора, вытекающий из условий предварительных обязательств. Это означает, что, выбрав перечисленные в законе меры, защищаемый обязан беспрекословно повиноваться всем законным требованиям сотрудника их осуществляющих.

Договор заключается на срок осуществления избираемых мер безопасности, указанный в решении об осуществлении государственной защиты, при этом срок подписания такого договора составляет трое суток с момента принятия решения, а в случаях, не терпящих отлагательств, – не более суток. Подготовка проекта договора производится оперативным подразделением органа, осуществляющего меры безопасности, после чего, в течение суток он направляется защищаемому лицу для подписания.

С момента подписания письменного заявления защищаемым лицом или с его согласия, выраженного в письменной форме, а в отношении несовершеннолетних – на основании письменного заявления его родителей или лиц, их заменяющих, а также уполномоченных представителей органов опеки и попечительства (в случае отсутствия родителей или лиц, их заменяющих) или с их согласия, выраженного в письменной форме начинают действовать меры защиты.

Важно отметить, что данные меры, применяются к участникам уголовного процесса либо на основании УПК, либо на основании 119-ФЗ. По УПК они действуют столько же, сколько длится расследование и рассмотрение дела в суде. Следовательно, дознаватель по отношению к потерпевшему, его представителю, свидетелю применяет меры, перечисленные в законодательстве (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК).

По 119-ФЗ меры защиты действуют до тех пор, пока не отпадут соответствующие основания (в том числе, после постановления приговора, применения принудительных мер медицинского характера, вынесения постановления об освобождении от уголовной ответственности или наказания).

Таким образом, фактическим началом применения мер безопасности является дата и время подписания договора, который называется «Договор

об условиях применения мер безопасности, взаимных обязательств, взаимной ответственности Сторон». Основные гражданско-правовые характеристики такого договора, как цель, предмет, срок договора, права обязанности и ответственность сторон указываются в договоре и реализуются в рамках гражданского права с применением законодательства об оперативно-розыскной деятельности.

Несмотря на стандартную гражданско-правовую конструкцию договора, включающую в себя такие элементы как цель и предмет, права и обязанности сторон, а также, их ответственность, обязательства непреодолимой силы и порядок разрешения разногласий, с уверенностью можно полагать, что правильно выстроенная договорная работа представляет определяющее начало для безошибочного и современного применения мер безопасности. Бесспорно, что установленные обязательства, отраженные в договоре, должны быть четко разяснены, изучены, скорректированы по вопросам линии поведения, графика жизни данного защищаемого лица с обязательным указанием способа экстренной связи с сотрудником правоохранительных органов.

Наличие такого договора в расследуемом уголовном деле вносит свои особенности работы и адвокату. Так, участвуя в делах с такими «особенными свидетелями», защитнику нужно быть максимально внимательным, исследуя основания засекречивания и показания этих лиц. За использованием засекреченного лица может скрываться не только неполнота и недоказанность обвинения, но и фальсификация доказательств по уголовному делу.

Заключительным этапом реализации договора является его подписание собственноручно защищаемым лицом с резолюцией начальника ГУ МВД по субъекту Российской Федерации.

К условиям хранения и учета договора с целью исключения распространения по нему информации относятся хранение двух экземпляров договора в деле оперативного учета, в конверте в печатанном виде. О наличии такого договора могут быть осведомлены только лица, его подписавшие, начальник подразделения государственной защиты, начальник отдела оперативных проверок, оперативный сотрудник-куратор, ведущий дело оперативного учета. Плановость реализации договора в части, касающейся физической защиты, а именно, «личной охраны» подтверждается соответствующей выпиской, которая, исходя из оперативной обстановки, организует осуществление личной охраны, защищаемого лица.

Фактический момент подписания данного договора порождает некоторые сложности, связанные с исполнением договорных обязательств. Поскольку при осуществлении государственной защиты могут быть использованы как гласные, так и негласные методы в соответствии с законодательством Российской Федерации, то ответственность защищаемого лица по неразглашению конфиденциальных сведений, очевидна. Защита информации, указанной в договоре, не подлежащей

распространению, включает в себя закрытие информации о защищаемом лице в базах данных организаций, например ПФР, налоговой инспекции, Росреестре и т.д.

Соответственно, при заключении договора защищаемое лицо должно осознать свое согласие на осуществление в отношении него государственной защиты на срок до реализации дела оперативного учета. С момента подписания его обеими сторонами ответственность возлагается и на службу, которая непосредственно применяет меры государственной защиты.

Таким образом, фактический момент подписания договора о применении мер безопасности, возлагает одновременно, взаимные обязательства, как на защищаемое лицо, так и на отдел оперативно-розыскной части по государственной защите, связанные с:

- своевременностью реагирования на ситуацию, требующую применения и (или) изменения мер безопасности;
- информированностью защищаемого лица, о соблюдении им условий конфиденциальности;
- своевременностью уведомления защищаемого лица об изменении, о дополнении или об отмене применения в отношении него мер безопасности;
- неразглашением сведений о защищаемом лице, ставшие известными в ходе осуществления в отношении него мер безопасности;
- проведением мероприятий по психологическому сопровождению и оказанию психологической помощи защищаемому лицу (психологическое консультирование, психологическая коррекция, психологическая реабилитация, подготовка к судебному заседанию и иные виды);
- исполнением иных обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В качестве положительного примера работы подразделения ОРЧ ГЗ по г. Краснодару, приведем следующий пример: 06.03.2021 г. СЧ СУ УМВД России по г. Краснодару возбуждено уголовное дело, по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Было установлено, что «А», действуя в составе организованной группы, по предварительному сговору с «З», «К», «В» и неустановленными лицами, организовали регистрацию в одном из ИФНС по городу Краснодару, жилищно-строительного кооператива «Ч» и, не имея разрешения на строительство многоквартирного жилого дома, в период времени с 04.02.2018 по 30.08.2021 заключили от имени председателя правления договоры об участии в ЖСК «Ч» с гражданами, по которым, получив денежные средства пайщиков в сумме 18660080,00 рублей, похитили их, обратив в свою пользу, чем причинили ущерб в особо крупном размере.

В ходе предварительного следствия в СЧ СУ УМВД России по г. Краснодару обратился гр-н «М», который дал показания, изобличающие вину фигурантов уголовного дела в инкриминируемых им деяниях, после чего, в его адрес стали поступать требования об изменении ранее данных показаний, сопряженные с угрозой причинения вреда жизни и здоровью.

В соответствии со 119-ФЗ, в отношении свидетеля «М» было принято решение об осуществлении мер государственной защиты с подписанием договора в соответствии с которым ГУ МВД России по Краснодарскому краю организовало избрание трех, предусмотренных статьей 6, ранее указанного ФЗ. Для выявления, предупреждения и пресечения преступлений, мотивом совершения которых является процессуальный статус «К», было заведено ДОО.

Приведенный пример реализации комплекса мероприятий по данному уголовному делу, наглядно демонстрирует своевременное обеспечение безопасности защищаемого лица с целью не допущения оказания незаконного воздействия на свидетеля «М», что, в свою очередь, способствовало привлечению «А», «З», «К», «В» к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Аккумулируя все ранее изложенное, предлагаем исключить договорные отношения с защищаемым лицом по преступлениям небольшой и средней тяжести, ограничиваясь внесением в соглашение с применяемыми мерами государственной защиты, кратких элементов договорных отношений, в части обязанностей защищаемого. Внесение данных изменений в практическую деятельность устраним сложность при составлении необходимой документации при осуществлении мер государственной защиты, но, как и прежде, будет полно отражать соответствующие конституционные положения лиц, нуждающихся в государственной защите.

В договор, который будет существовать только по категориям тяжких и особо тяжких преступлений, следует предусмотреть положение об автоматическом прекращении мер государственной защиты при его нарушении со стороны защищаемого лица, либо при невозможности автоматического прекращения мер безопасности, решать вопрос о прекращении всех мер, связанных с финансовым обеспечением защищаемого лица, что не потребует дополнительных изменений в действующее законодательство, однако, расширит правовые нормы защищаемого лица исполнять договорные обязательства.

Заслуживает внимание и предложение о внесении в данный договор условий, предусматривающих порядок финансирования защищаемого лица, то есть, обеспечения его средствами гигиены, продуктами питания, одеждой, медикаментами, исключив передачу защищаемому лицу наличных денежных средств. Данная мера позволит исключить необоснованные траты вверенных ему денежных средств либо иного нецелевого расходования бюджетных ассигнований и

упрощения отчета потраченных денежных средств перед ревизионными органами путем предоставления первичных документов (чеков),

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) ст. 420, 421, 422, 423, 425.
3. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 20.01.2022) ст. 1, 3, 6, 7, 8, 9, 25, 27.
4. Федеральный закон от 05.07.1995 № 114-ФЗ (ред. от 30.12.2021) ст. 1, 2, 5.

что положительно отразится на процессе хищения бюджетных средств, либо их целевого использования.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12/12/1993 (with changes approved during the nationwide vote on 07/01/2020).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 № 51-FZ (as amended on February 25, 2022), art. 420, 421, 422, 423, 425.
3. Federal Law № 119-FZ of August 20, 2004 «On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings» (as amended on January 20, 2022), art. 1, 3, 6, 7, 8, 9, 25, 27.
4. Federal Law № 114-FZ of July 05, 1995 (as amended on December 30, 2021), art. 1, 2, 5.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy
Doctor of Law,
Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Аннотация. Причинный комплекс преступности представляет собой совокупность тесно связанных между собой причин, условий и факторов, воздействующих на процессы криминализации общества. В статье рассмотрен причинный комплекс преступности в Северо-Кавказском федеральном округе. В ней детально рассмотрены причины, условия и факторы, воздействующие на процессы криминализации общества. На основе анализа анкетирования, в качестве экспертов, сотрудников органов внутренних дел, выявлен ряд проблем детерминирующих преступность в указанном регионе.

Ключевые слова: криминология, детерминация преступности, причины, условия, факторы преступности, прогноз преступности.

Причинный комплекс преступности представляет собой совокупность тесно связанных между собой причин, условий и факторов, воздействующих на процессы криминализации общества.

В связи с многообразием элементов, обуславливающих детерминацию криминальных явлений и процессов, унифицированной схемы изучения причинного комплекса преступности не существует. Вместе с тем, его составляющие можно подразделить на две большие группы:

1. Общие, формирующие преступность как социальное явление, в целом.
2. Специальные, воздействующие на отдельные виды преступлений и группы преступности [1].

Прежде чем приступить к рассмотрению современного состояния причин и условий преступности в Северо-Кавказском федеральном округе, считаем целесообразным сделать небольшой исторический экскурс в относительно недавнее прошлое.

FEATURES OF CRIME DETERMINATION IN THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

Annotation. The causal complex of crime is a set of closely related causes, conditions and factors affecting the processes of criminalization of society. The article considers the causal complex of crime in the North Caucasus Federal District. It examines in detail the causes, conditions and factors affecting the processes of criminalization of society. Based on the analysis of the questionnaire as experts of the employees of the internal affairs bodies, a number of problems determining crime in the specified region have been identified.

Keywords: criminology, crime determination, causes, conditions, crime factors, crime forecast.

Большинство исследователей, занимающихся проблемами преступности Юга России, склоняются к мнению о том, что начало масштабной дестабилизации региона началось с политическими процессами, связанными с распадом Советского Союза. К настоящему времени, в целом, они локализованы, однако, «отголоски» событий 1990-х годов наблюдаются по сей день. Кроме того, нельзя не учитывать потенциальную опасность их повторения. Отметим основные из них.

1. *Идеи этногосударственности*, спровоцированные, с одной стороны, серьёзными просчётами действий руководства как позднего советского, так и раннего постсоветского периода, с другой стороны, национально-территориальной формой государственного устройства. Основная негативная нагрузка этих тенденций заключается в том, что под «лозунгами» борьбы за независимость и суверенизации происходил передел власти и сфер экономического влияния [2]. По сути дела, это запустило процесс распада уже вновь сформировавшегося государства (Российская Федерация), который в дальнейшем был остановлен с применением вооружённого вмешательства

в сочетании с процессами политического урегулирования.

2. *Локальные вооружённые конфликты*, существование которых достаточно хорошо известна. Помимо существенных политических проблем и очень серьёзного экономического ущерба, они привели к фактической утрате контроля за легальным оборотом оружия, и, как следствие, к беспрецедентному росту вооружённой преступности.

3. *Межнациональные и межэтнические противоречия*, например, этнические чистки со стороны бандитских группировок в самопровозглашённой Ичкерии, осетино-ингушский конфликт и т.п., спровоцировавшие различные проявления национализма и ксенофобии на территории всего региона, и даже за его пределами.

4. *Религиозные противоречия*, наиболее опасным проявлением которых стало проникновение в регион представителей радикальных форм ислама. Следствием явилось создание экстремистских организаций и различные проявления терроризма.

5. *Изменение геополитического статуса региона*, вследствие чего, он превратился в приграничную зону и стал уязвимым для деятельности на территории Российской Федерации внешних дестабилизирующих сил.

6. *Миграционные процессы*, не имевшие аналогов ранее. При этом самую большую криминогенную нагрузку на оперативную обстановку дала вынужденная миграция.

Указанные факторы нестабильности оказались выгодными самым различным представителям криминального «бизнеса», а их совокупность привела к тому, что государство и общество столкнулось с беспрецедентными ранее видами преступной деятельности, такими как терроризм, похищения людей, захват заложников, угоны воздушных судов и т.п. [3]. Характерно также, что перечисленные явления приобрели особый масштаб именно на территории субъектов нынешнего состава Северо-Кавказского федерального округа.

Такая ситуация является типичным аналогом создания, так называемого, криминального государства, когда сочетание факторов политической нестабильности активно используется криминалитетом в своих целях. Аналогичные процессы наблюдались и в других образованиях, например, в сепаратистском образовании бывшей Югославии, Косово. Некоторые специалисты отмечают, что «ситуация в Косово практически идентична положению вещей, существовавших в Чечне» [4]. При этом важно учитывать, что Чеченская Республика являлась лишь эпицентром событий, а их криминальная функция распространялась и на другие, более отдалённые регионы.

При этом по вполне очевидным причинам ни правовая база, ни правоохранительная система к таким вызовам оказались не готовы. Ситуация осложнялась тем, что перечисленные факторы

возникли в условиях реформирования политической системы (демократизация государственных и общественных институтов) и экономики (переход к рыночной модели).

Если спроецировать ранее перечисленные факторы на современное состояние криминальной ситуации в Северо-Кавказском округе, то нельзя не заметить, что они явились «пусковым механизмом» нынешней преступности, их влияние стало значительно меньше, но, в той или иной степени, сохраняется.

Рассматривая воздействие обозначенных выше факторов на преступность, отметим, что молодое и более старшее поколение, проживающее на территории Северо-Кавказского федерального округа, фактически – это «дети войны», причём, сказанное относится не только к Чеченской Республике. Оперативная обстановка была чрезвычайно сложной и в других субъектах региона, а локальные контртеррористические операции проводились фактически во всех его административно-территориальных образованиях. При этом вполне очевидно, что развитие и воспитание в таких условиях наложило свой отпечаток, как на их психологию, так и на уже взрослых и сформировавшихся личностей. Не вызывает также сомнений, что этот отпечаток дал не самые лучшие результаты, следствием чего, являются личностные особенности как реальных, так и потенциальных преступников, а также возможных их жертв.

Как уже отмечалось, в период наиболее сложной криминальной ситуации, складывающейся на Северном Кавказе, отмечались активные этногосударственные тенденции с попытками разрушения территориальной целостности Российской Федерации, которые сопровождались активной деятельностью исламистских организаций (в отличие от традиционных форм ислама). Хорошо известно, что сепаратисты, действовавшие на Северном Кавказе, пользовались активной поддержкой зарубежных террористических организаций и использовали в своей деятельности институт наёмничества [5].

В настоящее время такие угрозы минимизированы, однако, полностью не локализованы. Прежде всего, это связано со значительной активизацией деятельности международных экстремистских организаций, в первую очередь, «Исламского государства» (запрещена на территории Российской Федерации). Выше отмечалось, что значимым фактором роста преступности в Северо-Кавказском федеральном округе является миграция населения, которая приняла катастрофические масштабы в 1990-х годах.

Сама по себе, миграция является естественным явлением и её нельзя считать причиной преступности как таковой. Однако специалистами доказана её опосредованная криминогенная роль [6]. На рубеже XX–XXI веков её «объёмы» были такими, что она оказала очень значимое воздействие на состояние преступности, в первую очередь, на территориях нынешнего состава Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Основная причина чрезвычайно активных миграционных процессов в регионе была вызвана военными действиями на территории Чеченской Республики, межнациональными конфликтами и беспрецедентным разгулом преступности в северо-кавказских республиках. При этом наибольшему миграционному «натиску» подвергся Ставропольский край. Основными проявлениями обозначенных нами выше криминогенных факторов миграции являются:

1. Увеличение нагрузки на инфраструктуру мест пребывания вынужденных переселенцев.
2. Сложное материальное положение прибывающих, а также их виктимное поведение.
3. Проблемы социальной адаптации.
4. Недовольства местного населения и, связанные с ним, конфликтные ситуации.
5. Перемещение криминальных «технологий».
6. Криминальная миграция – перемещение лиц с целью совершения преступлений на территории других административно-территориальных образований.

В настоящее время миграционные процессы в Северо-Кавказском федеральном округе являются естественными и носят, преимущественно, гостевой, туристический и трудовой характер. Вместе с тем, в сравнении с другими регионами Российской Федерации, её криминогенная нагрузка является достаточно высокой. Она проявляется в том, что из субъектов с неблагоприятной криминальной обстановкой могут перемещаться лица, осуществляющие преступную деятельность, а также – «товары» и предметы, ограниченные к гражданскому обороту, например, оружие и наркотические вещества. Ещё одной характерной особенностью криминально-миграционных процессов является латентность как самой миграции [7], так и преступлений, совершаемых такими лицами [8].

Ещё одной характерной особенностью Северо-Кавказского региона является геополитический статус его субъектов, при этом следует учитывать не только непосредственное наличие государственных границ, но и опосредованную географическую близость к другим странам. В данном случае, важно отметить, что это геополитическое положение является неблагоприятным, причём, практически все «соседи» России в данном случае, в той или иной степени, являются «проблемными».

Кроме внешнеполитических факторов преступности, криминальная нестабильность в Северо-Кавказском федеральном округе осложняется внутривнутриполитическими противоречиями. Одним из таковых являются последствия распада Чечено-Ингушской АССР, что привело к возникновению территориальных споров между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия по вопросам принадлежности Сунжеского района. 16 октября 2018 года вступило в силу соглашение об установлении границ между этими двумя субъектами, что

вызвало массовые протестные акции со стороны жителей Республики Ингушетия [9]. Потенциально опасным внутренним противоречием можно считать и последствия осетино-ингушского конфликта 1992 года. В настоящее время серьёзных предпосылок к его обострению не имеется, однако, нельзя не учитывать возможность использования имевших место событий различными дестабилизирующими силами в своих целях, например, целенаправленное «стравливание» между собой представителей различных национальностей.

Специалистами давно доказано, что экономика и преступность имеют взаимную обусловленность [10]. При этом вполне очевидно, что низкие экономические показатели выступают как криминогенные факторы, а высокие – как антикриминогенные.

Уровень социально-экономического развития субъектов, образующих Северо-Кавказский федеральный округ, если сравнивать его с показателями по России, в целом, является достаточно низким. Так, если обратить внимание на показатель валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, то нельзя не заметить, что в Северо-Кавказском федеральном округе он является одним из самых низких по стране. Наихудшую позицию занимает Республика Ингушетия (112,6 тысяч рублей), далее идут Чеченская Республика (133,4), Карачаево-Черкесская Республика (165,4), Кабардино-Балкарская (168,2), Республика Северная Осетия – Алания (185,6), Республика Дагестан (203,3). При этом среднероссийский ВРП на душу населения составляет 578,7 тысяч рублей. Таким образом, региональные показатели данного индикатора экономического развития в 3–5 раз ниже общих федеральных. Не столь негативная, но достаточно выраженная разница имеется в Ставропольском крае, где ВРП на душу населения составил 255,7 тысяч рублей с индикатором разницы между общероссийским в 2,2 раза.

Изучение качественной компоненты экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа показывает, что здесь плохо развито промышленное производство, а основу экономического сектора составляет сельское хозяйство.

Совокупный анализ сведений о состоянии занятости населения по Северо-Кавказскому федеральному округу свидетельствует о том, что ситуация в данном направлении здесь является наихудшей в России. Именно субъекты СКФО лидируют по наиболее высоким значениям уровня безработицы на федеральном уровне, а исследуемый показатель здесь в несколько раз выше общероссийского. Исключение составляет лишь Ставропольский край.

Наиболее тяжёлая ситуация с безработицей складывается в Республике Ингушетия, где соответствующий показатель превышает среднероссийский почти в 6 раз. В остальных субъектах СКФО, кроме Ставропольского края, индекс

разницы федерального и регионального показателя, в целом, составляет три единицы. Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская Республика являются абсолютными «лидерами» по уровню безработицы в среднем по России, занимая первые пять позиций. Кабардино-Балкарская Республика занимает восьмое место после перечисленных выше субъектов региона, а также – после Республики Алтай и Республики Тыва.

Заметим, что выше приведены данные об официально зарегистрированных безработных в регионе. Однако помимо этого, существует ещё и проблема латентной безработицы. Ряд выборочных социологических исследований и экспертных оценок позволяет выдвинуть гипотезу о том, что проблема латентной безработицы в Северо-Кавказском регионе стоит более остро. Здесь же отметим, что криминогенный риск латентных безработных выше, чем официальных.

Приведённые данные являются наиболее показательными и свидетельствующими о том, что экономическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе является «депрессивной». В его субъектах существует и ряд других социально-экономических проблем, таких как значительное расслоение населения по доходам, большое количество граждан с доходами ниже прожиточного минимума, проблемы с адекватностью размеров заработных плат потребностям и ряд других.

Обратим внимание на специфику социально-экономических факторов в детерминации преступности на территории Северо-Кавказского федерального округа, отличающую его от других регионов Российской Федерации.

Прежде всего, отметим особенности криминогенной нагрузки экономических проблем. Она общеизвестна и проявляется в том, что отсутствие стабильного источника дохода и недостаток средств к достойному существованию, зачастую, толкает этих лиц к совершению преступлений. Однако специфика преступности Северо-Кавказского федерального округа показывает, что роль экономического фактора как элемента механизма детерминации криминальных процессов здесь намного серьезнее. В частности, если в других регионах он реализуется, в основном, в виде совершения преступлений, не представляющих большой общественной опасности (кражи, разбои и т.п.), то на Юге России экономически неблагополучные граждане являются потенциально уязвимым контингентом для вовлечения их в особо опасные виды преступлений, вплоть до экстремистской и террористической деятельности.

Следует подчеркнуть, что экономические факторы детерминации преступности обладают «продолжительным» действием, то есть, они продолжают действовать даже после их локализации. В данном случае, обратим внимание на то, что в более ранние периоды времени ситуация с безработицей в ряде субъектов Северо-Кавказского федерального округа была критической.

Так, например, в Республике Ингушетия она составляла почти 50 %. По вполне очевидным причинам, это привело к выработке преступных установок у определённого контингента лиц.

Рассматривая региональные особенности детерминации преступности в Северо-Кавказском федеральном округе, важно обратить внимание на один специфический индикатор, относящийся к демографическим характеристикам, а именно, на показатели естественного прироста (убыли) населения.

С учётом того, что, в целом, по России, как и в ряде других стран мира, имеются признаки умеренного демографического кризиса, такая ситуация с естественным приростом населения в Северо-Кавказском федеральном округе, безусловно, оценивается положительно. Вместе с тем, если рассматривать эту ситуацию с точки зрения её влияния на преступность, такая оценка представляется более сложной.

Вполне естественно, что большие показатели рождаемости требуют повышенных затрат. Это и обучение, и воспитание, и медицинское обслуживание, и многое другое. Однако, как уже отмечалось, показатели экономического развития региона продолжают оставаться низкими, а уровень жизни населения имеет выраженные проблемы.

Описанная выше демографическая ситуация, в той или иной степени выраженности на Северном Кавказе, наблюдается уже очень длительное время. В свою очередь, это порождает особо остро стоящую в этом регионе проблему профилактики молодёжной преступности, среди которой первоочередное значение приобретает предупреждение вовлечения лиц молодого возраста в деятельность незаконных вооружённых формирований, в экстремистскую и террористическую деятельность, на чём следует остановиться подробнее.

Опрошенные в качестве экспертов сотрудники органов внутренних дел, занимающиеся проблемами борьбы с терроризмом и экстремизмом, констатировали, что самую большую опасность в настоящее время представляет втягивание в различные радикальные организации лиц молодого возраста, что имеет непосредственное отношение к экономическому фактору детерминации преступности в регионе. Таким образом, формируется совокупность следующих, взаимосвязанных между собой проблем:

1. Личностные особенности молодёжи, в первую очередь, определённая моральная неустойчивость и склонность к импульсивному поведению.
2. Повышенная степень вероятности психологического манипулирования такими лицами.
3. Неуверенность в перспективах своего материально-финансового, а, следовательно, и личностного обустройства в дальнейшей повседневной жизни.

Не случайно после создания Северо-Кавказского федерального округа в 2010 году [11]

полномочный представитель Президента Российской Федерации в нём А.Г. Хлопонин в качестве первоочередной задачи определил формирование новой молодёжной политики. При этом основной акцент им был сделан на улучшение уровня образования, занятости, выработку толерантности, повышение качества межнациональных и межэтнических отношений. Данное направление отражено, в том числе, и в Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 06 сентября 2010 года № 1485 [12].

Следующим блоком региональных особенностей воздействия причин и условий на криминогенные процессы в регионе выступает социальная поляризация, в первую очередь, по экономическим, этническим и религиозным признакам. Основная её опасность заключается в формировании ксенофобских настроений, а с учётом многонационального и многоконфессионального состава субъектов Северо-Кавказского федерального округа и этнофобии, провоцирующей различные конфликтные ситуации, в том числе и с уголовно-правовой окраской.

Локализация экономического фактора детерминации преступности в Северо-Кавказском федеральном округе в настоящее время затруднена по причине взаимозависимых противоречий, когда одни и те же факторы выступают как «катализатором» развития региона, так и его «тормозом». В данном случае, можно вести речь о двух, вступающих между собой в конфликт, группах факторов:

1. Субъекты Северо-Кавказского федерального округа имеют большие перспективы для развития. Основными преимуществами региона являются:

1.1 Большой демографический потенциал. Как уже отмечалось, в субъектах Северо-Кавказского федерального округа отмечаются высокие показатели естественной прибыли населения, что не характерно для Российской Федерации, в целом.

Литература:

1. Долгова А.И. Криминологические проблемы отдельных видов преступности / А.И. Долгова // Причины отдельных видов преступности и проблемы борьбы с ними. Сборник научных трудов. М. : ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1989. С. 4.

2. Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской Республике / А.Л. Ситковский, С.К. Илий, Е.Ф. Кузьминский [и др.]; Под общ.ред. С.И. Гирько. М. : ВНИИ МВД России, 2009. С. 30.

3. Шейко Е.В. Терроризм в современной России / Е.В. Шейко // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии. Сборник научных трудов, посвящённых Дню российской науки. Ставрополь : «Сервисшкола», 2010. С. 229.

1.2 Выгодное географическое расположение, создающее перспективы для международного сотрудничества, в первую очередь, с государствами средне-азиатского региона и Закавказья.

1.3 Благоприятный климат и уникальные природные характеристики как перспективные направления для развития туристической отрасли, сельского хозяйства, биоресурсов.

2. Однако реализация указанных выше перспектив для развития затруднено с учётом следующих обстоятельств:

2.1 Регион притягателен для сил, заинтересованных в дестабилизации социально-экономической и политической ситуации в России.

2.2 Регион обладает повышенными криминогенными рисками, что позволяет заинтересованным дестабилизирующим силам достигать определённого успеха в своих целях.

2.3 Взятый руководством курс государства на экономическое развитие региона вызывает повышенный интерес у криминалитета различного уровня, прежде всего, это касается криминально-экономической и коррупционной деятельности.

2.4 Политическая нестабильность на соответствующих направлениях потенциального международного сотрудничества с учётом интересов российского государства.

Таким образом, первая группа факторов, которую условно можно обозначить как «притягивающую», вступает в противоречие со второй, «отталкивающей». При этом отличительной особенностью «отталкивающей» группы факторов является достаточно высокий уровень угрозы особо опасных видов преступной деятельности, носящей антигосударственный характер, в первую очередь, это различные формы террористической и экстремистской деятельности, что вносит определённые затруднения в реализацию экономических целей.

Literature:

1. Dolgova A.I. Criminological problems of certain types of crime / A.I. Dolgova // Causes of certain types of crime and problems of combating them. Collection of scientific works. M. : Research Institute of Problems of strengthening law and order, 1989. P. 4.

2. The criminal situation and trends of its development in the Chechen Republic / A.L. Sitkovsky, S.K. Ili, E.F. Kuzminsky [et al.]. Under the general editorship of S.I. Girko. M. : Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. P. 30.

3. Sheiko E.V. Terrorism in modern Russia / E.V. Sheiko // Actual problems of modern criminal law and criminology. Collection of scientific papers dedicated to the Day of Russian Science. Stavropol : «Service School», 2010. P. 229.

4. *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 350.
5. *Лесников Г.Ю.* Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 230.
6. См., например: *Вьюнов Ю.И.* Влияние миграционных процессов на преступность в Южном федеральном округе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 173 с.
7. *Евланова О.А.* Взаимосвязь миграционных процессов и организованной преступности в России / О.А. Евланова; Под ред. А.И. Долговой // Организованная преступность, миграция, политика. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2002. С. 33.
8. *Пинкевич Т.В.* Миграционные процессы в России как объект криминологического исследования (региональный аспект) / Т.В. Пинкевич, Д.И. Пастырев. Ставрополь : «Ставропольсервисшкола», 2002. С. 53.
9. История вопроса о границе между Чечней и Ингушетией. ИА ТАСС. URL : <https://tass.ru/info/5679906> (дата обращения 09.04.2020).
10. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.В. Волженкин. СПб. : Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. С. 267.
11. Указ Президента Российской Федерации от 19 января 2010 г. № 82 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. 2010. 21 января.
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06 сентября 2010 г. № 1485-р // Российская газета. 2010. 05 октября.
4. *Kleimenov I.M.* Comparative criminology. M. : Norm: INFRA-M, 2012. P. 350.
5. *Lesnikov G.Yu.* Criminal policy of modern Russia (methodological, legal and organizational foundations) : dis. ... dr. jurid. M., 2005. P. 230.
6. See, for example: *Vyunov Yu.I.* The impact of migration processes on crime in the Southern Federal District : dis. ... cand. jurid. M., 2001. 173 p.
7. *Evlanova O.A.* The relationship of migration processes and organized crime in Russia / O.A. Evlanova // Organized crime, migration, politics. Edited by A.I. Dolgova. M. : Russian Criminological Association, 2002. P. 33.
8. *Pinkevich T.V.* Migration processes in Russia as an object of criminological research (regional aspect) / T.V. Pinkevich, D.I. Pastyrev. Stavropol : «Stavropol Service School», 2002. P. 53.
9. The history of the border between Chechnya and Ingushetia. IA TASS. URL : <https://tass.ru/info/5679906> (date of the application 09.04.2020).
10. Modern problems and strategy of combating crime / Scientific ed. V.N. Burlakov, B.V. Volzhenkin. SPb. : Publishing House of St. Petersburg State University, 2005. P. 267.
11. Decree of the President of the Russian Federation № 82 of January 19, 2010 «On Amendments to the List of Federal Districts Approved by Decree of the President of the Russian Federation № 849 of May 13, 2000, and to the Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2008 № 724 «Issues of the system and structure of federal executive authorities» // Rossiyskaya Gazeta. 2010. January 21.
12. Decree of the Government of the Russian Federation of September 06, 2010 № 1485-r // Rossiyskaya Gazeta. 2010. October 05.

Власов Дмитрий Викторович
магистрант Института прокуратуры,
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
11dmr@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ положения органов прокуратуры в зарубежных странах. Исследуются функции и полномочия органов прокуратуры в зарубежных странах. Проводится изучение деятельности органов прокуратуры в зависимости от способа формирования указанных органов. Детально анализируется формирование и осуществление деятельности органов прокуратуры в таких странах, как Германия, США, Франция, Болгария, Испания, Вьетнам. Приводятся конкретные предложения, направленные на усовершенствование деятельности органов прокуратуры в Российской Федерации на основании опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: прокурор, органы прокуратуры, зарубежные страны, атторнейская служба, правовой статус, судебная власть, министерство юстиции.

Формирование органов прокуратуры берет свое начало еще в XIV веке, первая прокуратура была создана во Франции и выполняла функции по надзору за жизнью общества и государства. Со временем, во Франции был впервые создан Закон об организации деятельности органов прокуратуры Франции 1586 г. и Ордонанса 1670 г., которые определили правовое положение прокуратуры, а также, закрепили полномочия, которыми обладал указанный орган в то время [6]. Система органов прокуратуры получила широкое распространение по всему миру и в дальнейшем была заимствована в других странах мира.

Таким образом, за столь длительный период своего существования институт прокуратуры прошел ряд существенных изменений, которые привели его к статусу органа надзора за законностью и уголовного преследования лиц, совершивших преступление. В настоящее время в мире не существует единого стандарта организации деятельности и структуры органов прокуратуры, в связи с чем, в правовой доктрине выработан подход к классификации института прокуратуры. Ученые выделяют континентальную и англо-американскую модели прокуратуры. К континентальной относятся все страны Европы, Латинской Америки и некоторые страны Азии. К англо-

Dmitry V. Vlasov
Master of the Institute of the Prosecutors,
Moscow State Legal University
named after O.E. Kutafina
11dmr@mail.ru

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE SITUATION OF PROSECUTION BODIES IN FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The article provides a comparative legal analysis of the position of the prosecutor's office in foreign countries. The functions and powers of the prosecutor's office in foreign countries are investigated. The activities of the prosecutor's office are being studied depending on the method of formation of these bodies. The formation and implementation of the activities of the prosecution authorities in such countries as Germany, the USA, France, Bulgaria, Spain, Vietnam are analyzed in detail. Specific proposals are given aimed at improving the activities of the prosecutor's office in the Russian Federation based on the experience of foreign countries.

Keywords: prosecutor, prosecutor's office, foreign countries, attorney's office, legal status, judiciary, Ministry of Justice.

американской модели относятся Великобритания, США, Канада, Австралия и др. В зависимости от способа формирования органов прокуратуры в зарубежных странах, существуют:

- прокуратуры, которые сформированы в качестве отдельной системы (Китай, Вьетнам, Куба);
- прокуратуры, включенные в состав судебного корпуса (Испания, Болгария, Латвия);
- прокуратуры, входящие в состав Министерства юстиции (Франция, Израиль и др.);
- прокуратуры, не являющиеся специализированным органом [0].

Различия зарубежных органов прокуратуры имеют место также в их функциях, задачах и полномочиях. Считаем необходимым для наиболее четкого понимания провести детальный анализ деятельности прокуратуры в разных странах.

Во Вьетнаме прокуратура существует в качестве отдельного органа, который возглавляется Генеральным прокурором и именуется Верховной народной прокуратурой Вьетнама. Роль прокурора во Вьетнаме заключается в выполнении надзора за деятельностью всех государственных

органов, министерств и ведомств. Прокуратура Вьетнама призвана обеспечивать защиту социального законодательства. Прокурор во Вьетнаме также наделен правом на возбуждение уголовного преследования и обеспечения единообразия исполнения закона.

В Испании прокуратура включена в состав судебного корпуса. Ее основной функцией в государстве является отправление правосудия и полное обеспечение всех условий для независимого и законного осуществления правосудия. Прокуратура осуществляет надзор за деятельностью судебной полиции, которая направлена на расследование преступлений и установление лиц, виновных в совершении преступления. Отдельное место в системе государственных органов в Испании занимает специальная прокуратура, которая обладает полномочиями по выявлению и пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

В Болгарии прокуратура также относится к одной ветви власти с судом и следствием. Из положений Конституции Болгарии следует, что основным направлением деятельности прокуратуры является соблюдение законности. Прокуратура в Болгарии наделена полномочиями по привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении преступления, поддержанию обвинения в суде, надзору за органами, исполняющими меры уголовного и иного принуждения.

В США отсутствует как таковой орган под названием «прокуратура», однако, существует орган со схожими в общем понимании полномочиями, который именуется атторнейской службой. Функция государственного обвинения возложена на указанный орган, что не имеет аналогов в других странах [3]. Атторнейская служба имеет полномочия по возбуждению уголовного дела, расследованию нарушений норм закона, привлечению к уголовной ответственности и представлению обвинения в суде. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что атторнейская служба, выступая органом прокуратуры в США, обладает рядом полномочий, которые отсутствуют у прокуратуры в Российской Федерации, например полномочия по возбуждению уголовного дела. Генеральный прокурор в США также выполняет функции, которые отсутствуют у Генерального прокурора РФ, например, Генеральный прокурор в США выполняет функции главы Министерства юстиции и советника Президента по вопросам, связанным с уголовной политикой государства.

В свою очередь, во Франции прокуратура не является самостоятельным органом, а входит в состав Министерства юстиции. Прокуратуре во Франции отводятся функции исполнительного и судебного органа власти, что отличает ее от прокуратуры других государств, в том числе и Российской Федерации. Главой прокуратуры является не Генеральный прокурор, а Министр

юстиции, который осуществляет контроль деятельности всего Министерства. Деятельность Министерства юстиции в основном сосредоточена на уголовном производстве, однако, магистры (именно так именуют прокуроров во Франции) осуществляют, помимо этого, деятельность в области гражданского и торгового права, надзора за всеми ведомствами судебной системы, обеспечения защиты прав и свобод человека и иные функции, которые в общем понимании принадлежат прокуратуре.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в зарубежных странах нет единой модели и подхода к осуществлению деятельности органов прокуратуры. Анализ правового положения органов прокуратуры в зарубежных странах показывает, что, в большинстве своем, прокуратуре отводятся функции по надзору за следствием и дознанием и по содействию в осуществлении правосудия. Органы прокуратуры также могут наделяться полномочиями по уголовному преследованию, поддержанию обвинения в суде и осуществлению надзора за соблюдением законности, как государственными органами, так и простыми гражданами.

В свою очередь, прокуратура Российской Федерации является самостоятельным и независимым органом, основной функцией которого является обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на достаточную развитость института прокуратуры в Российской Федерации, заимствование некоторого опыта зарубежных стран может способствовать улучшению положения прокуратуры в системе государственных органов.

Одним из примеров может являться прокуратура во Франции, в которой прокурор имеет широкий спектр полномочий при участии в гражданском процессе, что в полной мере отсутствует у прокурора в Российской Федерации. Также, наблюдается необходимость наделяния прокурора полномочиями по возбуждению уголовного дела, так как указанный институт применяется в зарубежных странах и является неотъемлемой функцией прокурора при осуществлении своей деятельности.

Таким образом, правовое положение органов прокуратуры в зарубежных странах значительно отличается. В одних странах прокуратура не является самостоятельно действующим органом, а включена в состав судебной системы или Министерства юстиции. В других же странах, прокуратура является самостоятельно действующим органом и, помимо участия в уголовном процессе, обладает полномочиями по надзору за многообразными сферами жизни общества и государства. Считаем, что именно последняя модель прокуратуры является наиболее приближенной к первоначальной, образовавшейся еще в XIV веке во Франции, а также, требующей дальнейшего развития и глобального применения.

Литература:

1. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Собр. законодательства РФ. 1992. № 47. Ст. 4472.
2. *Воронин О.В.* Об отборе прокурорской деятельности в некоторых зарубежных странах / О.В. Воронин // Уголовная юстиция. 2018. № 12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-organizatsii-i-ustroystve-prokurorskoy-deyatelnosti-v-nekotoryh-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения 15.08.2022).
3. *Загородний В.В.* Конституционно-правовые основы организации и деятельности прокуратуры в зарубежных странах / В.В. Загородний, А.А. Батковская // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2020. № 14. С. 54–62.
4. *Какителашвили М.М.* Организация и деятельность прокуратур зарубежных стран / М.М. Какителашвили, Г.Л. Куликова; Университет прокуратуры РФ. М., 2020. 176 с.
5. *Трофимова С.А.* Особенности системы органов прокуратуры в зарубежных странах / С.А. Трофимова // Материалы Всероссийских (национальных) научно-практических конференций, Красноярск, 17 декабря 2021 года – 17 2022 года. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 81–83.
6. *Тюренкова К.А.* Конституционно-правовой статус прокуратуры в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ / К.А. Тюренкова // Молодой ученый. 2015. № 21(101). С. 633–636.

Literature:

1. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1992 № 2202-1 // Collection. Russian legislation. 1992. № 47. Art. 4472.
2. *Voronin O.V.* On the selection of prosecutorial activities in some foreign countries / O.V. Voronin // Criminal Justice. 2018. № 12. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-organizatsii-i-ustroystve-prokurorskoy-deyatelnosti-v-nekotoryh-zarubezhnyh-stranah> (date of the application 08/15/2022).
3. *Zagorodniy V.V.* Constitutional and legal foundations of the organization and activities of the prosecutor's office in foreign countries / V.V. Zagorodniy, A.A. Batkovskaya // Bulletin of the Donbass Law Academy. Legal Sciences. 2020. № 14. P. 54–62.
4. *Kakitelashvili M.M.* Organization and activities of the prosecutor's offices of foreign countries / M.M. Kakitelashvili, G.L. Kulikova; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2020. 176 p.
5. *Trofimova S.A.* Features of the system of prosecution authorities in foreign countries / S.A. Trofimova // Proceedings of the All-Russian (national) scientific and practical conferences, Krasnoyarsk, December 17, 2021 – 17, 2022. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Agrarian University, 2022. P. 81–83.
6. *Tyurenkova K.A.* The constitutional and legal status of the prosecutor's office in foreign countries: a comparative legal analysis / K.A. Tyurenkova // Young scientist. 2015. № 21(101). P. 633–636.

Волик Ксения Борисовна
старший преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
martinkb@inbox.ru

Мартыненко Георгий Константинович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры общетеоретических
правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
martynenko.54@list.ru

Мартыненко Борис Константинович
кандидат юридических наук,
профессор кафедры общетеоретических
правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
ckvorcov@inbox.ru

ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. Статья посвящена важнейшей проблеме методологии современной теории государства и права. К сожалению, в современной российской теории государства и права всё ещё не оформилось концептуальное учение о правовой ментальности. А ведь этот концепт является краеугольным стержнем для понимания правосознания, правовой культуры и правового воспитания. И эта статья явится подспорьем для уяснения корреляции правового менталитета и правовой культуры.

Ключевые слова: идея, правовой менталитет, правосознание, конструкт, ментальность, правовая жизнь, русская душа, правовое мышление, структура правового менталитета, правовая культура, системный подход.

З а весьма длительное время своего бытия суждение «менталитет» в монографической и научной литературе трактовалось и продолжает трактоваться крайне противоречиво. На наш взгляд, это объяснимо определённой трудностью и универсальностью этого социокультурного феномена. В этой связи, обусловленные критерии, с использованием которых возможно определять анализируемую категорию, видятся нам как довольно сложные для закрепления.

Ksenia B. Volik
Senior Lecturer of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
martinkb@inbox.ru

Georgiy K. Martynenko
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
martynenko.54@list.ru

Boris K. Martynenko
Candidate of Law Sciences,
Professor of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
ckvorcov@inbox.ru

LEGAL MENTALITY AND LEGAL CULTURE

Annotation. The article is devoted to the most important problem of the methodology of the modern theory of state and law. Unfortunately, in the modern Russian theory of state and law, the conceptual doctrine of the legal mentality has not yet taken shape. But this concept is the cornerstone for understanding legal awareness, legal culture and legal education. And this article will help to clarify the correlation of legal mentality and legal culture.

Keywords: idea, legal mentality, legal consciousness, construct, mentality, legal life, Russian soul, legal thinking, structure of legal mentality, legal culture, systematic approach.

Политологический энциклопедический словарь устанавливает «менталитет» как собирательное суждение, в некоторой степени, образно-метафорическое, означающее, в широком смысле, сумму и особую форму организации, неповторимый склад всевозможных психических свойств и качеств, специфики и проявлений [6, с. 175].

Считаем, что конструкт менталитета – это в значительной степени константный феномен. В силу этого, он практически мало зависит от сколь-

нибудь кардинального преобразования. Он выступает как социально-психологическое конструкт.

Менталитет – это фундаментально стабильные поведенческие директивы социального и индивидуальной психики людей. Эти установки материализуются в жизни и практике конгломератов социальных групп и индивидов [2, с. 717], поэтому силовое влияние на него для кардинальной трансформации в сжатые сроки провально. Оно может привести лишь к внешним, неосновательным видоизменениям менталитета, однако, продолжает оставаться его умение к возрождению в старом значении.

Органической частью менталитета выступает правовой менталитет.

В.Л. Дорошенко мыслит, что правовая система любого социума работает как образ жизни, как менталитет. Собственно, в границах менталитета эта система приобретает стабильность. Через менталитет происходит передача правовой культуры социума [3, с. 136].

Люди появляются на свет, воспитываются и живут в условиях права, используют правовой язык, обладая сформировавшимся правовым сознанием. При этом они не знают, да их и не интересует определение права и правопонимание. Как раз, правовой менталитет и выступает базой для уяснения правовой культуры, правосознания и правового поведения. Собственно, в нем таится особенность устоявшегося в данном социуме отношения к праву [1, с. 25].

Особенностью российской правовой матрицы выступает объяснение нравственности как эмоциональной стихии сострадания, что способствовало развитию в России характерного типа правовой культуры. Его основой выступает приоритет морали и нравственности по отношению к праву.

Мы полагаем, что в обязательном порядке следует обратить внимание на важнейшие моменты, обуславливающие правовой менталитет:

1. Он формулирует соответствующий образ уяснения и постижения правовой реальности, что выступает солидной базой правовой культуры.
2. Устанавливает основополагающие границы, как правосознания, так и правовой яви. Он вырабатывает духовную и психологическую базу позитивного права. Это – культурная парадигма правовой действительности.
3. Он предопределяет культурологическую характерность той или иной правовой культуры. Он выступает как основополагающий приём её постижения.
4. Он выступает в качестве «хранителя» правовых основ конкретного социума.
5. Формулирует системно сформированные духовные и интеллектуальные константы. Он определяет креативность всевозможных компонентов правовой системы социума к стабильности,

неизменности во всякое время её развития (в том числе и в переломные эпохи).

6. Гарантирует встраивание человека в правовое бытие конкретного социума.

Системный подход позволяет определить структуру правового менталитета. В него входят правовые принципы, правовые стандарты, ценностно-правовая направленность, правовые директивы.

Эти предписания локализируются на двух ярусах – сознательном (предрасположены к изменению) и бессознательном (малоизменяемы).

В ядре российского правового менталитета сверху формулы «истина – закон – право (правило)», характерной в применении в повседневной жизни европейцев, размещена иная формула: «правда – совесть – справедливость».

Эта формула сосредоточила в себе все основополагающие константы. Россиянин не любит возлагать надежды на «справедливый» суд.

Фетишизация правды, объективности и совести призвано возместить определённую индифферентность к стандартным установлениям и правилам. Это происходит тогда, когда они утратили свою ценность касательно общественной практики. Так воцарялся типичный образ юридической ментальности. Вполне логично, что сложившаяся на этой основе правовая культура обладает доминированием эмотивно-морального оценивания как своих, так и сторонних поступков.

На основании всего вышеизложенного, мы полагаем, что правовой менталитет есть конгломерат осознанных и неосознанных психологических предписаний. Это, по сути, стремление человека мыслить, чувствовать действовать. Это – умение человека осознавать и постигать многообразные сущности конкретным способом. Человек анализирует их как позитивные, так и негативные черты в государственной и правовой областях.

Из этой дефиниции правового менталитета мы можем вывести и его признаки. Полагаем, что признаками правового менталитета являются:

- его принадлежность к области сознания;
- продолжительность диатексиса его морфогенеза, историчность;
- безусловная константность;
- скрытость.

Консервация правового менталитета прямо обуславливается действием в социуме каналов передачи ментального материала. К этим каналам относятся:

- окружающая правовая среда;
- коммуникация с носителями правового менталитета;

- связь поколений людей;
- юридический язык в определённом социуме выступает как форма передачи национальных способов правового духа;
- тексты законов и юридических апокрифов;
- самобытность правового уклада жизни.

Между правосознанием, правовым мировоззрением, правовым мышлением и правовым менталитетом есть неотъемлемая взаимосвязь и близкая аллелопатия. Считаем, что правовой менталитет даёт базу для выработки и проявления правосознания, юридического мировоззрения, правового мышления. Но и те, в свою очередь, служат средствами для имманентной жизни и функционирования правового менталитета [5, с. 18–19].

Как нам представляется, сама сущность анализируемого феномена во многом обуславливает его важность для результативного уяснения гражданами норм права. Результатом выступает их осуществление в отношениях, урегулированных правом. Здесь речь идёт о воздействии на правовую ткань социума продолжительно выработавшихся, преимущественно характерных воззрений. Эти взгляды выражают стабильное, сравнительно ровное чувство к праву. Вследствие этого, это чувство не требует других одобрений его результативности.

По своей сути, правовой менталитет это некая интеллектуальная база. С её помощью правовая культура социума этнически «пульсирует». При этом правовая культура и показывает себя как добротное юридическое состояние.

Складываясь в аналах истории, менталитет обуславливает образец общественного и правового образа действий, надлежущую юридическую культуру.

Правовая ментальность характеризуется неизменностью и консервативностью. В этой связи, отметим, что в бытии правовой культуры это качество выступает в двух ипостасях: прогрессивной и деградационной.

В первой ипостаси, правовой менталитет – это необходимый блюститель правовой регламентированности. Благодаря своей окостенелости, правовой менталитет санкционирует сохранность и увеличение всего самого лучшего, что было в предшествующих национальных и мировых обычаях права.

Вторая ипостась правовой консервативности не всегда формирует правовые ценности, используя опыт новейших социальных явлений.

Именно в общественной коммуникации человек как создание биологическое овладевает и постигает культуру. Всякая новая генерация людей не только бережёт и умножает её, но и делегирует её своему следующему поколению. Это правило выступает базой социализации. Как результат: постижение ценностей, верований, норм, правил

и идеалов – всё это влияет на становление личности человека и регламентирование его поступков.

Лишь отталкиваясь от осознания системообразующего характера правового менталитета, можно уяснить многое. В частности, отчего живут и берегаются установленные традиции права, отчего, когда рушатся, казалось бы, непоколебимые правовые нормы, правовая жизнь социума не прерывается?

Следует отметить, что с методологической точки зрения конструкты правовая ментальность и правовой менталитет отчётливо не разграничены. Зачастую они употребляются как тождественные.

Категории «правосознание», «правовое мировоззрение», «правовое мышление», «правовой менталитет» тесно переплетены, взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Но, здесь следует заметить, что правовой менталитет выступает базисом для развития и выражения правосознания и тесно с ним связанных смежных категорий.

Дефиниции правового менталитета и правовой ментальности служат для установления специфики хода многообразных диалексисов в правовой культуре.

Правовая культура – это один из видов общей культуры. Правовая культура квалифицируется взаимодействием с иными областями культуры. Она выступает как континуум исторически сформированных социумом правовых ценностей, заключающихся в эталонных составляющих культуры. Правовая культура отражает передовое правовое развитие социума.

Правовая культура – это сумма мнений людей о праве, его исполнении, правоприменительной деятельности, образованных в виде знаний, убеждений, норм и установок, принятых социумом.

Многообразие правовой культуры как явления государственно-правовой жизни не есть раз и навсегда установленная константа. Она содержит в себе оригинальность исторической эпохи, некоторых отдельных периодов формирования социума. Правовая культура включает в себе особенность социальных взаимоотношений, существенные тенденции формирования, характеристику ценностей и эталонов, определённых не только степенью её формирования, но целиком и полностью отображающих ментальные референции этого типа общественной устройства [5].

Правовую культуру допускается подвергать анализу в узком и широком смыслах.

Так, в узком смысле под правовой культурой понимают систему взаимоотношений, что установились между людьми и всевозможными организациями как итог их долговременной аллелопатии. Разумеется, такое взаимодействие регулируется правовыми нормами и охраняется государством.

А в широком смысле, к данной дефиниции относятся весь запас юридических знаний, аккумулированный человечеством раньше. Эти знания

применяются людьми в обыденной жизни, как в быту, так и в других областях жизни. Здесь правовая культура выступает базой для законопослушного образа действия людей.

С.С. Алексеев полагает, что правовая культура структурно состоит из правосознания, законности, безупречности законодательства, правовой практики.

А.П. Семитко выделяет несколько иные элементы правовой культуры: правовые тексты, юридическая деятельность, сознание и степень воспитания субъекта права.

Мы полагаем, что это – не исчерпывающая структура правовой культуры. Налицо наличие некоторого элемента субъективности при исследовании данного феномена. Несомненно, такое положение способствует возникновению основы для корреляции исследований и взглядов конкретного ученого.

А.К. Уледов, проводя анализ правовой культуры, особо отмечал, что этим словом отмечают обусловленное состояние социума на конкретном временном отрезке в его формировании [9].

По мнению Ю.А. Рузавина, структура правовой культуры включает в себя правовой менталитет, правовое сознание, правовую деятельность, правовые акты [7].

Солидаризируясь с Н.И. Матузовым и А.В. Малько, мы полагаем, что понятие «правовая культура общества» надлежит трактовать как качественное состояние правовой жизни общества. Это состояние выражается в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности. Это состояние выражается также в степени свободы поведения личности и взаимной ответственности её и государства. В сумме, всё это положительно воздействует на коллективный прогресс и формирование, содействие условиям бытия социума [8].

Суть феномена правовой культуры содержится в знании, пиетете субъектом права правовых норм и следовании их предписаниям. По этому основанию правовая культура во многом перекликается с правосознанием. Всё дело в том, что эти категории, в некоторой степени, базируются на представлении о соответствии или несоответствии тех или других поступков. Кроме этого, в её состав инкорпорируется поведение, отвечающее не только требованиям норм права, но и спрашивающее от любого субъекта права следование норм морали, прав иных граждан и совершение взятых ими на себя обещаний. В силу этого, данное понятие требует от гражданина развития в себе целого ряда позитивных личных свойств. Сюда входят такие качества, как честность, справедливость, совесть.

К структуре рассматриваемого феномена относится целый реестр элементов. Из этих частей и складывается положительное юридическое поведение граждан.

Есть три группы таких компонентов. Это – познавательные (полнота правовой компетентности граждан, степень юридической образованности граждан и т.п.), поведенческие (стабильные формы поведения в рамках правовых норм. Это – будничное, уяснённое соблюдение и исполнение гражданином законов и разнообразных обязанностей. Это и использование им своих привилегий и т.д.), и ценностно-ориентационные (всевозможные юридические установки, затрагивающие готовность гражданина придерживаться требований закона. Это – его стремление сознавать, овладевать, обдумывать юридический материал. Это – его стремление защищать свои законные интересы и др.) компоненты.

Правовую культуру разграничивают на:

- правовую культуру личности;
- правовую культуру социальной группы;
- правовую культуру социума.

В этой связи, следует отметить, что правовая культура выполняет целый ряд важнейших функций: **познавательную, регулятивную, нормативно-ценностную, коммуникативную, прогностическую.**

Существование правовой культуры поддерживает оптимизацию работы правоохранительной системы, помогает устанавливать и развивать аллелопатию между разнообразными группами жителей и сферами общества. Тем самым, предупреждается возможное противостояние между ними.

Высокий уровень правовой культуры непосредственно **оказывает влияние на правоприменительную и правотворческую деятельность**, повышается результативность их деятельности, совершенствуются связи между разнообразными институтами государства.

Вдобавок, правовая культура включает в себя практику юридической коммуникации граждан и представителей власти, зрелость юридической науки, соблюдение прав граждан и целый спектр иных существенных моментов. В структуру правовой культуры входит и правосознание. Однако здесь речь идёт исключительно о выражении её в развитых формах.

Таким образом, правовая культура аккумулирует все ценности, относящиеся к юридической практике человека. Сюда же включаются и правовые отношения между государством и человеком, правовой менталитет жителей, области правопорядка и правоприменения.

Правовая культура человека складывается, в первую очередь, из образования, что человек получает, и типа жизни, который он ведёт. За исключением правовой грамотности, правовая культура человека презюмирует знание и умение использовать право, подчинять свои действия директивам норм права. Аксиоматично, что из правовой культуры каждого человека формируется правовая культура социальных групп и социума, в целом.

Правовая культура человека зависит, в первую очередь, от:

- знания и усвоения права;
- пиетета к праву в силу субъективной позиции;
- искусства употреблять право;
- подчинения своих действий установкам правовых норм.

В канве наших рассуждений следует сопоставить категории «юридический менталитет» и «правовая культура». Можно согласиться с теми немногими авторами, утверждающими, что структурно и, по своей сути, правовая культура и юридический менталитет сопредельны. Аргументировать же их синонимию и совершенное концептуальное тождество пока прежде времени.

Заметим, что относительная «юность» и сравнительная новизна категории «менталитет» позволяет оградить его от бесчисленной смысловой «шелухи». Отсюда и отсутствие полисемичности, а также – хаотичности в использовании. Правовая же культура, наоборот, в российском понимании не лишена возможности обыденного применения. Это довольно часто приводит к приписыванию ей других, ненаучных смыслов: «культурность», «разумность» и т.д. «Непонятный» термин «правовой менталитет», вероятно, избегает такого риска.

В заключении констатируем:

1. Менталитет – это первое, специфическое качество образа действия социального организма которое рождает в дальнейшем и правовую культуру: «В рамках социально-правовой и этнической ментальности складывается характерный только для данного общества, народа, нации, общественной группы людей правоимманентный стиль мышления, «думания», рефлексии; он, по своему, уникален, специфичен, неотделим от социального менталитета... [4].

2. Особенностью российской правовой матрицы выступает объяснение нравственности как эмоциональной стихии сострадания, что

Литература:

1. *Ануфриева Б.А.* Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен / Б.А. Ануфриева, Л.В. Лесная // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 25.
2. Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.; СПб., 1998. С. 717.
3. *Дорошенко В.Л.* Что такое право? / В.Л. Дорошенко // ЭКО. Новосибирск, 2002. № 3. С. 136.
4. *Ибраев Д.Ж.* Правовой менталитет как системообразующий элемент и основа типологии правовых культур / Д.Ж. Ибраев // Вестник Казахстано-Американского Свободного Университета. 2011. URL : <https://articlekz.com/article/32321>

способствовало развитию в России характерного типа правовой культуры. Его основой выступает приоритет морали и нравственности по отношению к праву.

3. В ядре российского правового менталитета сверху формулы «истина – закон – право (правило)», характерной в применении в повседневной жизни европейцев, размещена иная формула: «правда – совесть – справедливость».

Эта формула сосредоточила в себе все основополагающие константы. Россиянин не любит возлагать надежды на «справедливый» суд.

4. Правовая культура – это сумма мнений людей о праве, его исполнения, правоприменительной деятельности, образованных в виде знаний, убеждений, норм и установок, принятых социумом.

5. Суть феномена правовой культуры содержится в знании, пиетете субъектом права правовых норм и следовании их предписаниям. По этому основанию, правовая культура во многом перекликается с правосознанием. Всё дело в том, что эти категории, в некоторой степени, базируются на представлении о соответствии или несоответствии тех или других поступков.

6. Правовая культура аккумулирует все ценности, относящиеся к юридической практике человека. Сюда же включаются и правовые отношения между государством и человеком, правовой менталитет жителей, области правопорядка и правоприменения.

7. Структурно и по своей сути, правовая культура и юридический менталитет сопредельны.

8. Мы вполне обоснованно можем выстроить следующую логическую цепочку: менталитет – правосознание – правовая культура.

И не случайно, сегодня пристальное внимание со стороны теоретиков права уделяется именно осмыслению ментальности и её разновидности – правовому менталитету.

Literature:

1. *Anufrieva B.A.* The Russian mentality as a socio-political and spiritual phenomenon / B.A. Anufrieva, L.V. Lesnaya // Sociopolitical Journal. 1997. № 3. P. 25.
2. Great Encyclopedic Dictionary. 2nd edition, revised and supplemented. M.; SPb., 1998. P. 717.
3. *Doroshenko V.L.* What is law? / V.L. Doroshenko // ECO. Novosibirsk, 2002. № 3. P. 136.
4. *Ibraev D.J.* Legal mentality as a system-forming element and the basis of the typology of legal cultures / D.J. Ibraev // Bulletin of the Kazakh-American Free University. 2011. URL : <https://articlekz.com/article/32321>

5. *Овчиев Р.М.* Правовая культура и российский правовой менталитет : автореф. дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук по спец. 12.00.01. Краснодар, 2006. С. 18–19.

6. Политология: Энциклопедич. Словарь / Под общ. ред. Ю.И. Аверьянова. М., 1993. С. 175.

7. *Рузавин Ю.А.* Проблемы соотношения категорий правового менталитета и правосознания в рамках структуры правовой культуры. URL : <https://naukarus.com/problemy-sootnosheniya-kategoriy-pravovogo-mentaliteta-i-pravosoznaniya-v-ramkah-struktury-pravovoy-kultury>

8. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М. : Юрист, 1997. 712 с.

9. *Туманов В.А.* Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе / В.А. Туманов // Государство и право. 1993. № 8.

5. *Ovchiev R.M.* Legal culture and the Russian legal mentality / R.M. Ovchiev : autoref. dis. ... job seeker. scientific step. candidate of Law in spec. 12.00.01. Krasnodar, 2006. P. 18–19.

6. Political Science: Encyclopedic. Dictionary / Under the general editorship of Yu.I. Averyanov. M., 1993. P. 175.

7. *Ruzavin Yu.A.* Problems of correlation of categories of legal mentality and legal consciousness within the framework of the structure of legal culture. URL : <https://naukarus.com/problemy-sootnosheniya-kategoriy-pravovogo-mentaliteta-i-pravosoznaniya-v-ramkah-struktury-pravovoy-kultury>

8. Theory of state and law. Course of lectures / Edited by N.I. Matuzov, A.V. Malko. M. : Lawyer, 1997. 712 p.

9. *Tumanov V.A.* Legal nihilism in historical and ideological perspective / V.A. Tumanov // State and law. 1993. № 8.

Гармаев Юрий Петрович
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного
процесса, криминалистики
и основ судебной экспертизы,
Красноярский государственный
аграрный университет
garmaeff1@mail.ru

Серета Ольга Викторовна
аспирантка,
ассистент кафедры
уголовного процесса, криминалистики
и основ судебной экспертизы,
Красноярский государственный
аграрный университет
o.v.sereda@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы борьбы с разнородной преступной деятельностью в сфере ЛПК, определяется необходимый терминологический аппарат для формирования соответствующей криминалистической методики. То есть, дается определение понятий «ЛПК» и «преступления в сфере ЛПК», формулируется перечень типичных противоправных деяний, совершающихся в этой сфере и их атрибуты – уголовно-правовые и криминалистические критерии выделения в особую группу. На ряде примеров анализируются успехи и типичные недостатки правоприменительной практики, не позволяющие с максимальной эффективностью выявлять и расследовать совокупность этих общественно опасных посягательств. В результате доказаны тезисы о том, что преступления в сфере лесопромышленного комплекса – это самостоятельный объект криминалистического исследования и надлежащее основание формирования криминалистической методики расследования преступлений в сфере ЛПК.

Ключевые слова: преступления в сфере лесопромышленного комплекса, незаконная рубка, незаконный оборот древесины, контрабанда леса и лесоматериалов, уголовно-правовые критерии выделения группы преступлений, криминалистически значимые критерии выделения группы преступлений.

Леса России занимают около 20 % от общей площади лесов мира, а покрытие лесом

Yuri P. Garmaev
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Criminalistics and Fundamentals
of Forensic Examination,
Krasnoyarsk State Agrarian University
garmaeff1@mail.ru

Olga V. Sereda
Postgraduate Student,
Assistant of the Department
of Criminal Procedure,
Criminalistics and Fundamentals
of Forensic Examination,
Krasnoyarsk State Agrarian University
o.v.sereda@mail.ru

CRIMES IN THE TIMBER INDUSTRY AS AN OBJECT OF FORENSIC RESEARCH

Annotation. The article deals with the topical issues of combating heterogeneous criminal activity in the field of LPC, defines the necessary terminological apparatus for the formation of an appropriate forensic methodology. That is, definitions of the concepts of «LPC» and «crimes in the field of LPC are given», a list of typical illegal acts committed in this area and their attributes – criminal law and criminalistic criteria for allocation to a special group is formulated. Using a variety of examples, the successes and typical shortcomings of law enforcement practice are analyzed, which do not allow identifying and investigating the totality of these socially dangerous encroachments with maximum efficiency. As a result, the theses are proved that crimes in the field of the timber industry are an independent object of forensic research and the proper basis for the formation of a forensic methodology for investigating crimes in the field of LPC.

Keywords: crime in the sphere of the timber industry, illegal logging, illegal timber trafficking, smuggling of timber and timber products, criminal law criteria for the allocation of a group of crimes, criminalistically significant criteria for the allocation of a group of crimes.

территории нашей страны лесом составляет более половины ее площади. Лес является одним

из важных возобновляемых природных ресурсов страны, который активно используется для добычи, в том числе, незаконной. Лесные запасы страны удовлетворяют множественные потребности экономики и общества в лесных ресурсах и продукции лесоперабатывающих предприятий [1]. Согласно данным лесного реестра, запасы древесины оцениваются, порядка, в 80000 млн куб. м. [2]. Не удивительно, что при таких запасах масштаб преступлений, совершаемых в сфере лесопромышленного комплекса (далее – ЛПК), очень значителен как по объему, так и по размеру ущерба для экономики страны и ее экологии.

В последние годы наблюдается резкий рост числа преступлений, посягающих на лесное богатство России. И речь идет не только и не столько о зарегистрированных преступлениях в анализируемой сфере. По мнению отдельных авторов, коэффициент латентности экологических преступлений, к которым в большей мере относятся преступления рассматриваемой категории, необычайно высок и составляет 95–99 % [3].

Как отмечает Н.А. Попова, в ряде регионов России многие десятилетия развивается и процветает нелегальный «лесной» бизнес. По мнению автора, в связи с варварской вырубкой леса, во многих районах России, так называемого, товарного леса почти не осталось. Последствия этой организованной преступной деятельности имеют катастрофические последствия, причем, как экономические, так и экологические и, безусловно, социальные [4]. К этому лишь стоит добавить ничем не оцениваемый, но громадный ущерб, связанный с масштабом криминальной коррупции в сфере ЛПК.

Так, например, следственными органами Красноярского края в 2021 году возбуждено уголовное дело в отношении бывшего руководителя КГБУ «Ачинское лесничество» и КГБУ «Большеулуйское лесничество» гр. Р. Он подозревается в совершении двух эпизодов преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взятки в виде денег, в крупном размере). По версии следствия, в январе 2016 года к руководителю лесничества обратился предприниматель, занимающийся лесозаготовительной деятельностью, с просьбой об отведении деляны с приобретением права рубки лесных насаждений, в связи с чем, у подозреваемого возник преступный умысел, направленный на получение взятки от лесозаготовителя за выполнение законных действий: предоставление права рубки лесных насаждений. Руководитель лесничества предложил лесозаготовителю принять участие в санитарной рубке лесных насаждений в лесосеке, расположенной на территории Ястребовского участкового лесничества КГБУ «Ачинское лесничество» при условии передачи ему 300 тысяч рублей в качестве взятки и оплаты приобретаемого объема древесины в размере более 300 тысяч рублей с внесением денежных средств на счет лесничества. Кроме того, в мае 2016 года подозреваемый получил от этого же лесозаготовителя взятку в сумме 200 тысяч рублей за обеспечение проведения осмотра лесосеки и оформление материала отвода деляны для рубки лесных

насаждений на территории Тарутинского участкового лесничества КГБУ «Ачинское лесничество» для последующего заключения договора купли-продажи лесных насаждений. В настоящее время уголовное дело направлено на рассмотрение в суд [5].

Другой пример. В феврале 2021 следственными органами, по материалам УФСБ России по Республике Хакасия, возбуждено уголовное дело в отношении директора АУ РХ «Леса Хакасии» гр. А и иных неустановленных лиц, подозреваемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере).

По данным следствия, обвиняемый, при реализации схемы незаконного обогащения, получил взятку в виде денег в сумме около 4 миллионов рублей за заключение договоров купли-продажи древесины. По показаниям задержанного, часть полученной суммы предназначалась для последующей передачи другому лицу. В отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, по делу проводятся следственные действия. В настоящее время расследование уголовного дела продолжается [6].

Примеры дают основания предположить, что криминальная коррупция в сфере лесопромышленного комплекса имеет гигантские масштабы. И если экономический вред региону (если таковой причинен) можно рассчитать, исходя из площади и оценки стоимости вырубленной древесины, то вероятный экологический вред оценить очень сложно.

Высокий уровень криминализации сферы ЛПК, проблемы, которые испытывают правоохранительные органы в борьбе с преступной деятельностью, определяют необходимость разработки криминалистической методики расследования и предупреждения преступлений в названной сфере.

Для корректного определения предмета настоящей статьи и последующих научно-прикладных исследований необходимо определить понятие «лесопромышленный комплекс» (далее, ЛПК), и далее – определить преступления, связанные с ним.

Обращаясь к нормативным источникам, легко убедиться в том, что такого понятия, как «ЛПК» не существует. Лесной кодекс Российской Федерации (ЛК РФ) в ч. 1 ст. 12.1 содержит понятие «лесной комплекс», который «представляет собой совокупность видов экономической и иной деятельности, относящихся к лесному хозяйству и лесной промышленности». При этом лесное хозяйство – это виды экономической и иной деятельности по использованию и сохранению лесов, а также – по лесоустройству и управлению в области лесных отношений [7].

Содержит ЛК РФ и такое понятие, как «лесная промышленность». Согласно ч. 3 ст. 12.1, это совокупность отраслей промышленности, связанных с заготовкой, вывозом из леса и хранением

древесины, первичной и последующей обработкой древесины, производством продукции переработки древесины на объектах лесоперерабатывающей инфраструктуры.

Нам не удалось найти определений ЛПК в криминалистической научной литературе. В целом, создается впечатление, что авторы не утруждают себя формированием точной дефиниции, вероятно считая соответствующую сферу уже по своему наименованию вполне самоочевидной.

Например, авторы методических рекомендаций «Особенности квалификации и расследования контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов – лесоматериалов (ст. 226.1 УК РФ)» Е.Е. Космодемьянская, А.Р. Акиев, Н.Г. Прейс и Д.Ю. Фисенко формулируют уголовно-правовую и криминалистическую характеристику «преступлений в сфере ЛПК», дают (но не раскрывают) краткий перечень статей УК РФ, входящих в структуру этой общности, но самого понятия «преступления в сфере ЛПК» не приводят [8].

Говоря о смежных категориях, можно отметить, что Е.В. Шелеметьева упоминает о «преступлениях в сфере лесопользования» и, как и большинство авторов, подразумевает под ними в основном деяния, указанные в ст. 260 УК РФ – незаконная рубка лесных насаждений [9]. Думается, что такой – узкий подход к определению предметной области, не только научного исследования, но и любого реального расследования уголовного дела, мягко говоря, не эффективен, а потому неприемлем.

М.А. Васильева, и много других авторов, упоминает лишь преступления, связанные с незаконной рубкой лесных насаждений, что представляется также слишком узким в контексте настоящего исследования. Указанный автор включает эти деяния в более широкую группу – преступления, связанные с изъятием природных ресурсов и многократно упоминает особую общественную опасность организованной, транснациональной и коррупционной преступной деятельности в этой сфере [10]. О «лесной преступности» говорит А.Г. Анисимов, Д.М. Никеров и иные ученые криминологи [11]. Я.Б. Дицевич, О.А. Белых и Г.Д. Русецкая обозначают данную сферу преступлений сферой лесопользования [12]. При этом И.Н. Дорофеев, А.М. Эпов [13], А.В. Вардянян, С.В. Унжакова, С.П. Грибунов [14] и некоторые другие ученые-криминологи также используют в своих работах термин «ЛПК», не раскрывая его определения.

В своей работе, Е.Е. Космодемьянская и Н.Г. Прейс перечисляют составы преступлений в сфере ЛПК. По мнению авторов, этот перечень представлен набором следующих видов преступных посягательств: приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 191.1 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ), нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ). Сюда

же авторы включают ряд составов преступлений экономической и иной направленности. Например, уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), контрабанда леса как одного из видов стратегически важных ресурсов (ст. 226.1 УК РФ) [15].

Верно подмеченная авторами разнородность и широкий спектр анализируемых преступлений, а также – наши исследования подтверждают гипотезу о том, что основанием для формирования частной криминалистической методики расследования и предупреждения преступлений в сфере ЛПК являются преступления, предусмотренные не только главой 26 УК РФ, а более широкая группа общественно-опасных деяний, которые следует выделить и классифицировать по двум критериям: уголовно-правовому и криминалистическому.

1. По уголовно-правовому критерию:

1.1 Составы преступлений, предусмотренные ст. 191.1, 259, 260, 261, 262, УК РФ, иные составы экологических преступлений, среди которых незаконную рубку ст. 260 УК РФ и деяния, предусмотренные ст. 191.1 УК РФ, следует поименовать «основными» в силу их максимальной распространенности согласно статистике и реальной криминальной практике;

1.2 Коррупционные и должностные преступления (ст. 159 ч. 3, ст. 160 ч. 3, 201, 204–204.2, 285, 291–291.2, 293 УК РФ и др.)

1.3 Иные сопутствующие преступления: контрабанда стратегически важных товаров (ст. 226.1 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных и налоговых платежей (194, 198–199.4 УК РФ), легализация («отмывание») денег и приобретение, сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 174, 174.1, 175 УК РФ), хищения (ст. 159–160 УК РФ и др.), незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), подделка официальных документов (ч. 1 ст. 327 УК РФ), использование заведомо подложных документов (ч. 3 ст. 327 УК РФ) и другие.

Отметим, что выделение, помимо «основных» преступлений в сфере ЛПК, дополнительных групп разнородных преступлений критически важно. Дело в том, что одной из наиболее серьезных проблем раскрытия и расследования анализируемых преступлений является, зачастую, мало чем обоснованная заикленность сотрудников правоохранительных органов на наиболее простых, не представляющих криминалистической сложности преступных посягательств, квалифицируемых по ч. 1 и 2 ст. 260 УК РФ – незаконная рубка лесных насаждений.

Так, исследование показало, что следователи редко проверяют версии о криминально-коррупционных причинах того, что продолжительные по времени незаконные рубки леса долгое время остаются безнаказанными, при том, что оперативно-профилактические мероприятия в регионах проводятся очень часто и масштабно [16]. Одна из причин заключается в том, что методики

расследования незаконных рубок и иных преступлений в сфере ЛПК не предлагают соответствующих элементов криминалистической характеристики, типовых версий и средств их проверки.

К примеру, в январе 2021 года был вынесен приговор по уголовному делу в отношении бывшего руководителя Ачинского и Большеулуйского лесничества, бывшего депутата Ачинского районного Совета депутатов Красноярского края гр. Т, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений в особо крупном размере, совершенная лицом с использованием служебного положения).

Следствием и судом установлено, что подсудимый в конце 2017 года – начале 2018 года организовал рубку лесных насаждений на территории Южно-Кытатского участкового лесничества Большеулуйского района Красноярского края. Его действиями причинен ущерб Российской Федерации в размере 7,2 млн рублей.

В ходе предварительного следствия обвиняемый полностью признал вину в инкриминируемом ему деянии и добровольно возместил часть причиненного ущерба.

Большеулуйским районным судом ему назначено наказание в виде одного года лишения свободы с лишением права в течение двух лет занимать должности, связанные с организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями на государственной службе и в органах местного самоуправления [17].

Приговор был постановлен без проведения судебного разбирательства, в особом порядке, согласно ст. 314 УПК РФ, поэтому судом не давалась оценка доказательствам о том, что лица, задействованные в непосредственной рубке деревьев, не были осведомлены о незаконности действий гр. Т., как это следует из текста приговора. Также, нет ясности, исследовались ли возможные преступные связи гр. Т. с сотрудниками лесничества на предмет вероятных коррупционных преступлений или, быть может, сокрытия следов незаконной рубки. Вероятно, эти две версии не проверялись не только судом (в силу требований ст. 314 УПК РФ), но и следствием. И такого рода ситуация – не исключение, а скорее, правило.

Однако позитивные примеры проверки версий о коррупции, связанной с длительным сокрытием ряда предполагаемых преступлений, предусмотренных ст. 191.1, 260 УК РФ, в практике имеются. Так, по уголовному делу в отношении заместителя начальника одного из отделов полиции Красноярского края, гр. А., получавшим взятки от представителей бизнеса за содействие в беспрепятственном провозе незаконно заготовленной древесины, а также, за предоставление информации о планируемых правоохранительными органами мероприятиях по выявлению и документированию незаконной вырубке леса, имела место следующая следственная ситуация. Полицейский задержан сотрудниками УФСБ в момент получения взятки от местного предпринимателя. Судом

гр. А. признан виновным в получении взятки за незаконные действия (ч. 3 ст. 290 УК РФ), ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года с отбыванием в колонии общего режима, со штрафом в размере пятикратной суммы взятки в сумме 200000 (двести тысяч) рублей с лишением права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти или с выполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий на срок 2 года [18]. Изучение уголовного дела не дало возможности установить, почему обвиняемому не было вменено соучастие в преступлениях, предусмотренных ст. 191.1, 260 УК РФ. К сожалению, исследование показало, что это, опять-таки, типичная «особенность», а точнее – недостаток расследования подавляющего большинства преступлений в сфере ЛПК.

Перейдем к анализу криминалистически значимых критериев выделения анализируемой группы преступлений.

2. Криминалистически значимые критерии выделения общности преступлений в сфере ЛПК представляются следующими:

2.1 Особые предметы преступного посягательства, преимущественно, крупный и особо крупный размер их совершения;

2.2 Особая сфера экономической деятельности – лесопромышленный комплекс;

2.3 Преимущественно, корыстный мотив преступной деятельности.

2.4 Преимущественно, организованный характер преступной деятельности, часто с коррупционной составляющей.

Рассмотрим лишь некоторые эти критерии, оставив остальные для подробного изучения в рамках криминалистической характеристики.

Предметы преступных посягательств в сфере ЛПК.

Согласно положениям постановления Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923 [19], к предмету контрабанды, предусмотренному ст. 226.1 УК РФ, как стратегически важные ресурсы, относятся лесоматериалы. В соответствии с кодом ТН ВЭД ЕЭС от 16 июля 2012 г. № 54 [20] предметами контрабанды могут быть признаны как необработанные лесоматериалы (т.е. деревья целиком, с удалённой или не удалённой корой), так и обработанные различными способами лесоматериалы (путём распила, строгания, шлифования и др.): брёвна, сваи, колья, столбы, шпон и пр. Кроме того, в перечень предметов преступлений включены топливная древесина в виде поленьев, ветвей, хвороста, гранул, брикетов и т.п., а также – листы для облицовки, изготовленные из лесоматериалов различными способами [21].

Например, в производстве СУ Сибирского ЛУ МВД России находилось такое уголовное дело по

факту контрабанды лесной продукции: гр. М. предоставил специалисту по таможенным операциям гр. А., не осведомленной о преступных намерениях гр. М., сведения и документы, предусмотренные ч. 2 ст. 181, ч. 1 ст. 183 Таможенного кодекса Таможенного союза, содержащие недостоверные сведения о внешнеэкономической сделке и ее основных условиях, и другие сведения, необходимые для таможенных целей. В том числе, для оформления и подачи в таможенный орган деклараций на пиломатериалы из хвойных пород, общей рыночной стоимостью 1429015 рублей. Указанные лесоматериалы были вывезены через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. В результате умышленных преступных действий гр. М., общая стоимость незаконно перемещенных через таможенную границу стратегически важных ресурсов путем недостоверного декларирования, т.е., с нарушением п. 19 ч. 1 ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза, составила 1429015 рублей, что является крупным размером. Таким образом, своими умышленными действиями гр. М. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 226.1 УК РФ – контрабанду, т.е., незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных ресурсов в крупном размере» [22].

Разумеется, преступления в сфере ЛПК не ограничиваются составами контрабанды лесоматериалов. Однако думается, что приведенный перечень охватывает все виды продукции ЛПК, то есть, все или почти все разновидности [23] предметов преступной деятельности в этой сфере.

Преимущественно, высокоорганизованный характер преступной деятельности, с коррупционной составляющей. Изучение уголовных дел, а более того – опрос респондентов, наглядно показал, что большинство совершаемых в этой сфере преступлений, не в соответствии с данными официальной статистики, а с учетом реальной криминальной практики, совершается в организованных формах (ОПГ и ОПС), в крупных и особо крупных размерах, и, в этой связи, редко обходятся без сопутствующих коррупционных и должностных преступлений.

Например, изучение Официального сайта Главного следственного управления Следственного

комитета Российской Федерации, наглядно иллюстрирует, что преступления в ЛПК очень часто совершаются соучастием со стороны должностных лиц – лесничих, руководителей лесничеств, депутатов, руководителей сельсоветов [24].

Именно поэтому, как отмечали почти все опрошенные респонденты, задачи, которые ставятся перед правоохранительными органами в рамках проведения таких оперативно-профилактических мероприятий (а по существу – тактических операций), как «Лесовоз», «Колея», «Лес» всегда включают раскрытие фактов коррупции в сфере ЛПК, «отмывания денег», изобличение организованных преступных формирований, а также – преступлений, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу лесоматериалов (контрабанда, уклонение от уплаты таможенных платежей и т.п.).

Подводя предварительные итоги, предлагаем, в целях конкретизации составов преступлений в сфере ЛПК, следует принять следующие:

- «основные» – ст. 191.1, 260 УК РФ;
- сопутствующие;
- экологические: ст. 259, 261, 262, УК РФ;
- коррупционные и должностные преступления: ст. 285, 291–291.2, 293 УК РФ и др.;
- иные сопутствующие: ст. 159–160, 171, 174, 174.1, 175, 194, 198–199.4, 204–204.2, 226.1, ч. 1 ст. 327, ч. 3 ст. 327, УК РФ.

Полагаем, что, таким образом, преступления в сфере ЛПК являются самостоятельным объектом криминалистического исследования, учитывающим особые предметы преступного посягательства, преимущественно крупный и особо крупный размер их совершения, сферу деятельности, в которой совершаются преступления (лесопромышленный комплекс), особенности мотива преступления (преимущественно корыстный) и высокоорганизованный характер преступной деятельности. Разработка криминалистической методики указанной укрупненной группы преступлений, по нашему мнению, станет адекватным ответом на современные вызовы и угрозы в области ЛПК и экологической безопасности России.

Литература:

1. Распоряжения Правительства РФ от 11.02.2021 № 312-р. «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Данные государственного лесного реестра. URL : <http://www.rosleshoz.gov.ru> (дата обращения 20.05.2022).
3. Сумачев А.В. К вопросу о целесообразности криминализации (декриминализации) экологических правонарушений / А.В. Сумачев // Криминалист. 2022. № 2(39). С. 83–88; Королева М.В.

Literature:

1. Orders of the Government of the Russian Federation of 11.02.2021 № 312-R. «On approval of the Strategy for the development of the forest complex of the Russian Federation until 2030» // SPS «ConsultantPlus».
2. Data of the state forest register. URL : <http://www.rosleshoz.gov.ru> (date of the application 05/20/2022).
3. Sumachev A.V. On the question of the expediency of criminalization (decriminalization) of environmental offenses / A.V. Sumachev // Criminalist. 2022. № 2(39). P. 83–88; Koroleva M.V. The state of

Состояние законности и проблемы обеспечения экологической безопасности / М.В. Королева; Редкол.: О.П. Бедный [и др.]. // Экологическая безопасность России: проблемы правоприменительной практики: сб. науч. тр. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 265–274.

4. *Попова Н.А.* Особенности расследования преступлений, совершаемых в лесопромышленном комплексе / Н.А. Попова // *Аграрное и земельное право.* 2020. № 5(185). С. 124–125.

5. В Красноярском крае бывший руководитель Ачинского и Большеулуйского лесничеств подозревается в получении взятки в крупном размере. Официальный сайт Гласного Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/item/1625230> (дата доступа 20.07.2022).

6. В Республике Хакасия возбуждено уголовное дело в отношении директора автономного учреждения РХ «Леса Хакасии», подозреваемого в получении взятки в особо крупном размере. Официальный сайт Гласного Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/item/1539613> (дата доступа 20.07.2022).

7. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (доступ 31.05.2022).

8. *Космодемьянская Е.Е.* Особенности квалификации и расследования контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов – лесоматериалов (ст. 226.1 УК РФ) / Е.Е. Космодемьянская, А.Р. Акиев, Н.Г. Прейс [и др.]. Красноярск : СибУОИ МВД России, 2021. 68 с.

9. *Шелеметьева Е.В.* Некоторые проблемы квалификации преступлений в сфере лесопользования / Е.В. Шелеметьева // *Актуальные проблемы науки и практики : сборник научных трудов.* Хабаровск : Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 461–467.

10. *Васильева М.А.* Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений : дис. ... д-р. юрид. наук. М., 2022. 519 с.

11. *Анисимов А.Г.* Преступность в сфере лесопромышленного комплекса (на примере Иркутской области) / А.Г. Анисимов, Д.М. Никеров // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2021. Т. 12. № 3. С. 643–659.

12. *Дицевич Я.Б.* Противодействие преступности в сфере лесопользования: проблемы и перспективы / Я.Б. Дицевич, О.А. Белых, Г.Д. Русецкая // *Всероссийский криминологический журнал.* 2017. Т. 11. № 2. С. 308–317.

legality and problems of ensuring environmental safety / M.V. Koroleva; Ed. board: O.P. Bedny [et al.]. // *Ecological safety of Russia: problems of law enforcement practice: collection of scientific tr.* SPb. : Legal Center Press, 2003. P. 265–274.

4. *Popova N.A.* Features of the investigation of crimes committed in the timber industry / N.A. Popova // *Agrarian and Land law.* 2020. № 5(185). P. 124–125.

5. In the Krasnoyarsk Territory, the former head of the Achinsk and Bolsheului forest districts is suspected of receiving a large-scale bribe. Official website of the Public Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/item/1625230> (date of the application 20.07.2022).

6. In the Republic of Khakassia, a criminal case has been initiated against the director of the autonomous institution of the Republic of Khakassia «Forests of Khakassia», suspected of receiving a bribe on a particularly large scale. Official website of the Public Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/item/1539613> (date of the application 20.07.2022).

7. The Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006 № 200-FZ (as amended on 30.12.2021) (with amendments and additions, intro. effective from 01.03.2022) // SPS «ConsultantPlus» (date of the application 31.05.2022).

8. *Kosmodemyanskaya E.E.* Features of qualification and investigation of smuggling of strategically important goods and resources – timber (Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) / E.E. Kosmodemyanskaya, A.R. Akiev, N.G. Preis [et al.]. Krasnoyarsk : SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 68 p.

9. *Shelemetyeva E.V.* Some problems of qualification of crimes in the field of forest management / E.V. Shelemetyeva // *Actual problems of science and practice : a collection of scientific papers.* Khabarovsk : Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. P. 461–467.

10. *Vasilyeva M.A.* Conceptual foundations of the methodology of investigation of environmental crimes : dis. ... dr. yurid. sciences. M., 2022. 519 p.

11. *Anisimov A.G.* Crime in the sphere of the timber industry complex (on the example of the Irkutsk region) / A.G. Anisimov, D.M. Nikerov // *Bulletin of the St. Petersburg University. Pravo.* 2021. Vol. 12. № 3. P. 643–659.

12. *Dicevich Ya.B.* Countering crime in the field of forest management: problems and prospects / Ya.B. Dicevich, O.A. Belykh, G.D. Rusetskaya // *All-Russian Journal of Criminology.* 2017. Vol. 11. № 2. P. 308–317.

13. *Дорофеев И.Н.* Теневые аспекты российско-китайских экономических отношений в сфере лесопромышленного комплекса / И.Н. Дорофеев, А.М. Эпов // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 3. С. 149–156.
13. *Dorofeev I.N.* Shadow aspects of Russian-Chinese Economic relations in the sphere of the timber industry / I.N. Dorofeev, A.M. Eпов // Terra Economicus. 2009. Vol. 7. № 3. P. 149–156.
14. *Варданян А.В.* Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 191.1 УК РФ / А.В. Варданян, С.В. Унжакова, С.П. Грибунов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3(86). С. 155–160.
14. *Vardanyan A.V.* Investigative situations arising at the initial stage of the investigation of crimes under Article 191.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / A.V. Vardanyan, S.V. Unzhakova, S.P. Gribunov // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3(86). P. 155–160.
15. *Космодемьянская Е.Е.* К вопросу об особенностях расследования преступлений в сфере лесопромышленного комплекса (по материалам следственной практики) / Е.Е. Космодемьянская, Н.Г. Прейс // Сборник материалов криминалистических чтений. 2020. № 17. С. 32–34.
15. *Kosmodemyanskaya E.E.* On the question of the specifics of the investigation of crimes in the timber industry (based on the materials of investigative practice) / E.E. Kosmodemyanskaya, N.G. Preis // Collection of materials of forensic readings. 2020. № 17. P. 32–34.
16. *Иванов П.И.* Об опыте проведения оперативно-профилактических мероприятий «Лесовоз – 2014» (по материалам УТ МВД России по ДФО) / П.И. Иванов, П.Г. Кузнецов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 110–115.
16. *Ivanov P.I.* On the experience of carrying out operational and preventive measures «Lesovoz – 2014» (based on the materials of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Far Eastern Federal District) / P.I. Ivanov, P.G. Kuznetsov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2(20). P. 110–115.
17. В Красноярском крае бывший депутат Ачинского Совета депутатов признан виновным в незаконной рубке леса. Официальный сайт Главного Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/item/1432401>
17. In the Krasnoyarsk Territory, a former deputy of the Achinsk Council of Deputies was found guilty of illegal logging. The official website of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/item/1432401>
18. В Красноярском крае бывший заместитель начальника полиции МО МВД России «Казачинский» признан виновным в получении взятки. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/item/1259950> (дата доступа 20.07.2022)., Приговор № 1-44/2018 от 27 сентября 2018 г. по делу № 1-44/2018. URL : <https://sudact.ru/>(дата доступа 20.07.2022).
18. In the Krasnoyarsk Territory, the former deputy police chief of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Kazachinsky» was found guilty of taking a bribe. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/item/1259950> (date of the application 20.07.2022)., Verdict № 1-44/2018 of September 27, 2018 in case № 1-44/2018. URL : <https://sudact.ru/> (date of the application 20.07.2022).
19. Постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 (ред. от 26.04.2022) «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Resolution of the Government of the Russian Federation of 13.09.2012 № 923 (ed. of 26.04.2022) «On approval of the list of strategically important goods and resources for the purposes of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as on determining the types of strategically important goods and resources for which a large amount is recognized as a value exceeding 100 thousand rubles» // SPS «ConsultantPlus».
20. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012 № 54 (ред. от 14.07.2021) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза». Кратко – ТН ВЭД ЕАЭС, коды 4401, 4403, 404, 4407, 4408 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 16.07.2012 № 54 (ed. of 14.07.2021) «On the approval of the Unified Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union and the Single Customs Tariff of the Eurasian Economic Union». Briefly – Customs Code of the EAEU, codes 4401, 4403, 404, 4407, 4408 // SPS «ConsultantPlus».
21. Цит. по: *Акиев А.Р.* Особенности уголовно-правовой оценки объективных признаков контрабанды лесоматериалов (ст. 226.1 УК РФ) /
21. Cit. according to: *Akiev A.R.* Features of the criminal-legal assessment of objective signs of timber smuggling (Article 226.1 of the Criminal Code of the

А.Р. Акиев, Д.Ю. Фисенко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 62–72.

22. Цит. по: *Космодемьянская Е.Е.* Особенности квалификации и расследования контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов – лесоматериалов (ст. 226.1 УК РФ) / Е.Е. Космодемьянская, А.Р. Акиев, Н.Г. Прейс [и др.]. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2021. 68 с.

23. *Романов В.В.* Современное состояние и перспективы развития лесопромышленного комплекса / В.Р. Владимир // РППЭ. 2013. № 2(36). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-lesopromyshlennogo-kompleksa> (дата обращения 24.07.2022).

24. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/> (дата доступа 20.07.2022).

Russian Federation) / A.R. Akiev, D.Y. Fisenko // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4(88). P. 62–72.

22. Cit. according to: *Kosmodemyanskaya E.E.* Features of qualification and investigation of smuggling of strategically important goods and resources – timber (Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) / E.E. Kosmodemyanskaya, A.R. Akiev, N.G. Preis [et al.]. Krasnoyarsk : SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 68 p.

23. *Romanov V.V.* The current state and prospects of development of the timber industry complex / V.R. Vladimir // RPE. 2013. № 2(36). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-lesopromyshlennogo-kompleksa> (date of the application 07/24/2022).

24. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL : <https://krk.sledcom.ru/news/> (date of the application 20.07.2022).

Гулиев Шамиль Ахмед оглы
магистр юриспруденции,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
shiatunnabi313@gmail.com

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ЕС В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Аннотация. С первых дней специальной военной операции на Украине, начался массовый исход Европейского бизнеса из России. Ни китайское импортозамещение, ни так называемый, параллельный импорт пока не отработаны. Не была учтена степень сочувствия и поддержки Украине в Западном обществе. В ЕС общественная поддержка порождает запрос к политикам, которые вынуждены на нее реагировать и этот процесс необратим. Объемы согласованной помощи измеряются десятками миллиардов долларов, сопротивление Венгрии преодолевается, а новые пакеты санкций против России все равно будут вводиться пусть и медленнее, чем могли бы. Даже с существующими санкциями проблемы придут через некоторое время: российское заводы, электростанции, IT-сектор, транспорт, все это нуждается в иностранных комплектующих и иностранных технологиях. В то же время, для Европы не так актуален вопрос о том, нужно ли усиливать давление на Россию, ЕС более озабочено тем, как смягчить удар по своей экономике.

Ключевые слова: международное право, Шенгенский кодекс, санкции, Европейские союз, специальная военная операция, энергетика.

Специальная военная операция России на Украине идет уже более полугодя, почти столько же действуют санкции, введенные Коллективным Западом против России. Эксперты предполагали, что санкции смогут обрушить экономику России за 2–3 месяца и заставить Россию прекратить военные действия, однако этого не произошло.

По этой причине многие россияне уже «поставили крест» на санкциях и считают их неэффективными. Официальные российские СМИ сообщают, что план ЕС провалился и российская экономика выдержала этот тяжёлый удар.

В свою очередь, уместно проанализировать доклад «адаптации к движущейся мишени» Института международных финансов. Имеет смысл

Shamil A. Guliyev
Master of Jurisprudence,
Moscow State Institute
International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
shiatunnabi313@gmail.com

LEGAL ASSESSMENT OF EU RESTRICTIVE MEASURES AGAINST RUSSIA

Annotation. From the first days of the special military operation in Ukraine, a massive exodus of European business from Russia began. Neither Chinese import substitution nor the so-called parallel imports are working yet. The degree of sympathy and support for Ukraine in Western society was not taken into account. In the EU, public support generates a demand for politicians who are forced to respond to it, and this process is irreversible. The volume of agreed assistance is measured in tens of billions of dollars, and the resistance of Hungary will be overcome, and new packages of sanctions against Russia will still be introduced, albeit more slowly than they could. Even with the existing sanctions, problems will come after some time: Russian factories, power plants, IT-sector, transport, all this needs foreign components and foreign technologies. At the same time, the question of whether it is necessary to increase pressure on Russia is not so relevant for Europe, the EU is more concerned about how to soften the blow to its economy.

Keywords: international law, Schengen Code, sanctions, European Union, special military operation, energy.

детально разобрать доклад, чтобы понять, как на санкции смотрят те, кто их вводит и каких санкций можно ожидать в будущем.

Позиция «раз военная операция не закончена, значит, санкции неэффективны», выглядит очевидной, но она неверная. Никакие экономические санкции не способны в одночасье остановить военную кампанию. И авторы вышеупомянутого доклада сразу подчеркивают, что цель санкций далеко не в этом. Безусловно, Соединённые Штаты и Европа хотят, чтобы военная операция на Украине закончилась как можно скорее, но санкции работают не на это. Санкции нужны, чтобы уничтожить весь экономический рост России за последние минимум 15 лет и таким образом сделать продолжение военной операции невозможно дорогим.

Анализируя, чем России грозят последствия уже введенных санкций, исследователи Института международных финансов прогнозируют падение экономики России в 2022 году, которая составит не менее 15 % [1; 5].

15 % это огромные показатели для страны. Для сравнения ВВП Соединенных Штатов за весь кризис 2007–2009 годов сократился на 4,6 %. И это был шок, от которого Америка отходила 6 лет. А сейчас России предвещают падение на 15 % только за один год, причём это минимальное значение. Ещё, по прогнозам экономистов, не меньше, чем на 3 % упадет экономика России за 2023 год. То есть двух лет под текущими санкциями хватит, чтобы убить все остатки российского экономического роста [2].

Непонятно, какие отрасли промышленности останутся целиком, а какие всё-таки смогут сыграть в импортозамещение на какое то время и поменяют западные комплектующие на китайские или на свои отечественные. Покупательская способность, по оценке экспертов, упадёт за год на 18 %. Вроде кажется, будто цифры не смертельные, типа ещё же целых 82 % останется, но стоит учитывать, что покупательная способность падала все последние 8 лет, и что в скором времени половина страны просто будет не способна на любые покупки дороже самых базовых продуктов [2].

Еще важное следствие санкций – отсутствие доступа страны, к каким-либо инвестициям. По расчетам ЕС, если специальная военная операция продолжится, то будет расти дефицит бюджета России, а занимать будет негде. Европейский рынок закрыт, внутренний сам чуть не при смерти, а китайские компании инвестировать в российскую экономику не захотят, потому что не захотят вторичных санкций. На это и рассчитывали Соединённые Штаты и Европа, когда вводили первые пакеты санкций [6; 7].

Однако на западе не предвидели, например, что банковский сектор России останется на плаву. Если считать по суммарным активам, то под санкции попали 65 % российской банковской сферы. 40 % всех денег Центрального банка были заморожены, а запасы золота в деньги быстро не превести. И все ожидали крушения, но несмотря на все это, финансовая система России не рухнула. Аналитики из Института международных финансов вынуждены констатировать, что ЦБ повел себя грамотно и спас банки от коллапса. Ликвидность российской банковской системы сначала упала, а потом вернулась к довоенным показателям, а ликвидность банков это очень важный индикатор. Если она падает слишком сильно, банки не смогут вернуть вкладчикам их деньги, не смогут осуществлять кредитование, и тогда вся финансовая система просто разрушится. И то, что ЦБ смог относительно быстро спасти российские банки, было для Запада неожиданностью. Правда, непонятно, сколько финансовая система ещё продержится, когда вся экономика падает рекордными темпами, а затраты растут [3].

Главный вопрос в Европе, как лишить Россию денег за газ и нефть так, чтобы не ввести в кризис

себя. Поэтому европейским лидерам приходится балансировать, во избежание коллапса собственной экономики. Отказ от российской нефти повлияет на экономику гораздо сильнее. Нефть и нефтепродукты принесли России в сумме 180 миллиардов в прошлом году. В следующем году, когда эмбарго вступит в силу, Россия их не получит. Уже до конца этого года экспорт нефти упадёт на 85 %. Это огромные потери для страны, ведущую военную операцию. Основной эффект от этих решений Россия почувствует в 2023 и 2024 году. Ключевой вопрос здесь, заключается в том, может ли Россия эту нефть куда то перенаправить, например, в Китай. Только вот пропускной способности трубопроводов Китая не хватает. И через Балтийское море, как в Европу нефть в Китай ввести не получится – это неадекватно дорого. А тут ещё и китайцы приняли концепцию, по которой они не могут зависеть от одного поставщика нефти больше, чем на 15 %. Тоже, видимо, не хотят в будущем сложные дилеммы решить. Россия в этот лимит как раз уперлась ещё год назад. Еще один вариант – Индия. Туда Россия нефть поставляет мало – есть куда расти, но нет трубопровода и нет инфраструктуры для доставки морем, а строить всё это очень дорого, долго и сложно, а особенно это всё сложно и дорого без иностранных комплектующих [4].

Самый трудный вопрос сложился с российским газом. С одной стороны, Россия получает за него больше всего денег и перенаправить газ России некуда - труб нет. А ведь именно трубопроводы приносят России 90% денег. С другой стороны, ЕС никак не может согласовать между собой план эмбарго по газу так, чтобы не навредить самим себе.

Часть Европейских стран уже сокращает закупки и налаживает альтернативные поставки газа, снижает свою зависимость от России. Здесь важно понимать, эти рынки уходит от России навсегда. Второй раз никто не захочет попадать в заложники, к тому же поставщику, даже если этот поставщик поменяет форму правления.

Важно подчеркнуть, что без иностранных технологий и инвестиций через несколько лет никакие санкции российской нефтяной отрасли будут уже не нужны – она сама встанет просто от того, что нельзя будет произвести модернизацию и разрабатывать новые месторождения. Тем не менее, вывод из доклада Института международных финансов указывает на то, что сокращение закупок для остановки специальной военной операции недостаточно. Для доклада Института международных финансов это показатель того, как западные финансисты смотрят на санкции против России. Смотрят они на них как на нерешённую ещё пока задачу.

Важно также отметить, что в начале августа 2022 г. президент Украины призвал страны Запада закрыть для россиян возможность въезда на свою территорию. Практически одновременно с предложением прекратить выдачу виз российским гражданам на уровне ЕС выступили премьер-министр Эстонии и ряд политиков Литвы, Латвии и Финляндии. Еще раньше идею о прекращении

выдачи виз россиянам высказывали власти Польши.

Что касается решения о запрете въезда гражданам России на свою территорию, то данное решение прямо противоречит нормам законодательства ЕС. В соответствии со статьей 6 Шенгенского кодекса о границах установлены условия для въезда на территорию Шенгенского пространства иностранных граждан (наличие проездного документа (паспорта), визы, обоснование цели поездки, отсутствие запроса по каналам Шенгенской информационной системы и отсутствие данных считать то, что иностранец представляет угрозу общественному порядку, внутренней безопасности, общественному здоровью и международным отношениям). В случае если иностранец соответствует всем условиям въезда, то у сотрудника пограничной службы нет оснований запретить въезд такому лицу. Указанная норма имеет прямое действие, и власти всех государств Европейского союза обязаны ее соблюдать. Более того, в силу статьи 4 Шенгенского кодекса о границах все решения по применению данного

Литература:

1. *Клинова М.* Россия -Евросоюз: продолжение санкционного противостояния / М. Клинова, Е. Сидорова // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 114–127.
2. *Гринберг Р.С.* Старая модель исчерпана. Куда движется мир? / Р.С. Гринберг, А.В. Бузгалин // Россия и современный мир. 2022. № 2. С. 30–43.
3. *Саргсян А.М.* Европейские санкции: от национальных до коллективных / А.М. Саргсян // Современная Европа. 2022. № 3.
4. *Войников В.В.* Ограничительные меры ЕС в отношении России: правовая природа и проблема имплементации / В.В. Войников // Балтийский регион. 2022. № 1. С. 89–100.
5. *Рассолова И.Ю.* Оценка регулирующего воздействия как необходимый элемент экономической и социальной политики современного государства / И.Ю. Рассолова, Р.З. Мударисов, Ф.М. Гарипова // Дискуссия. 2022. № 1(110). С. 32–38.
6. *Трунов И.Л.* Санкции США и Европейского союза с позиции верховенства права / И.Л. Трунов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6 (169). С. 37–41.
7. *Чугунов Д.К.* Инициативы по снижению роли газа в энергетической политике ЕС / Д.К. Чугунов, А.В. Кузык, П.П. Танев. Инициативы по снижению роли газа в энергетической политике ЕС // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 56–58.

кодекса должны приниматься на индивидуальной основе.

Таким образом, доклад, который был рассмотрен в данной статье, называется «адаптация движущейся мишени» – как раз потому он так называется, что Владимир Путин постоянно поднимает ставки и смещает цель санкций. Ни в Европе, ни в Америке не были готовы к такому подходу. Западные лидеры вынуждены постоянно подниматься по лестнице эскалации санкционной политики в поисках точки, при которой Россия не сможет продолжать специальную военную операцию, но не находит ее. Пока эти точки не нащупали, поэтому Европейские лидеры намерены реализовать новые меры против всех российских банков, ввести полный запрет покупки у России нефти и газа, вторичные санкции для стран, куда Россия попытается этот нефтегаз перенаправить. В то же время, на западе не так актуальна дискуссия о том, нужно ли продолжать давление на Россию. Набирает актуальность дискуссия о том, как сделать так, чтобы смягчить удар по своей экономике.

Literature:

1. *Klinova M.* Russia-European Union: continuation of the sanctions confrontation / M. Klinova, E. Sidorova // Issues of Economics. 2022. № 6. P. 114–127.
2. *Grinberg R.S.* The old model has been exhausted. Where is the world heading? / R.S. Grinberg, A.V. Buzgalin // Russia and the modern world. 2022. № 2. P. 30–43.
3. *Sargsyan A.M.* European sanctions: from national to collective / A.M. Sargsyan // Modern Europe. 2022. № 3.
4. *Voinikov V.V.* EU restrictive measures against Russia: legal nature and implementation problem / V.V. Voinikov // Baltic region. 2022. № 1. P. 89–100.
5. *Rassolova I.Yu.* Assessment of regulatory impact as a necessary element of economic and social policy of the modern state / I.Yu. Rassolova, R.Z. Mudarisov, F.M. Garipova // Discussion. 2022. № 1(110). P. 32–38.
6. *Trunov I.L.* Sanctions of the USA and the European Union from the position of the rule of law / I.L. Trunov // Eurasian Law Journal. 2022. № 6(169). P. 37–41.
7. *Chugunov D.K.* Initiatives to reduce the role of gas in the energy policy of the EU / D.K. Chugunov, A.V. Kuzyk, P.P. Tanev // Eurasian Law Journal. 2021. № 1(152). P. 56–58.

Данильян Элина Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
foxelina@mail.ru

Elina S. Danilyan

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Forensic Science,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
foxelina@mail.ru

Халин Владислав Дмитриевич

слушатель,
Краснодарский университет МВД России
foxelina@mail.ru

Vladislav D. Khalin

Listener,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
foxelina@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ,
ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ
В ЦИФРОВОМ ИГРОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

**TO A QUESTION ON COUNTERACTION
OF LEGALISATION OF THE INCOMES
RECEIVED BY A CRIMINAL WAY
IN DIGITAL GAME SPACE**

Аннотация. Одним из современных вызовов национальной безопасности в сложившейся правовой действительности Российской Федерации является противодействие легализации денежных средств, полученных преступным путем, а также – их дальнейшего использования в противозаконных целях. В статье рассмотрены современные криминальные технологии легализации (отмывании) денежных средств в виртуальном игровом пространстве, обозначены перспективные направления противодействия легализации денежных средств в цифровой среде. Виртуальное игровое пространство в современном мире представляет собой глобальную структуру, требующую внимания со стороны компетентных органов.

Ключевые слова: легализация, цифровое пространство, компьютерные игры, противодействие, доходы, полученные преступным путем, интернет, теневые доходы, цифровая валюта.

Одним из современных вызовов национальной безопасности в сложившейся правовой действительности Российской Федерации является противодействие легализации денежных средств, полученных преступным путем, а также – их дальнейшего использования в противозаконных целях. Злоумышленники, осуществляя активную деятельность по сокрытию истинного происхождения денежных средств и их назначение, не только содействуют осуществлению широкого круга преступлений, но и существенно затрудняют работу профилактической системы нашего государства. В совокупности, эти действия

Annotation. One of the modern challenges to national security in the current legal reality of the Russian Federation is to counteract the legalization of funds obtained by criminal means, as well as their further use for illegal purposes. Modern criminal technologies legalisation (money laundering) of money resources in virtual game space are considered in this article. Perspective directions of counteraction of legalisation monetary means in the digital environment are indicated. The virtual gaming space in the modern world is a global structure that requires attention from the competent authorities.

Keywords: legalisation, digital space, computer games, counteraction, the incomes received by a criminal way, the Internet, shadow incomes, digital currency.

обуславливают развитие системы функционирования криминальных сообществ, создание основы для совершения определенных категорий преступлений, снижение превенционного потенциала социальных институтов не только на государственном, но и на международном уровне. Кроме того, теневые потоки денежных средств негативно влияют на развитие экономических, социальных и политических процессов. Активное противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, дало существенные результаты в последние годы. Согласно исследованию, проведенному Центральным банком России,

механизм противодействия незаконным финансовым потокам работает эффективно, что также подтверждается данными МВД России, однако, различные глобальные ситуации обуславливают рост преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем и финансированием терроризма.

На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев отметил: «Правоохранительные органы в январе-октябре 2021 года выявили факты легализации наркодоходов на сумму свыше 400 миллионов рублей, в ходе мероприятий по подрыву финансовых основ наркобизнеса выявлено 284 факта легализации преступных доходов. В перспективе требуется внесение изменений в уголовное законодательство. Это необходимо для обеспечения возможности ареста и конфискации наркодоходов, преобразованных в цифровые активы [1]». По оценкам Международного валютного фонда, преступные организации ежегодно легализуют от 0,5 до 1,5 трлн долл., что составляет до 5 % мирового ВВП. Аккумуляция капитала отдельными лицами и преступными формированиями, внедрение его в легальный гражданский оборот, а также, использование за пределами страны позволяет получать значительные преимущества в конкурентной борьбе, создает неблагоприятный климат для любых инвестиций и ведет к подрыву национальной экономики [2]. Цифровые технологии, в своем многообразии, нам представляются широким инструментарием для злоумышленников, что создает новые виды и формы легализации доходов, полученных преступным путем и финансирования терроризма. Злоумышленниками разрабатываются принципиально новые схемы отмывания, направленные на скрытие подобных операций в сети.

Использование компьютерных игр, а также, связанных с ними интернет площадок, представляет собой актуальный инструмент для маскировки операций с денежными средствами и их дальнейшей реализации. Наиболее распространенные каналы, участвующие в проведении незаконных финансовых операциях (деятельность некоммерческих организаций, риэлтерские агентства, сфера культурного просвещения, в том числе, киноиндустрия, малый бизнес и другие), находятся под пристальным вниманием правоохранительных органов. Масштабность операций с игровой валютой и колоссальная населенность игровых систем создают условия для скрытия незаконных транзакций в миллиардах платежей, осуществляемых в рамках работы подобных платформ. Несмотря на это, необходимого юридического регулирования данной сферы не выработано. Протоколами Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) в 2014 году внесены поправки в Рекомендацию 15, предполагающие разработку необходимого контроля игровых токенов и схожей с ними виртуальной валюты, однако, на данный момент, в должной мере данные поправки в федеральное законодательство, должным образом, не адаптированы. Использование компьютерных игр, игровой валюты,

а также, связанных с ними торговых площадок для легализации доходов, полученных преступным путем и финансирование терроризма, не предусматривается основными федеральными нормативными-правовыми актами, направленными на контроль сферы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Легализация преступных доходов в игровой сфере может происходить в следующих формах:

1. Использование игровой валюты. Как отмечалось выше, игровая валюта не регулируется должным образом. Такая валюта может быть использована для различных игровых операций, для покупки различных внутри игровых предметов, привилегий для игрового процесса, различных визуальных и иных улучшений. Наибольшее распространение такая валюта получила в многопользовательских онлайн играх. Примером такой деятельности служит схема, предполагающая покупку игровой валюты и ее дальнейшее преобразование в различные игровые предметы в рамках конкретного игрового аккаунта за средства, полученные в результате преступной деятельности для его последующей продажи другим игрокам, в результате чего затраченным деньгам придается правомерный вид.

2. Использование игровых торговых площадок. Наиболее эффективно такая деятельность осуществляется на открытых торговых площадках, например, «Торговая площадка Steam». Особенность таких платформ состоит в том, что продажа внутри игровых предметов осуществляется участниками обособленно от владельца игровой торговой площадки, при этом оценка стоимости товаров производится пользователем выставляющим его на продажу. Так абсолютно любой внутри игровой предмет может быть куплен или продан за любую сумму, которая покажется продавцу и покупателю разумной. Таким образом, суммы, проходящие через данные торговые площадки, ограничиваются лишь желанием конкретных лиц, осуществляющих рассматриваемые операции.

3. Создание гибридных платформ. Азартные игры являются крупным направлением в легализации денежных средств, полученных преступным путем, и находятся под тщательным контролем правоохранительных органов Российской Федерации. Однако существуют, так называемые, гибридные платформы, представляющие собой системы розыгрыша внутриигровых предметов с признаками азартных игр, например, таких как «рулетка», и не подпадающие под пристальное внимание контролирующих органов. В открытом доступе существует множество сервисов, предлагающих приобрести кейсы, содержащие в себе определенный перечень внутриигровых предметов, один из которых с различной вероятностью может получить пользователь в случае оплаты доступа. При этом вероятность получения того или иного предмета регулируются создателем сервиса. Соответственно нередкой бывают ситуации, при которых сумма доступа к кейсу значительно превышает полученный по итогу игровой предмет, либо, наоборот, за

относительно низкую сумму доступа получить невероятно дорогой предмет для его последующей реализации, что может быть использовано злоумышленниками для придания правомерного вида доходам, полученным преступным путем.

Особенность таких операций обусловлена многоуровневой системой обфускации валютных потоков. Так, например, игровые платформы существенно облегчают схему отмывания преступных доходов «размещение-расслоение-интеграция», так как игровая валюта может подкрепляться различными электронными токенами, такими как криптовалюта, что создает отдельные слои шифрования конечной информации об использовании денежных средств. С подобной ситуацией столкнулись правоохранительные органы Турции. В конце 2021 года произошла массовая утечка пользовательской информации одной из крупнейших стриминговых платформ «Twitch», в результате, в общий доступ попали данные о доходах участков данного сервиса. В ходе изучения

Литература:

1. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL : <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-ministra-vnutrennikh-del-rossiyskoy-federatsii-general-politsii-rossiyskoy-federatsii-v>
2. *Котомцева К.В.* Влияние проблем правоприменения на количественные параметры оценки преступлений при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ» / К.В. Котомцева // Молодой ученый. 2019. № 38 (276).
3. Турецких стримеров обвинили в отмывании украденных денег. URL : <https://rossaprimavera.ru/news/ff365ae2>

данной информацией, Совет по расследованию финансовых преступлений Турции выявил 14 турецких пользователей, которые, обладая сравнительно низким уровнем подписчиков, получали очень высокие доходы через внутри игровую валюту «Bits», которая, в последствие, концентрировалась в криптовалюту Ethereum (ETH) и выводилась на финансовые рынки зарубежных стран [3].

Резюмируя вышесказанное, необходимо обратить внимание на то, что развитие современных технологий обуславливает создание принципиально новых способов реализации преступного умысла, в связи с чем, необходимо оказывать своевременное реагирование и противодействие. Виртуальное игровое пространство в современном мире представляет собой глобальную структуру, требующую внимание со стороны компетентных органов, в том числе, в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Literature:

1. Speech by Minister of Internal Affairs of the Russian Federation the general of police of the Russian Federation Vladimir Kolokoltsev at the expanded session of board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-ministra-vnutrennikh-del-rossiyskoy-federatsii-general-politsii-rossiyskoy-federatsii-v>
2. *Kotomtseva K.V.* Influence of problems of law enforcement on quantitative parameters of an estimation of crimes at qualification of the crimes provided by item 174 and item 174.1 of the criminal code of Russian Federation» / K.V.Kotomtseva // Young scientist. 2019. № 38(276).
3. Turkish streamers were accused of stolen money laundering. URL : <https://rossaprimavera.ru/news/ff365ae2>

Демидов Александр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
заместитель начальника кафедры
педагогике и психологии,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
sandem@bk.ru

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Бялт Виктор Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
victorkwr@mail.ru

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ПОЛИЦЕЙСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ
В СФЕРЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ В СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УСТАНОВЛЕНИЙ
МАНИФЕСТА ОТ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г.**

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных законодательных положений, регламентирующих область полицейских полномочий должностных лиц в пределах территории сельского общества. Авторы выявляют область полицейского дела, которое было поручено непосредственно помещику и сельскому старосте. По мнению авторов, в действительности, отмеченные нововведения способствовали не только поддержанию среди крестьянской массы необходимого уровня общественного порядка и общественной безопасности, но и вызвали усиление роли помещика в системе общей организации административно-полицейского дела на подвластной ему территории. Отмеченное следует охарактеризовать в качестве закономерной реакции на производимые общественные изменения переходного периода: от тотального владения помещика-господина над судьбой подчиненного ему крестьянина к возвышению роли сельской общины и последующему развитию собственно полицейского управления в каждой из российских волостей.

Alexander V. Demidov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Deputy Head of Department Pedagogy
and Psychology,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
sandem@bk.ru

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Personnel
Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Viktor S. Byalt

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University Ministry
of Internal Affairs of Russia
victorkvr@mail.ru

**HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS
OF POLICE POWERS IN THE FIELD
PRACTICAL IMPLEMENTATION
IN RURAL SOCIETY OF LEGISLATIVE
DECREES OF THE MANIFESTO
OF FEBRUARY 19, 1861**

Annotation. The article presents an analysis of certain legislative provisions regulating the area of police powers of officials within the territory of a rural society. The authors identify the area of police work, which was entrusted directly to the landowner and the village headman. According to the authors, in reality, the noted innovations contributed not only to maintaining the necessary level of public order and public safety among the peasant masses, but also caused the strengthening of the role of the landowner in the system of the general organization of administrative and police affairs in the territory subject to him. The above should be characterized as a natural reaction to the social changes being made in the transition period: from the total ownership of the landowner over the fate of the peasant subordinate to him to the elevation of the role of the rural community and the subsequent development of the actual police department in each of the Russian volosts.

Ключевые слова: закон, крепостное право, сельская община, полицейская компетенция, общественный порядок, общественная безопасность, крестьянство.

Keywords: law, serfdom, rural community, police competence, public order, public security, peasantry.

Многовековая история развития российского государства характеризуется наличием крупнейших переломных событий в судьбе его граждан. По нашему представлению, в ряду такого рода событий находится и реформа, связанная с изданием 19 февраля (03 марта) 1861 г., Высочайше утвержденного императором Александром II Манифеста «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» [5]. С изданием отмеченного государственного нормативного правового акта, произошло устранение различного рода преград между многими условиями, населяющими российские земли. Как следует из специально подготовленного для литературного журнала «Очерка» по данному вопросу, наступило объединение принципиально значимых интересов государственного и общественного значения, а также, общих инстинктов жизни, которые до этого времени оказались «насилуственно разделенными запорами крепостного права и вотчинной жизни» [3, с. 12–13]. Сообразно логике изложения отмеченного «Очерка», с изданием Манифеста от 19 февраля 1861 г., российское общество вступило на прогрессивный путь своего обновления, что соизмеримо с величайшим торжеством среди православного мира, которое тождественно празднику Светлого Христова Воскресения. Что касается непосредственно крестьянского сословия, то оно на законодательном уровне освобождалось от своего угнетенного состояния, которое метафорично было выражено в русской народной пословице «Душа божья, голова царская, спина барская» [1, с. 3].

Факт выхода в свет царского Манифеста предопределил установление новой модели законодательного закрепления функционального спектра исполнения среди крестьянской массы полицейских задач, ориентированных на поддержание во вновь формируемых сельских обществах должного порядка и предотвращения «необузданной вольницы» в поведении крестьян. Вместе с тем, вносилась существенная коррекция и в сферу народной ответственности, что выражалось в определении новой системы координат во взаимоотношениях по линиям «крестьяне-полиция» и «крестьяне-помещик». Наиболее обстоятельно законодательные новеллы, в части регламентации отмеченной области взаимоотношений и линий поведения раскрепощенных крестьян, представлены в соответствующем «Общем положении», которое подготовил Н. Макшеев [2] и, в аналогичного рода, «Обзрении» [4].

Применительно к правам, вышедших из крепостной зависимости крестьян, п. 2 статьи 24 «Общего положения» фиксирует их права по искам, жалобам, ходатайству и суду (применительно к области дел уголовных и полицейских). В частности, крестьяне наделялись правом подачи жалобы и охраны своих прав любым предусмотренным законом способом, лично или посредством своих

доверенных лиц. В соответствии с п. 2 статьи 51, полиции вменялось исполнение приговора сельского схода крестьян об удалении из общества порочных и вредных его членов. В случае посягательства указанных представителей сельского общества на побег, полиция принимала участие в их препровождении в ближайшую городскую тюрьму (примечание 4 к статье 51).

Исходя из текста главы VI («О вотчинной полиции и попечительстве помещиков в сельских обществах временно-обязанных крестьян») указанного «Общего положения», в целях поддержания среди временно-обязанных крестьян общественного порядка в сельском обществе, в распоряжении помещиков находилась вотчинная полиция, пределы компетенции которой распространялись в границах земель, принадлежащих конкретному помещику (статья 148). Следует заметить, что при этом помещик наделялся правом осуществления общего надзора за поддержанием общественного порядка и общественной безопасности на территории своего владения (статья 149). В этой связи, по поручению помещика исполнение большинства полицейских функций в сельском обществе возлагалось на сельского старосту, а именно:

- 1) прекращение любого буйства и насилия, а также – иного нарушения закона;
- 2) оказание помощи помещику и членам его семьи от возможных поджога, разбоя, грабежа и иных противоправных деяний;
- 3) осуществление надзора за всеми подозрительными лицами;
- 4) исправление сельских дорог, на отведенных в крестьянское пользование землях;
- 5) при совершении на территории сельского общества преступления, обеспечение сохранности необходимых улик преступного поведения и задержание преступника до прибытия местной полиции (статья 150).

Таким образом, в пределах своего непосредственного владения помещик выступал в качестве старшего вотчинного полицейского, а его ближайшим помощником, по определению, выступал сельский староста. По нашему представлению, отмеченный порядок корреспондировал общей идее управления крестьянским обществом, освободившимся от условий крепостного права. Как следует из отмеченного выше «Обзрения» [4, с. 42], фактор распределения крестьян по сельским обществам способствовал становлению новой управленческой парадигмы, существо которой было сведено к формированию системы мирского управления. Тем не менее, устанавливая власть над крестьянином со стороны сельского мира, рассмотренные

нововведения не исключали власти помещика над личностью крестьянина, в том числе, и власти вотчинно-полицейской. Отмеченное основывалось не только на силе инерции укоренившегося на протяжении многих веков мнения о подвластности крестьянина воле помещика, что, по-прежнему, закреплялось соответствующими законоположениями. По нашему мнению, концентрация вотчинно-полицейских компетенций по отношению к крестьянам в руках самого помещика была также обусловлена и чисто экономической причиной, сводимой к тому, что масштабные изменения на протяженной территории российского государства по реализации установлений Манифеста от 19 февраля 1861 г. не позволяли сформировать развитую сеть административно-полицейского управления над сельскими обществами. Подводя итог изложенному, нам представляется необходимым заметить следующее:

Литература:

1. *Воробьев И.* Крепостное право и 19 февраля. М. : Государственное издательство, 1925. 48 с.
2. *Макшеев Н.* Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. М. : Типо-литография Кушнерева, 1899. 317 с.
3. Манифест 19 февраля 1861 года: (Очерк). Из Журнала «Век», 1861. СПб. : Типография В. Безобразова и К°, 1861. 15 с.
4. Обзорение высочайше утвержденных 19 февраля 1861 года положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1861. 320 с.
5. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. Т. 36. Отделение 1-е: 1861. От № 36490–37190. СПб. : Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1863. 1059 с.

Во-первых, начатые в феврале 1861 г. преобразования в укладе сельской жизни, обусловленные изданием соответствующего Манифеста об отмене крепостного права, потребовали внесения необходимых изменений в общую систему административно-полицейского дела, направленного на поддержание в крестьянской среде должного общественного порядка и укрепления на соответствующих территориях общественной безопасности.

Во-вторых, вынужденное введение института вотчинной полиции, на деле, означало укрепление власти помещика, в сферу государственной деятельности которого был включен общий надзор за исполнением в его владениях полицейских функций, практическая реализация которых поручалась сельскому старосте.

Literature:

1. *Vorobyov I.* Serfdom and February 19. M. : State Publishing House, 1925. 48 p.
2. *Maksheev N.* General position on peasants, who came out of serf dependence. M. : Tipo-lithografiya Kushnereva, 1899. 317 p.
3. Manifesto of February 19, 1861: (Essay). From the magazine «Century», 1861. SPb. : Printing house of V. Bezobrazov and K°, 1861. 15 p.
4. Review of the highest approved on February 19, 1861 regulations on peasants who came out of serfdom. SPb. : Printing house of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1861. 320 p.
5. Complete collection of laws of the Russian Empire: Sbranie 2-e. Vol. 36. Department 1: 1861. Dated № 36490–37190. SPb. : Printing House of the Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1863. 1059 p.

Доткулов Эльдар Асланович

ассистент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
eldardotkulov@mail.ru

Марзей Азамат Асланович

старший преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
mirzoev_azamat@mail.ru

Заптиеv Ибрагим Заурбиевич

ассистент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
zaptiev@icloud.com

Бербекова Марина Хасанбиевна

ассистент кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
yucatan_line@mail.ru

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНЫХ ТЮРЕМ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В РОССИИ

Аннотация. Система исполнения наказаний в России функционирует без существенных изменений с 1997 года, игнорируя общемировые процессы индивидуализации мер воздействия на осужденного в целях его исправления. Существующие на сегодняшний день виды исправительных учреждений и условия пребывания в них, стремятся быть номинальными и не могут обеспечить защиту впервые осужденных заключенных от влияния более опытных заключенных. Открытие частных тюрем как вида исправительного учреждения специализирующегося на содержании наименее опасных преступников позволит создать более комфортные условия для психики пребывающих в них лиц. Авторы убеждены в том, что данная реформа повысит качество ресоциализации осужденных и снизит уровень рецидивной преступности.

Ключевые слова: дифференциация осужденных, частная тюрьма, исправление осужденного, ресоциализация.

Eldar A. Dotkulov

Assistant of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Kabardino-Balkar State University named after H.M. Berbekov
eldardotkulov@mail.ru

Azamat A. Marzei

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Kabardino-Balkar State University named after H.M. Berbekov
mirzoev_azamat@mail.ru

Ibrahim Z. Zaptiev

Assistant of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Kabardino-Balkar State University named after H.M. Berbekov
zaptiev@icloud.com

Marina Kh. Berbekova

Assistant of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkar State University named after H.M. Berbekov
yucatan_line@mail.ru

LEGALIZATION OF PRIVATE PRISONS AS A TOOL FOR DIFFERENTIATION OF CONVICTS IN RUSSIA

Annotation. The system of execution of punishments in Russia has been functioning without significant changes since 1997, ignoring the global processes of individualization of measures of influence on the convicted person in order to correct him. The existing types of correctional institutions and conditions of stay in them tend to be nominal and cannot provide protection for first-time convicted prisoners from the influence of more experienced prisoners. The opening of private prisons, as a type of correctional institution specializing in the maintenance of the least dangerous criminals, will create more comfortable conditions for the psyche of those staying in them. The authors are convinced that this reform will improve the quality of re-socialization of convicts and reduce the level of recidivism.

Keywords: differentiation of convicts, private prison, correction of convicts, resocialization.

Согласно действующему уголовному законодательству, в России существуют всего пять видов исправительных учреждений, в которые могут быть направлены осужденные к лишению свободы [1]. Один из этих видов учреждений – воспитательная колония – функционирует исключительно для несовершеннолетних осужденных. Лица, достигшие к моменту вынесения приговора 18-летнего возраста, могут быть направлены для отбытия наказания в колонию-поселение, колонию общего режима (этими двумя видами исправительных колоний ограничивается выбор при назначении места отбытия наказания в отношении женщин), колонии строгого режима и колонии особого режима. Отдельно следует упомянуть отбытие части наказания в тюрьмах в случаях, предусмотренных ч. 2.1 ст. 58 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и в соответствии со ст. 130–131 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [2].

Дифференциация лиц, отбывающих наказание, производится законодателем в зависимости от формы вины, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, наличия рецидива преступлений и отбытия раннее наказания в виде лишения свободы. Насколько этих режимов отбывания наказания достаточно с точки зрения принципа индивидуализации наказания, остается дискуссионным вопросом. Несмотря на наличие у администрации колонии возможности переводить лиц из одних условий отбытия наказания в другие (например, из обычных в облегченные: в случае отсутствия дисциплинарного нарушения со стороны осужденного, или из обычных в строгие; если осужденный уклоняется от возложенных на него обязанностей, нарушает регламент колонии и т.п.), данная дифференциация осужденных является слишком поверхностной и непродуманной по целому ряду причин.

С изменениями, внесенными в ч. 3 и ч. 4 ст. 15 УК РФ в 2019 году, выделяющими часть неосторожных преступлений в категорию тяжких, необходимо было предусмотреть и изменения в ст. 58, чего законодатель не сделал. Если до указанных изменений структура ст. 58 УК РФ выглядела логичной и не вызывала вопросов, то на сегодняшний день остается неясным, по каким правилам назначать вид исправительного учреждения лицу за неосторожное преступление, за которое может быть назначено более 10 лет? Ведь, согласно ч. 4 ст. 15 УК РФ, это преступление относится к категории тяжких. В таком случае, по критерию неосторожности содеянного, пункт «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ определяет вид исправительной колонии, в которую необходимо отправить для отбытия наказания как, например, колонию-поселение. А уже, согласно п. «б» ч. 1 ст. 58, то же лицо должно быть направлено для отбытия наказания в колонию общего режима, так как деяние является тяжким преступлением. В данной ситуации, суд не может руководствоваться классическими правилами разрешения коллизий в праве, так как ни одна из норм не является специальной и не обладает большей юридической силой. Положиться на институт судебного усмотрения также невозможно, так как вопрос явно выходит за рамки

компетенции суда, предоставляя ему в таком случае излишние полномочия.

Таким образом, законодательство поставило суд в уязвимое положение, в котором лицо, совершившее тяжкое преступление по неосторожности и осужденное к отбытию наказания в колонии общего режима, получит возможность необоснованно требовать пересмотра приговора в виду излишней строгости наказания.

Помимо процессуальных сложностей, данная ситуация увеличивает вероятность вовлечения лиц, осужденных за совершение преступлений впервые, в организованные преступные группы с устойчивыми связями. Большинство из нас, оказавшись на длительное время в замкнутом пространстве в кругу более опытных и уверенных в себе людей, непременно начнут подражать их поведению и захотят с ними сблизиться. Так устроена человеческая психика – быть членом доминирующей социальной группы выгоднее, а в некоторых ситуациях, ещё и жизненно важно. Убеждения и правила, поддерживаемые большинством в обществе, могут повлиять на мировоззрение новых членов данной группы.

В связи с вышесказанным, мы считаем необходимым рассмотреть возможность введения новых мер дифференциации условий отбытия наказания осужденными.

При правильном подходе, одной из дифференцирующих мер может послужить введение института частных тюрем. Частная тюрьма – это негосударственное учреждение, предназначенное для отбытия наказания лицами, приговоренными судом к лишению свободы на определенный срок, действующее на основании лицензии, выдаваемой государством и оказывающим услуги по содержанию осужденных в условиях изоляции от общества на коммерческой основе. Частные тюрьмы получили широкое распространение в Соединенных Штатах Америки, Австралии и Великобритании с середины 1980-х годов. На данный момент доля осужденных содержащихся в частных тюрьмах в США составляет около 8 % [3].

По данным университета Нью-Мексико в Альбукерке, частные тюрьмы позволяют экономить деньги в краткосрочной перспективе. Но в долгосрочной оказываются чуть дороже государственных (на 1,5–3 %), и кроме того, хуже борются с рецидивизмом. «Полученные результаты свидетельствуют о том, что предполагаемая краткосрочная экономическая эффективность, обеспечиваемая частными тюрьмами, может не стоить долгосрочных последствий потенциального роста рецидивизма» – говорится в исследовании [4].

При изучении зарубежного опыта следует иметь в виду, что для проведения сравнительного исследования эффективности предупреждающего воздействия наказания в виде лишения свободы с отбытием в частной тюрьме, необходимо учитывать контингент лиц попадающих в выборку, так как несоблюдение ряда условий может привести к искажению результатов, а полученные таким образом данные будут казаться противоречивыми и

хаотичными. Следует учитывать, что частные тюрьмы получают прибыль не только от государства в виде платы по договору [5]. Заключение стимулируют к выполнению контрактов, которые, с одной стороны, положительно влияют на их характеристику (например, при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом и т.д.), а, с другой стороны, дают возможность заработать средства для улучшения и поддержания собственного комфорта или направить их членам семьи на свободе.

Ключевым достоинством частных тюрем является то, что лицо, находящееся в условиях изоляции, получает больше возможностей поддерживать связь с родными и близкими, что облегчает процесс ресоциализации осужденного уже после отбытия наказания.

Законодательство РФ определяет социальную адаптацию осужденных как задачу уголовно-исполнительной системы, а Федеральная служба исполнения наказаний является администратором и ответственным за это органом (сюда можно включить программы по получению образования, формированию навыков и умений, необходимых для выполнения работ и т.п.). Критерием оценивания эффективности государственных мер по социальной адаптации и исправлению осужденных может служить прекращение ими преступной деятельности. Обратив внимание на удельный вес лиц, совершивших преступление повторно (рис. 1), можно сделать вывод о том, что в отдельных регионах России поставленную задачу по социальной адаптации осужденных получается выполнять лишь в одном случае из четырех [6].

РЕГИОНЫ С НАИБОЛЬШИМ УДЕЛЬНЫМ ВЕСОМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ОТ ЧИСЛА РАССЛЕДОВАННЫХ), СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ, РАНЕЕ СОВЕРШАВШИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

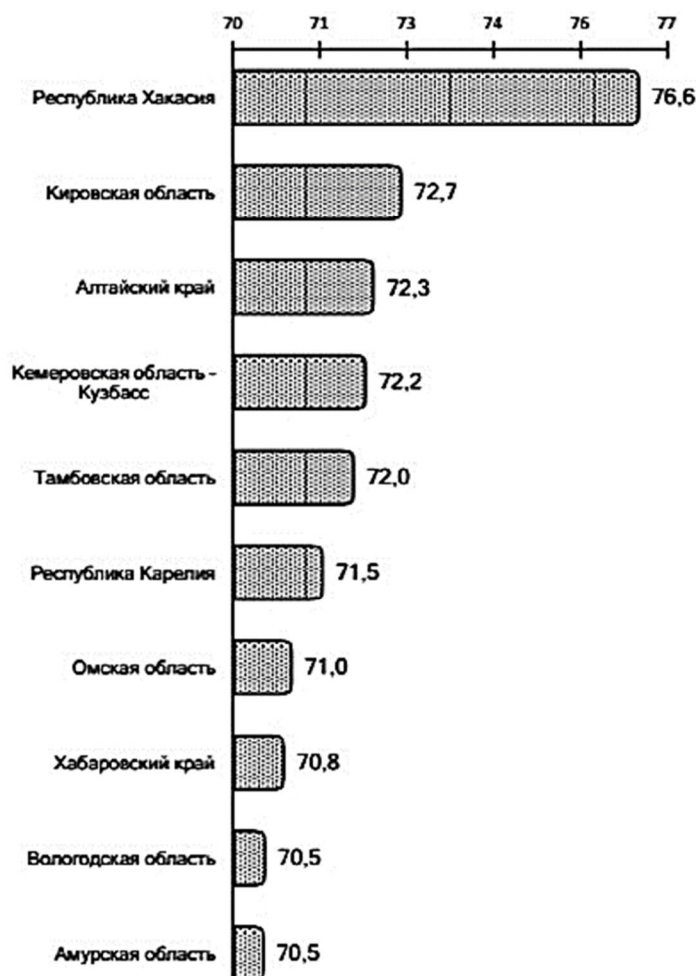

Рисунок 1

На самом деле, мы видим только верхний предел числовых значений в отношении лиц «исправившихся» в ходе отбытия наказания, так как существует еще и доля лиц, которые попали в поле

зрения правоохранительных органов лишь в одном случае из нескольких. Каков же удельный вес лиц, совершивших преступление повторно, с учетом коэффициента латентности? Подходы могут

быть разными, но мы точно знаем, что итоговое значение выше, чем показывает нам официальная статистика.

При проведении более масштабных исследований следует учесть и то, что те лица, которые были осуждены на пожизненный срок и вышли по УДО по истечении 25 лет, как и те, которые были приговорены на длительный срок лишения свободы в возрасте старше 50 лет, ввиду длительности и строгости условий в которых они пребывают во время отбытия наказания вряд ли смогли бы попасть в статистику как повторно нарушившие уголовный закон. Следовательно, в ретроспективном исследовании эти лица будут формировать число осужденных, которые не совершали преступлений после назначения им наказания.

На слушаниях в Общественной палате РФ в 2015 году первый заместитель директора ФСИН Анатолий Рудый заявлял, что из 673 тысяч осужденных 85 процентов – это люди, которые были два и более раз судимы. Тогда Рудый связал это с недостаточной постпенитенциарной реабилитацией. Проблема состоит в том, что на воле осужденного никто не ждет: «У нас, в наших учреждениях для него абсолютно привычная среда обитания. Он хочет попасть, как некоторые из них говорят, на свою шконку». Рудый отметил, что осужденные совершают преступления, едва освободившись из мест лишения свободы по дороге к своему региону, и еще тогда отмечал важность проблемы ресоциализации и призывал общественные организации, правозащитные структуры заниматься не только контролем за соблюдением прав человека в местах лишения свободы, но и помогать осужденным вернуться к нормальной жизни. «Мне бы хотелось, чтобы мы, прежде всего, работали вместе над тем, чтобы создать определенные условия для работы осужденных, получении ими профессии, более правильного, грамотного проживания тюремного населения и самое главное – условия для постпенитенциарной социализации. То, как мы потом на свободе принимаем уже свободных людей – это играет большую роль, вернутся они к нам или найдут себя в обществе», – подчеркивает первый заместитель директора ФСИН в своем обращении.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения 16.07.2022).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (дата обращения 11.06.2022).
3. *Мирзоев А.А.* Частные тюрьмы в России: перспективы открытия / А.А. Мирзоев, А.Р. Махов //

Согласно аналитическим данным Генпрокуратуры РФ, с января по май 2022 года уголовному преследованию подверглось 352,7 тыс. лиц. В тот же период времени расследовано около 259 тыс. преступлений, которые совершены лицами, уже преступавшими уголовный закон. Из этого следует, что в среднем по России не менее 73 % от числа лиц, ранее совершивших преступление, подвергаются уголовному преследованию повторно.

Каким образом частная тюрьма может повлиять на уровень рецидивизма? Данные говорят о том, что может, но только в худшую сторону. Представьте себе ситуацию, в которой инвестор вкладывает средства в некий бизнес, в котором «поставки сырья» никак от него не зависят. Каким образом убедить его в том, что он будет получать прибыль? Можно ввести квоты на поставку, и при недоимке обещать выплатить штраф в пользу инвестора. Но это тоже от него не зависит, ведь, как и всякий капиталист, он заинтересован в умножении своего состояния. В США подобное направление мыслей вылилось в нежелание руководства заниматься исправлением осужденных, ведь это значило бы собственноручно лишиться себя будущей прибыли, которую организация возможно получит от содержания преступника, повторно совершившего преступление.

В качестве меры противодействия подобным спекуляциям следует ограничивать возможность направления для отбытия наказания в частные тюрьмы лиц, ранее отбывавших наказание в подобном учреждении. Вместе с тем, следует ввести систему отложенных поощрений: вводить налоговые послабления в случае не выявления совершения преступления осужденными в течение первых пяти или десяти лет после отбытия ими наказания.

Таким образом, частные тюрьмы могут стать реальной альтернативой государственным учреждениям, но только с условием строгого контроля со стороны последних и разработкой качественного законопроекта, учитывающего ошибки в регламентации деятельности подобных заведений зарубежными странами.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 14.07.2022, with amendments and additions, intro. effective from 07/25/2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (date of appeal 16.07.2022).
2. The Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 № 1-FZ (ed. of 11.06.2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (date of the application 11.06.2022).
3. *Mirzoev A.A.* Private prisons in Russia: prospects of discovery / A.A. Mirzoev, A.R. Makhov //

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 130–132.

4. Private vs. public prisons? A dynamic analysis of the long-term tradeoffs between cost-efficiency and recidivism in the US prison system: Applied Economics: Vol 52. № 4. URL : <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00036846.2020.1736501?journalCode=raec20> (date of the application 06.11. 2021).

5. Пинчук А. Частные тюрьмы как инвестиционный инструмент: сколько на них зарабатывают и почему с ними борются активисты. Финансы на vc.ru. URL : <https://vc.ru/finance/196994-chastnye-tyurmy-kak-investicionnyy-instrument-skolko-na-nih-zarabatyvayut-i-pochemu-s-nimi-boryutsya-aktivisty?ysclid=l61yy0y79486376977> (дата обращения 06.07.2022).

6. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за январь – мая 2022. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL : <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 20.06.2022).

7. «Горьковатая статистика»: 85 процентов российских заключенных – рецидивисты. Вести.Ru. URL : <https://www.vesti.ru/article/1764143?ysclid=l61y6x3ri0641304545> (дата обращения 29.06.2022).

8. Плюсы и минусы частных тюрем. Ведомости/Мнения/Аналитика. URL : <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/11/14/816226> (дата обращения 15.06.2022).

Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 8. P. 130–132.

4. Private vs. public prisons? A dynamic analysis of the long-term tradeoffs between cost-efficiency and recidivism in the US prison system: Applied Economics: Vol 52. № 4. URL : <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00036846.2020.1736501?journalCode=raec20> (date of the application 06.11.2021).

5. Pinchuk A. Private prisons as an investment tool: how much they earn and why activists are fighting them. Finance on vc.ru. URL : <https://vc.ru/finance/196994-chastnye-tyurmy-kak-investicionnyy-instrument-skolko-na-nih-zarabatyvayut-i-pochemu-s-nimi-boryutsya-aktivisty?ysclid=l61yy0y79486376977> (date of the application 06.07.2022).

6. Monthly collection on the state of crime in Russia for January – May 2022. Portal of legal Statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <http://crimestat.ru/analytics> (date of the application 06/20/2022).

7. «Bitter statistics»: 85 percent of Russian prisoners are repeat offenders. Lead.Ru. URL : <https://www.vesti.ru/article/1764143?ysclid=l61y6x3ri0641304545> (date of the application 06/29/2022).

8. Pros and cons of private prisons. Vedomosti/Opinions/Analytics. URL : <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/11/14/816226> (date of the application 06/15/2022).

Дьякова Мария Анатольевна
кандидат социологических наук,
начальник Центра
профессионального развития
и сопровождения карьеры,
Тихоокеанский
государственный университет
003787@pnu.edu.ru

Чернова Ольга Анатольевна
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин,
Тихоокеанский
государственный университет
003987@pnu.edu.ru

**ПОСТДИПЛОМНОЕ
СОПРОВОЖДЕНИЕ ВЫПУСКНИКОВ
С ИНВАЛИДНОСТЬЮ
И ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

■ ■ ■

Аннотация. В работе рассмотрены актуальные вопросы трудоустройства выпускников образовательных организаций высшего образования из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья на открытом рынке труда. Авторами проведен комплексный анализ существующих подходов к содействию трудоустройству выпускников, имеющих инвалидность в системе высшего образования, норм действующего федерального законодательства. Это позволило предложить собственный подход к содержанию и соотношению понятий «сопровождение выпускников образовательных организаций высшего образования из числа инвалидов и лиц с ОВЗ», «постдипломное сопровождение выпускников из числа лиц с ОВЗ и инвалидов», выявить проблемы правового регулирования в сфере постдипломного сопровождения, разработать предложения в целях их решения.

Ключевые слова: инвалид, лицо с ограниченными возможностями здоровья, содействие трудоустройству, постдипломное сопровождение, законодательство в сфере занятости инвалидов.

■ ■ ■

В опросам эффективного трудоустройства выпускников образовательных организаций высшего образования из числа инвалидов и лиц с

Maria A. Dyakova
Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Center for Professional
Development and Career Support,
Pacific State University
003787@pnu.edu.ru

Olga A. Chernova
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of State and Legal Disciplines,
Pacific State University
003987@pnu.edu.ru

**OSTGRADUATE SUPPORT
OF GRADUATES WITH DISABILITIES
AND LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES:
CURRENT PROBLEMS OF NORMATIVE
AND LEGAL REGULATION
IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION**

■ ■ ■

Annotation. The paper deals with topical issues of employment of graduates of educational institutions of higher education from among the disabled and persons with disabilities in the open labor market. The authors carried out a comprehensive analysis of existing approaches to promoting the employment of graduates with disabilities in the higher education system, the norms of the current federal legislation. This made it possible to propose our own approach to the content and correlation of the concepts of «support for graduates of educational institutions of higher education from among the disabled and persons with disabilities», «postgraduate support for graduates from among persons with disabilities and persons with disabilities», to identify problems of legal regulation in the field of postgraduate support, to develop proposals in order to solve them.

Keywords: disabled person, person with disabilities, employment assistance, postgraduate support, legislation in the field of employment of disabled people.

■ ■ ■

ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) на открытом рынке труда в последние годы уделяется все больше внимания, поскольку

право на труд и самореализацию в профессии – это одно из важнейших прав человека и гражданина [1].

В соответствии с нормами международного права и современного российского законодательства, инвалиды наравне со здоровыми гражданами имеют право на профессиональную подготовку, помощь, консультации и услуги по трудоустройству, которые позволят им максимально проявить свои возможности и способности, а также ускорят процесс их социальной интеграции в общество [2, 3]. Однако в силу ряда обстоятельств, прежде всего, связанных с состоянием здоровья (определенными физическими ограничениями), выпускники с инвалидностью и ОВЗ оказываются менее конкурентоспособными на рынке труда, а, следовательно, требуют дополнительного внимания со стороны государства и его отдельных институтов.

С целью расширения возможностей для обеспечения эффективного доступа инвалидов из числа обучающихся и выпускников системы высшего образования к службам трудоустройства, услугам по содействию занятости и успешной адаптации на открытом рынке труда, с 2014 года в системе высшего образования начата работа по профессиональной ориентации и содействию трудоустройству данной категории лиц. В то же время, недостаточное развитие нормативно-правовой базы, отсутствие единообразного подхода к определению и содержанию понятийного аппарата тормозят разработку и реализацию программных и локальных документов в системе высшего образования. Анализ научных подходов, методических рекомендаций и нормативно-правовых документов Минобрнауки РФ и Минтруда РФ позволил авторам данной публикации определить собственный подход к содержанию и соотношению понятий «сопровождение выпускников образовательных организаций высшего образования из числа инвалидов и лиц с ОВЗ», «постдипломное сопровождение выпускников из числа лиц с ОВЗ и инвалидов».

Процесс сопровождения обучающегося с инвалидностью в системе высшего образования – это система профессиональной, согласованной деятельности сотрудников образовательной организации, направленная на создание необходимых условий для успешной профориентации, образования, трудоустройства инвалидов, их интеграции в социум в соответствии с особенностями психофизического развития и индивидуальными возможностями. Постдипломное сопровождение как завершающий этап сопровождения выпускников с инвалидностью и ОВЗ в образовательном пространстве инклюзивного высшего образования необходимо рассматривать как совокупность комплексных мероприятий, проводимых образовательными организациями высшего образования совместно со специалистами служб занятости населения и представителями работодателей, с целью оказания помощи выпускникам, имеющим инвалидность, в преодолении трудностей, возникших в процессе поиска работы, обеспечения их успешного вхождения в профессию и

адаптации к профессиональной среде, эффективной реализации трудового потенциала, обеспечения профессионального роста и карьерного развития [4; 5].

В то же время, эффективность деятельности образовательных организаций по постдипломному сопровождению рассматриваемой категории лиц во многом зависит от учета приоритетных программных мероприятий, реализуемых органами государственной власти субъекта РФ, на территории которого расположена образовательная организация высшего образования, а также ориентиров государственной политики по содействию занятости инвалидов на конкретный период. С целью решения выше обозначенных проблем нормативно-правового регулирования считаем необходимым закрепить правовой статус и полномочия образовательных организаций высшего образования, как одного из основных субъектов, участвующих в реализации государственной политики содействия занятости населения в федеральном законодательстве. В статьях 28 и 34 федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» нормативно закрепить понятия «содействие трудоустройству выпускников из числа лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов» и «постдипломное сопровождение выпускников из числа лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов», в статье 13.1. Закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» – понятие «сопровождение при содействии занятости инвалидов». Это обеспечит не только однозначное толкование содержания данного направления работы в системе высшего образования, но и позволит выстроить системную работу, обеспечить тесное взаимодействие образовательных организаций высшего образования со специалистами служб занятости населения, уполномоченными осуществлять организацию сопровождения при содействии занятости инвалидов в Российской Федерации.

Основные виды деятельности образовательных организаций высшего образования по направлению «Содействие трудоустройству и постдипломное сопровождение выпускников из числа лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов» в рамках разрабатываемых ими программ содействия трудоустройству и постдипломного сопровождения данной категории выпускников, должны основываться на типовой программе, утвержденной приказом Минобрнауки РФ, с учетом плана мероприятий по повышению уровня занятости инвалидов, утверждаемого Правительством РФ на конкретный период времени, и приоритетных направлений деятельности по содействию занятости инвалидов молодого возраста, реализуемых на территории субъекта РФ, где расположена образовательная организация высшего образования.

Постдипломное сопровождение выпускников с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья должно рассматриваться как одно из направлений деятельности образовательных организаций высшего образования по содействию трудоустройству данной категории выпускников,

реализуемое совместно с представителями работодателей посредством двойного наставничества и в рамках региональных программ сопровождения инвалидов молодого возраста при трудоустройстве.

При разработке программ содействия трудоустройству и постдипломному сопровождению выпускников с инвалидностью и ОВЗ мы предлагаем рекомендовать образовательным организациям высшего образования включать в структуру внутривузовских программ следующие разделы:

1) общая характеристика проблемы и сфера реализации программы;

Литература:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL : <http://www.consultant.ru/document>

2. Конвенция о правах инвалидов: заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006. URL : <http://www.consultant.ru/document/>

3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 28.06.2021) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»

4. *Денисова О.А.* Сопровождение студентов с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного высшего образования / О.А. Денисова, О.Л. Леханова. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/soprovozhdenie-studentov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-usloviyah-inklyuzivnogo-vysshego-obrazovaniya>

5. *Романенкова Д.Ф.* Комплексное сопровождение образовательного процесса инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в условиях профессионального образования / Д.Ф. Романенкова, Н.А. Романович. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnoe-soprovozhdenie-obrazovatel'nogo-protsesta-invalidov-i-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-usloviyah>

2) наименование программы;

3) ответственный исполнитель и соисполнители программы (при наличии);

4) участники программы (при наличии);

5) цели, задачи и целевые показатели программы;

6) срок и основные этапы реализации программы;

7) ожидаемые конечные результаты реализации программы.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 with changes approved during the nationwide vote on 07/01/2020. URL : <http://www.consultant.ru/document>

2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities: concluded in New-York on December 13, 2006. URL : <http://www.consultant.ru/document>

3. Federal Law № 181-FZ of November 24, 1995 (as amended on June 28, 2021) «On the Social Protection of the Disabled in the Russian Federation».

4. *Denisova O.A.* Support of students with health limitations in conditions of inclusive higher education / O.A. Denisova, O.L. Lekhanova. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/soprovozhdenie-studentov-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-usloviyah-inklyuzivnogo-vysshego-obrazovaniya>

5. *Romanenkova D.F.* Comprehensive support of the educational process of disabled people and persons with limited health opportunities in the conditions of vocational education / D.F. Romanenkova, N.A. Romanovich. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnoe-soprovozhdenie-obrazovatel'nogo-protsesta-invalidov-i-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-v-usloviyah>

Ильницкий Александр Сергеевич
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
ilnickiias@gmail.com

МЕХАНИЗМ КРИМИНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Активное распространение криминальной идеологии в киберпространстве, пропагандирующей насилие, наркопотребление, самоубийства, пенитенциарную культуру и иные формы преступного и антиобщественного поведения, оказывает влияние на детерминацию преступности, формирует криминогенные качества личности, участвует в процессах криминализации и виктимизации населения. В статье представлен механизм криминогенного воздействия криминальной идеологии, распространяемой в информационно-телекоммуникационном пространстве. Сформулировано понятие «механизм криминогенного воздействия криминальной идеологии в сети Интернет», выделены образующие его компоненты, среди которых: убеждение, внушение, заражение и подражание, дана их характеристика.

Ключевые слова: криминогенное воздействие, криминальная идеология, сеть Интернет, криминальные угрозы, криминологические исследования, киберпространство, пропаганда преступного поведения, антикриминальная практика.

В утвержденной в 2021 году Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) указывается, что дестабилизация общественно-политической ситуации происходит за счёт распространения в сети Интернет заведомо недостоверной информации, материалов террористических и экстремистских организаций, призывов к массовым беспорядкам, совершению самоубийств, пропаганды криминального образа жизни, потребления наркотических средств и размещения иной противоправной информации [1]. Обозначенные в Стратегии угрозы нередко обусловлены распространением в информационно-телекоммуникационном пространстве различных идеологических течений криминальной направленности.

Активное распространение криминальной идеологии в киберпространстве, пропагандирующей насилие, наркопотребление, самоубийства, пенитенциарную культуру и иные формы преступного и антиобщественного поведения, оказывает влияние на детерминацию преступности, формирует

Alexander S. Ilnitsky
Associate of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ilnickiias@gmail.com

THE MECHANISM OF CRIMINOGENIC INFLUENCE OF CRIMINAL IDEOLOGY ON THE INTERNET

Annotation. The active spread of criminal ideology in cyberspace, which promotes violence, drug use, suicide, penitentiary culture and other forms of criminal and antisocial behavior affects the determination of crime, forms the criminogenic qualities of the individual, participates in the processes of criminalization and victimization of the population. The article presents the mechanism of criminogenic influence of criminal ideology spread in the information and telecommunications space. The concept of the mechanism of criminogenic influence of criminal ideology on the Internet is formulated, its constituent components are identified, among which: persuasion, suggestion, infection and imitation, their characteristics are given.

Keywords: criminogenic impact, criminal ideology, Internet, criminal threats, criminological research, cyberspace, propaganda of criminal behavior, anti-criminal practice.

криминогенные качества личности, участвует в процессах криминализации и виктимизации населения. Подобные угрозы, распространяемые в информационно-телекоммуникационном пространстве, требуют выстраивания эффективных мер противодействия, направленных на минимизацию криминогенного потенциала криминальной идеологии в сети Интернет. Вместе с тем, обеспечение качественной антикриминальной практики в данной области невозможно без глубоких криминологических исследований, обеспечивающих своевременную диагностику происходящих криминальных процессов, определяющих содержание отдельных криминальных явлений обуславливающих преступность, формирующих криминологические технологии предупреждения преступлений [2, с. 9]. Отсюда, следует определить содержательные характеристики феномена криминальной идеологии, распространяемой в сети Интернет.

Одним из важнейших содержательных элементов криминальной идеологии, распространяемой в

информационно-телекоммуникационной сети Интернет, является механизм её криминогенного воздействия на сознание и поведение граждан, обеспечивающий наделение личности криминогенными качествами, способствующий криминализации и виктимизации населения на индивидуальном, групповом и массовом уровнях.

Механизм криминогенного воздействия криминальной идеологии в сети Интернет, являясь её содержательным элементом, основывается на закономерностях психологического воздействия, обеспечивающего влияние на состояние, мысли, чувства и действия человека с помощью исключительно психологических средств: внушения, убеждения, заражения и подражания [3, с. 4]. Указанные психологические средства воздействия нередко взаимодействуют между собой, что способствует более качественному влиянию на сознание и поведение индивида или отдельных социальных групп. Так, еще в конце XIX века Г. Лебон, рассматривая социально-психологическую характеристику масс (толпы) и способы воздействия на неё вожаками, указывал на то, что «...когда же дело идет о том, чтобы заставить душу толпы проникнуться какими-нибудь идеями или верованиями, например, современными социальными теориями, то применяются другие способы, преимущественно, следующие: утверждение, повторение, зараза» [4, с. 293]. Указанное не утратило своей актуальности и в результате современных информационно-технологических преобразований, что подтверждается трудами Г. Кёхлера, который акцентирует внимание на то, что с появлением Интернета образуется новая эра массовых коммуникаций, где решающим фактором становится виртуальная (цифровая толпа), подчиняющаяся общим законам психологии масс [5, с. 79].

В контексте теории информационно-психологического воздействия, внушение представляет собой целенаправленное и сознательно организуемое информационно-психологическое воздействие на конкретную аудиторию, осуществляемое на основе не критического восприятия информации с целью вызова определенного поведения объекта воздействия в соответствии с поставленными целями [6, с. 24]. Убеждение как один из способов информационно-психологического воздействия подразумевает систему ясных, четко сформулированных доводов (аргументов), выстроенных по законам формальной логики и обосновывающих выдвигаемую субъектом воздействия точку зрения [7, с. 410].

В рамках концепции психологического воздействия под психологическим заражением следует понимать непринужденный процесс передачи необходимых психологических состояний между индивидами или отдельными социальными группами. В свою очередь, психологическое подражание представляет осознанное или неосознанное следование (копирование) индивидом определенным взглядам, мнениям, верованиям и моделям поведения.

Отталкиваясь от имеющихся воззрений специалистов в области психологического воздействия

на сознание и поведение индивидов, а также, учитывая специфику феномена криминальной идеологии в сети Интернет, механизм её криминогенного воздействия может быть определен как процесс формирования антиобщественных взглядов и криминогенных качеств личности в результате изменений её ценностных ориентаций и мировоззренческих установок, вследствие взаимодействия с информацией, транслирующей криминальную идеологию в киберпространстве, реализуемый посредством убеждения, внушения, заражения и подражания.

В целях более детального определения содержания механизма криминогенного воздействия криминальной идеологии в сети Интернет, следует раскрыть основные его воздействующие компоненты.

Убеждение представляет собой способ воздействия на сознание и поведение граждан, реализуемый в результате распространения информации, транслирующей криминальную идеологию в киберпространстве, обращенный к логическому обоснованию, аргументированию и доказыванию «конструктивности» отдельных форм преступного поведения. Средства воздействия отдельных идеологических течений криминальной направленности, осуществляющие криминогенное влияние на пользователей киберпространства посредством убеждения характеризуются последовательностью и убедительностью, нередко обращены к обоснованию той или иной формы преступного поведения конкретными фактами и примерами.

Внушение можно определить как способ воздействия на сознание и поведение индивидов или отдельных их групп, основанный на некритическом восприятии информации, транслирующей криминальную идеологию, обращенный к эмоциям, чувствам адресатов с целью избрания преступного поведения. В отличие от аргументированности и логичности убеждения, внушение основано на апелляции к бессознательному – эмоциям человека, посредством вербальных и невербальных средств [8, с. 110].

Средства влияния отдельных идеологических течений криминальной направленности, в механизме воздействия которых имеет место быть внушение, нередко содержат готовые аргументы в пользу «конструктивности» преступного поведения и открытое оправдание преступной деятельности, которые, в первую очередь, воспринимаются субъектом, а впоследствии, происходит формирование антиобщественных взглядов и криминогенных свойств личности. Для эффективности внушения криминальной идеологии в сети Интернет привлекаются лидеры мнений (блогеры), пользующиеся популярностью, авторитетные интернет-сообщества, telegram-каналы и другие ресурсы с собственной аудиторией.

Подражание подразумевает под собой способ воздействия на сознание и поведение индивидов или отдельных их групп, реализуемый посредством распространения информации, транслирующей криминальную идеологию в кибер-

пространстве, направленный на воспроизводство субъектом определенных внешних признаков (атрибутивных элементов) и преступного поведения, вплоть до последовательности преступных действий.

Заражение представляет способ воздействия на сознание и поведение индивидов или отдельных их групп, направленный на передачу эмоциональных состояний субъекту, в результате которых происходит последовательное принятие идеологического течения криминальной направленности.

Рассматривая механизм воздействия криминальной идеологии в сети Интернет, следует взять во внимание концепцию соотношения механизмов воздействия на личность, предложенную Н.В. Матяш и Т.А. Павловой. В соответствии с ней, процесс перехода от заражения к убеждению взаимосвязан со снижением роли эмоций и преобладанием мыслительных процессов [9, с. 19]. Отталкиваясь от предложенной авторами концепции, можно сделать вывод о том, что влияние информации, транслирующей криминальную идеологию в сети Интернет посредством заражения,

внушения и подражания, в большей степени, обращено к лицам, имеющим низкий уровень образованности, культуры, правосознания, в то время как воздействие информации, транслирующей криминальную идеологию в киберпространстве, посредством убеждения способно оказывать криминогенное влияние на лиц с должным уровнем образования, накопленными знаниями, сформированным мышлением и системой ценностей.

Таким образом, сформулированное понятие «механизм криминогенного воздействия криминальной идеологии в сети Интернет» и выявленные его содержательные элементы, способствуют восполнению недостающих криминологических знаний о сущности феномена криминальной идеологии, распространяемой в киберпространстве, закономерностях её криминогенного воздействия на сознание и поведение граждан. Выявленная информация может быть положена в основу дальнейших криминологических исследований в данной области, будет способствовать формированию научно-обоснованных рекомендаций по противодействию криминальной идеологии в сети Интернет, с целью их внедрения в антикриминальную практику.

Литература:

1. Официальный сайт Президента РФ. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения 04.08.2022).
2. Симоненко А.В. Перспективные криминологические исследования Краснодарского университета МВД России в контексте современных криминальных угроз и проблем правоохранительной практики / А.В. Симоненко // Общество и право. 2018. № 3(65). С. 9–20.
3. Психология воздействия : практикум / Сост. О.Н. Саковская; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2017. 40 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон; Пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М. : Издательство АСТ, 2017. 384 с.
5. Кехлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? / Г. Кехлер // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75–87.
6. Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве / А.Я. Касюк // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. С. 22–34.
7. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века : монография. СПб. : Научное издание, 2017. 546 с.

Literature:

1. The official website of the President of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 02, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (date of the application 04.08.2022).
2. Simonenko A.V. Promising criminological studies of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of modern criminal threats and problems of law enforcement practice / A.V. Simonenko // Society and law. 2018. № 3(65). P. 9–20.
3. Psychology of impact : practicum / Comp. O.N. Sakovskaya; Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Yaroslavl : YarGU, 2017. 40 p.
4. Lebon G. Psychology of peoples and masses / G. Lebon; Transl. from French by E. Pimeneva, A. Friedman. M. : AST Publishing House, 2017. 384 p.
5. Kehler G. New social media: a chance or an obstacle for dialogue? / G. Kehler // Policy. Political studies. 2013. № 4. P. 75–87.
6. Kasyuk A.Ya. Informational and psychological impact in information confrontation / A.Ya. Kasyuk // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 2021. P. 22–34.
7. Makarenko S.I. Information warfare and electronic warfare in network-centric wars of the beginning of the XXI century : monograph. SPb. : High-tech technologies, 2017. 546 p.

8. *Батов М.А.* Модель психологического воздействия в оздоровительном процессе ветеранов боевых действий / М.А. Батов // *Акмеология*. 2009. № 1. С. 105–112.

9. *Матяш Н.В.* Методы активного социально-психологического обучения : учеб. пособие / Н.В. Маляш, Т.А. Павлова. 2-е изд., стер. М. : Издат. центр «Академия», 2010. 96 с.

8. *Batov M.A.* Model of psychological impact in the healing process of combat veterans / M.A. Batov // *Acmeology*. 2009. № 1. P. 105–112.

9. *Matyash N.V.* Methods of active socio-psychological training : textbook. manual / N.V. Malyash, T.A. Pavlova. 2nd ed., ster. M. : Izdat. center «Academy», 2010. 96 p.

Карлеба Владимир Александрович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
karleba@mail.ru

Vladimir A. Karleba
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Criminal Procedure,
Kuban State Agricultural University
karleba@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – НОВЫЕ РЕАЛИИ

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE – NEW REALITIES

Аннотация. В статье анализируется международное сотрудничество России в сфере уголовного судопроизводства в условиях санкционной политики западных государств на фоне специальной военной операции (СВО), проводимой Россией на Украине. Основное внимание уделяется причинным факторам, которые сводят на нет усилия России, Китая, Индии и других государств, в том числе, государств СНГ в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и наркобизнесом на международном уровне.

Annotation. The article analyzes Russia's international cooperation in the field of criminal justice in the context of the sanctions policy of Western states against the background of a special military operation (SVO) conducted by Russia in Ukraine. The main attention is paid to causal factors that negate the efforts of Russia, China, India and other states, including the CIS states, in the fight against terrorism, organized crime and drug trafficking at the international level.

Ключевые слова: международное сотрудничество, уголовное судопроизводство, экстрадиция, правовая помощь, санкционная политика государств, русофобия, специальная военная операция (СВО), Украина, терроризм, организованная преступность, наркобизнес.

Keywords: international cooperation, criminal proceedings, extradition, legal assistance, sanctions policy of states, Russophobia, special military operation (SVO), Ukraine, terrorism, organized crime, drug trafficking.

В 90-х гг. прошлого столетия многие российские ученые в области уголовного судопроизводства и даже практические работники полагали, что отказ от идеологических штампов и проведенные рыночные реформы полностью решат проблемы международного сотрудничества российских правоохранительных органов в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и наркобизнесом.

Безусловно, в реформировании уголовного судопроизводства в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступностью было сделано много и весьма продуктивно, но «хотелось как лучше, а получилось как всегда».

Они искреннее утверждали, что правоохранительные органы Российской Федерации должны стать частью единой мировой правоохранительной системы.

По этой причине постараемся реально оценить текущее состояние международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства и вовлеченности России в этот процесс.

В течение более 30 лет менялось уголовное, уголовно-процессуальное законодательство и вся структура правоохранительных системы по западным лекалам. В основной закон об уголовном судопроизводстве (УПК РФ) был внесен раздел «Порядок взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями», были приняты ряд других нормативных актов.

Уже не первое десятилетие США, Европейский союз и их союзники по НАТО ведут тотальную экономическую и финансовую войну с Россией, а нам приходится симметрично отвечать.

Так, на 15 августа 2022 года Правительство России включил США, Канаду, Японию, ряд стран входящих в ЕС (всего 49 стран) в число недружественных, то есть, политика этих государств угрожает территориальной целостности России либо может быть направлена на дестабилизацию экономической или политической деятельности в Российской Федерации. В правовой основе РФ такое понятие можно назвать подрывом конституционного строя страны, а в международном сообществе это называется государственным

терроризмом, так как страны, отнесенные в этот список, покушаются на существование России как самостоятельной страны и на существование российской нации, как таковой [1].

В конце июля 2022 г. Сенат США принял резолюцию, призывающую Государственный департамент признать Россию «государством – спонсором терроризма» из-за событий в Чечне, Грузии, Сирии и на Украине.

Это вопрос в настоящее время рассматривается в Конгрессе, а если и он объявит Россию «страной – спонсором терроризма», то об отношениях между двумя странами можно будет забыть, как и об отношениях со странами, входящими в НАТО и ЕС, а также со странами, являющимися союзниками этих государств [2].

Первой страной, пошедшей на подобный шаг стала Латвия, где 11 августа 2022 г. Сейм этой страны объявил Россию страной – спонсором терроризма.

Надо подчеркнуть, что с началом специальной военной операции (СВО) на Украине пошли резкие изменения и во взаимоотношениях правоохранительных органов России со своими коллегами за рубежом, а сотрудничество Генеральной прокуратуры РФ с подавляющим большинством стран Восточной и Западной Европы по вопросам экстрадиции обвиняемых прекратилось.

Так, если за январь-февраль 2022 г. Прокуратура РФ получила четыре отказа в выдаче запрашиваемых лиц, то в марте-мае 2022 г. их количество увеличилось до 43 и продолжает расти.

Одна лишь Федеративная республика Германия отказала в выдаче 13 обвиняемых, которые совершили преступления общеуголовной направленности [3].

В случаях отказа в экстрадиции обвиняемых, Австрия, Великобритания, Германию, Италия, Польша, Чехия и другие государства не скрывают политические мотивы отказа в принятых решениях, а в качестве официальных причин отказа указывают, якобы, на «противоречие» экстрадиции правовым принципам своих стран и неуверенность в соблюдении прав запрашиваемых лиц.

К сожалению, с началом специальной военной операции, проводимой Россией по защите мирного населения Донбасса от геноцида, совершаемого украинским режимом, русофобия в странах Северной Америке и в большинстве стран Европы поднялась на беспредельный уровень, в следствии чего, правоохранительные органы этих стран сознательно отказываются от сотрудничества с Россией в вопросах экстрадиции лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации

Нельзя не согласиться с мнением Генерального прокурора России Игоря Краснова, что подобные решения принимаются «в угоду политической конъюнктуре и приводят к уходу от ответственности лиц, совершивших преступления, в том числе, убийц, насильников и воров» [4].

Аналогичная ситуация складывается не только в вопросах экстрадиции, но и в вопросах оказания правовой помощи по уголовным делам.

Отдельные страны (Бельгия, Словакия, Словения и другие) уведомили Российскую сторону о прекращении взаимодействия не только в сфере выдачи и правовой помощи по уголовным делам, но и в области правоохранительного содействия.

В итоге, отвечая на подобные действия, Генеральная прокуратура РФ 23 марта 2022 г. вышла из Международной ассоциации прокуроров [5].

Необходимо указать на то, что ряд государств Европейского Союза и Великобритании предложили исключить членство России в Международной организации уголовной полиции (Интерполе), связав свои предложения с проведением Россией СВО на Украине. В частности, глава МВД Великобритании Прити Пател, выступая в Палате общин британского парламента, заявил: «Мы возглавим международные усилия, чтобы добиться этого» [6].

Генеральный секретариат Интерпола рассмотрел указанные обращения и выразил свои «глубочайшие сочувствие и скорбь в связи с гибелью людей и страданиями в связи с конфликтом в Украине», однако, в действиях российских правоохранителей политических интересов пока не заметил. Было подчеркнуто, что «нейтралитет имеет основополагающее значение для работы и существования Интерпола, даже когда страны-члены вовлечены в конфликт» [7]. В то же время, в целях предотвращения любых потенциальных злоупотреблений российскими правоохранительными органами каналами Интерпола, введен надзор и мониторинг в отношении участия России в работе этой организации.

В настоящее время запрещено российскому Национальному Центральному Бюро (НЦБ) Интерпола направлять запросы непосредственно в страны-члены Интерпола. По вновь введенному правилу, все запросы Россия направляет в Генеральный секретариат, где они проверяются на соответствие требованиям организации. В том случае, если нарушений установленных правил нет, то информация передается государствам-участникам, а они сами решают выполнять или нет подобные поручения [8].

В настоящее время имеются примеры прекращения двухсторонних международных отношений в борьбе с преступностью и между ведущими мировыми державами. Так, 5 августа 2022 г. Министерство иностранных дел Китая (КНР) сообщило, что в связи неоднократными провокациями со стороны США по Тайваню и усилению напряженности в регионе, Китай приостанавливает взаимодействия с США по вопросам уголовно-правовой помощи, борьбе с транснациональной преступностью и в области контроля за наркотиками [9].

Вполне очевидно, что подобные шаги США в международной политике серьезно нарушают международное право и принцип суверенного равенства государств, что может повлечь самые неблагоприятные последствия.

Вместе с тем, есть и примеры позитивного сотрудничества ведущих мировых держав в области уголовного судопроизводства.

В апреле 2022 года Россия и США обменялись заключенными. Российский летчик Константин Ярошенко, осужденный в Америке на 20 лет и отсидевший 10 из них, якобы, за контрабанду кокаина, возвратился на родину. Вашингтон согласился обменять его на своего гражданина – американца Тренора Рида, который в России получил тюремный срок за избиение полицейского.

В настоящее время ведутся переговоры по обмену российского бизнесмена осужденного в США, якобы, за торговлю оружием Виктора Бута на двух американцев – Бриттни Грайнер и Пола Уилана, которые задержаны и арестованы в России за контрабанду наркотиков и шпионаж, соответственно.

Подводя итог в описании современного состояния международного сотрудничества России с иностранными государствами в сфере уголовного

Литература:

1. Распоряжение правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р (в ред. от 23.07.2022 г.) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Справочная правовая система «Гарант». URL : <http://base.garant.ru/57791498/#friends> (дата обращения 18.02.2018).

2. Мур Екатерина «В борьбе с Россией все средства хороши» // Газета «Коммерсантъ». 28.04.2022. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/5238113> (дата обращения 18.08.2022).

3. Информация пресс-службы Генеральной прокуратуры РФ на запрос газеты «Коммерсантъ» // Сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения 18.08.2022).

4. Материалы для средств массовой информации // Сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения 18.08.2022).

5. Официальная информация Генеральной Прокуратуры РФ // Сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения 18.08.2022).

6. Рубникович О. Европа не выдаст, мир – не сдаст / О. Рубникович, Н. Сергеев // Газета «Коммерсантъ». 12.07.2022. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/5238113> (дата обращения 18.08.2022).

7. Заявление Генерального Секретариата Международной организации уголовной полиции

судопроизводства, хотелось подчеркнуть, что оно осложнено двойными стандартами, с которыми Запад подходит к России.

На место эффективной борьбы с терроризмом, организованной преступностью и наркобизнесом пришла сознательная политизация международного антикриминального сотрудничества, что, в конечном итоге, пойдет на пользу лишь международному криминалу, эффективная борьба с которым невозможна без равноправного взаимодействия всех стран, которые должны проявлять конструктивный подход, обеспечить деполитизированное и ответственное взаимодействие правоохранительных ведомств [10].

В данной статье мы привели лишь отдельные причинные факторы, которые сводят на нет усилия России, Китая, Индии и других государств, в том числе, государств СНГ в борьбе с преступностью на международном уровне, однако, именно они являются основными и требуют немедленного устранения.

Literature:

1. Decree of the Government of the Russian Federation № 430-r dated 05.03.2022 (as amended, dated 23.07.2022) «On approval of the list of foreign states and territories committing unfriendly acts against the Russian Federation, Russian legal entities and individuals» // Reference legal system «Garant». URL : <http://base.garant.ru/57791498/#friends> (date of the application 18.02.2018).

2. Ekaterina Moore «All means are good in the fight against Russia» // Kommersant newspaper. 04/28/2022. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/5238113> (date of the application 18.08.2022).

3. Information from the press service of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation at the request of the newspaper «Kommersant» [Electronic resource] // Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (date of the application 18.08.2022).

4. Materials for mass media // Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (date of the application 18.08.2022).

5. Official information of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation // Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (date of the application 18.08.2022).

6. Rubnikovich O. «Europe will not give up, the world will not give up» / O. Rubnikovich, N. Sergeev // Newspaper «Kommersant». 12.07.2022. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/5238113> (date of the application 18.08.2022).

7. Statement of the General Secretariat of the International Criminal Police Organization (Interpol) for

(Интерпола) по России от 10.03.2022 г. // Сайт Интерпола. URL : <https://www.interpol.int/Resources/Documents#General-Assembly> (дата обращения 18.08.2022).

8. Заявление Генерального Секретариата Международной организации уголовной полиции (Интерпола) по России от 10.03.2022 г. // Сайт Интерпола. URL : <https://www.interpol.int/Resources/Documents#General-Assembly> (дата обращения 18.08.2022).

9. Заявление МИД Китая от 05.08. 2022 г. в связи с посещением Тайваня Спикером палаты представителей США Нэнси Пелоси // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL : https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202208/t20220802_10732376.html (дата обращения 18.08.2022).

10. *Вишневецкий К.В.* Международное сотрудничество правоохранительных органов при расследовании уголовных дел о терроризме и экстремизме : учеб. пособие / К.В. Вишневецкий, В.А. Карлеба, Д.Д. Стронский. Краснодар, 2004. С. 57.

Russia dated 10.03.2022 // Interpol website. URL : <https://www.interpol.int/Resources/Documents#General-Assembly> (date of the application 18.08.2022).

8. Statement of the General Secretariat of the International Criminal Police Organization (Interpol) for Russia dated 10.03.2022 // Interpol website. URL : <https://www.interpol.int/Resources/Documents#General-Assembly> (date of the application 18.08.2022).

9. Statement of the Chinese Foreign Ministry dated 05.08.2022 in connection with the visit of the Speaker of the US House of Representatives Nancy Pelosi to Taiwan // Website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL : https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202208/t20220802_10732376.html (date of the application 18.08.2022).

10. *Vishnevetsky K.V.* International cooperation of law enforcement agencies in the investigation of criminal cases of terrorism and extremism : textbook / K.V. Vishnevetsky, V.A. Karleba, D.D. Stronsky. Krasnodar, 2004. P. 57.

Кашкаров Алексей Александрович

доктор юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
kashkarov79@yandex.ru

Alexey A. Kashkarov

Doctor of Law,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Crimean branch
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kashkarov79@yandex.ru

**ИНСТИТУТЫ
АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО
ПРАВА КАК ИНСТРУМЕНТ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ**

**INSTITUTES OF ADMINISTRATIVE
AND TORT LAW AS AN INSTRUMENT
OF DOMESTIC CRIMINAL LAW POLICY**

Аннотация. Отечественное административно-деликтное право неразрывно связано с институтами уголовного права и как следствие со всей уголовно-правовой политикой. Отечественный законодатель, особенно в последнее время, начиная с 2011 года, все активнее использует административно-деликтные положения в процессе уголовно-правового законотворчества. В публикации охарактеризованы признаки административно-деликтных институтов, которые используются отечественным законодателем при формировании уголовно-правовых норм, раскрыта их сущность и правовая природа.

Ключевые слова: преступление, административно-деликтное право, уголовное право, уголовная политика.

Annotation. Domestic administrative and tort law is inextricably linked with the institutions of criminal law and, as a consequence, with the entire criminal law policy. The domestic legislator, especially recently, since 2011, has increasingly used administrative and tort provisions in the process of criminal law-making. The publication describes the signs of administrative-tort institutions that are used by the domestic legislator in the formation of criminal law norms, reveals their essence and legal nature.

Keywords: crime, administrative and tort law, criminal law, criminal policy.

Отечественное административно-деликтное право неразрывно связано с институтами уголовного права и как следствие со всей уголовно-правовой политикой. Так, А.П. Шаргин отмечая тот факт, что в современных условиях административно-деликтное право является самостоятельной отраслью материального права, оно, все же, имеет уголовно-правовое происхождение. Он отмечает, что предметом рассматриваемой отрасли права являются административно-деликтные отношения, в рамках которых реализуется административная ответственность. Данные отношения, по своему содержанию и направленности, наиболее близки к уголовно-правовым отношениям. Об этом свидетельствует сходство основных институтов административно-деликтного и уголовного права, наличие значительного числа смежных составов административных правонарушений и преступлений в особенных частях КоАП РФ и УК РФ (более ста составов) [1], П.П. Серков отмечает, что наиболее тесные взаимосвязи административно-деликтное право имеет с уголовным правом. Их сближает общая

направленность, УК РФ и КоАП РФ, они решают одну стратегическую задачу предупреждения правонарушений [2].

Однако, отмечая такого рода тесную взаимосвязь указанных отраслей материального права, следует отметить, что отечественный законодатель, особенно в последнее время, начиная с 2011 года, все активнее использует административно-деликтные положения в процессе уголовно-правового законотворчества. Примером такого рода является административная преюдиция и сопряжение нескольких административных правонарушений при наличии определенного административно-правового статуса лица.

Институт административной преюдиции не является новеллой для отечественной уголовно-правовой политики, при принятии УК РФ 1996 года, отечественный законодатель отказался от его применения при конструировании уголовно-правовых норм, но в последствии от данной практики он отказался, в результате чего в УК РФ

появились новые уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность лиц имеющих определенный административно-деликтный статус – подвергнутым административному наказанию, примерами таких уголовно-правовых новелл являются преступления, предусмотренные ст. 1511 УК РФ (Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции); ст. 2121 УК РФ (Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования); ст. 2641 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию), а также – ряд других. Из этого можно сделать вывод о том, что наличие у лица, определенного судом правового статуса, которое обусловлено наличием административного наказания в соответствующих статьях УК РФ, признается конструктивным признаком, который характеризует такой элемент состава преступления, как субъект преступления.

Как нам представляется, целью регресса института административной преюдиции в уголовное право России является стремление отечественного законодателя оптимизировать национальную уголовно-правовую политику в сфере предупреждения противоправного поведения, повышение эффективности общей и частной уголовно-правовой превенции, дифференциации юридической ответственности в зависимости от характеристики личности правонарушителя, установление более сурового юридического наказания за неоднократное совершение противоправного деяния. Кроме того, наличие административной преюдиции в уголовном законодательстве обеспечивает реализацию одного из основных принципов уголовно-правового наказания, а именно, экономии репрессии, так как привлечение лица к административной ответственности, например по ст. нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (статья 20.2 КоАП РФ) обеспечивает предупреждение преступления, предусмотренного ст. 2121 УК РФ, а также, минимизирует возможность привлечения лица к ответственности по ст. 2121 УК РФ, при условии совершения общественно опасного деяния впервые.

Существование административной преюдиции в уголовном праве России подвергается систематически критике, как со стороны теоретиков, так и со стороны правозащитников-практиков. В некоторых случаях, критика правозащитников носит обоснованный характер, так, например, в специальной литературе указывается на неоднозначные законодательные формулировки при описании сущности административной преюдиции в различных нормах Особенной части УК РФ; кроме этого, теоретики уголовного права отмечают, что существование административной преюдиции недопустимо в условиях современной доктрины уголовного права [4, с. 119–125; 6, с. 64–71; 7, с. 271–275]. Однако административная преюдиция в уголовном праве России является законодательно устоявшимся институтом, что

обуславливает его существование в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Следует также упомянуть, что в последнее время в литературе, всё чаще, встречается идея выделения уголовных проступков, природа которых схожа с природой административной преюдиции [3, с. 282–286; 5, с. 90–96], однако, следует понимать, что уголовный проступок относится к потенциально возможному законодательно закреплённому институту, а административная преюдиция – фактически существующий институт.

Решения законодателя об использовании в УК РФ административной преюдиции как признака, конструирующего норму и проявляющего общественную опасность деяния, должны получить однозначный и системный характер, обеспечить выработку оптимальной модели взаимодействия норм административно-деликтного и уголовного права.

Приведённое выше доказывает необходимость исследования административной преюдиции в уголовном праве России в историческом, теоретическом и прикладном аспектах для разработки эффективных мер реализации её в сложившейся правоприменительной практике.

Административная преюдиция в уголовном праве, неоднократность и множественность в уголовном праве выступали предметом диссертационных исследований И.О. Грунтова, Ч.Ф. Мустафаева, М.В. Плотниковой, П.Д. Фризен, Т.Г. Черненко, а также иные исследователи. Проблемам административной преюдиции посвящены труды Г.А. Аванесова, И.Б. Агаева, А.А. Агеева, Н.Б. Алиева, Ю.М. Антоняна, И.Г. Бавсун, М.В. Бавсуна, А.Г. Безверхова, П.П. Бобровича, В.Б. Боровикова, А.В. Денисова, М.В. Денисенко, Г.А. Есакова, А.Н. Игнатова, Е.С. Изумовой, А.И. Ильяшенко, А.В. Кирина, М.И. Ковалева, В.И. Колосовой, И.И. Лапцевича, В.В. Лунеева, В.П. Малкова, И.И. Митрофанова, Е.В. Овечкеной, Ю.Е. Пудовочкина, Л.И. Романовой, А.И. Рагога, Э.Л. Сидоренко, Т.В. Серковой, С.М. Трейгера, Т.В. Устиновой, Н.И. Хавронюк, О.Е. Шишкиной, Е.В. Ямашевой и других авторов.

Однако, несмотря на определённого рода научный интерес к вопросам административной преюдиции в уголовно-правовой доктрине России, комплексные и монографические исследования данного института уголовного права проводились в советский период, а именно, диссертационное исследование И.О. Грунтова «Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией» (1985) и Ч.Ф. Мустафаева «Административная преюдиция в советском уголовном праве» (1986).

Приведённое свидетельствует о том, что комплексных исследований монографического уровня состояния, природы и перспектив административной преюдиции в современной теории уголовного права России не проводилось, что так же подчёркивает необходимость, актуальность и своевременность такого рода исследований.

Кроме административной преюдиции, отечественный законодатель использует также такой законодательный приём для конструирования состава преступления, как сопряжение в деянии виновного лица административно-правового статуса, установленного судом в соответствии с федеральным законом, а также, совершение этим же лицом административного правонарушения против порядка управления (за исключением административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), либо административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, либо административного правонарушения, посягающего на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность, либо административного правонарушения, предусмотренного частью 7 статьи 11.5, либо статьей 11.9, либо статьей 12.8, либо статьей 12.26 КоАП РФ.

Исследователи отмечают, что «отсутствие единообразного толкования термина «сопряженность» негативно сказывается на правоприменении, являясь, на наш взгляд, одной из причин противоречий в судебной практике. Важно подчеркнуть, что сопряженность – это связь двух самостоятельных явлений. Данные явления не соподчинены друг другу, не соотносятся как часть и целое. Этот вывод подтверждается и сравнением законодательно закрепленных признаков убийства и тех

Литература:

1. *Шергин А.П.* Размышления об административно-деликтном праве / А.П. Шергин // Актуальные проблемы российского права. 2017. №5 (78). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-ob-administrativno-deliktnom-prave> (дата обращения 16.08.2022).
2. *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. М. : Норма; Инфра-М, 2012.
3. *Кашкаров А.А.* Уголовный проступок: некоторые аргументы «за» / А.А. Кашкаров, А.Н. Игнатов, Д.В. Волков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4(27). С. 282–286.
4. *Кибальник А.Г.* Недопустимость административной преюдиции в уголовном законодательстве / А.Г. Кибальник // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2(7). С. 119–125.
5. *Коробов П.В.* Уголовный проступок: «за» и «против» / П.В. Коробов // Правоведение. 1990. № 5. С. 90–96.
6. *Лопашенко Н.А.* Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н.А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.
7. *Халитов Р.К.* Общественная опасность как основание криминализации деяния (в контексте криминализации деяний, обусловленных административной преюдицией) / Р.К. Халитов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2(7). С. 271–275.

преступлений, с которыми оно сопряжено» [8], М.В. Бавсун и Н.В. Вишнякова отмечают, что понятие «сопряженный» вообще следует исключить из УК РФ, либо ограничить его использование в правотворчестве [9].

Однако сопряженность, закрепленная законодателем в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, это - фактически устоявшийся законодательный инструментарий, который подразумевает совокупность неоднородных правонарушений, образующих преступление, при том условии, что лицо привлекалось к ответственности по ч. 1 и ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ и за совершение им нового правонарушения против порядка управления, образует ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. Таким образом мы говорим о том, что сопряжение административных деликтов не образует административную преюдицию в классическом её виде, но образует преступление. Схожую позицию высказывает О.М. Калинина [10], однако, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», не раскрывается.

Приведенное в публикации свидетельствует, что институты административно-деликтного права активно используются отечественным законодателем в процессе принятия уголовно-правовых норм.

Literature:

1. *Shergin A.P.* Reflections on administrative and tort law / A.P. Shergin // Actual problems of Russian law. 2017. № 5(78). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/razmyshleniya-ob-administrativno-deliktnom-prave> (date of the application 08/16/2022).
2. *Serkov P.P.* Administrative responsibility in Russian law: modern understanding and new approaches. M. : Norma; Infra-M, 2012.
3. *Kashkarov A.A.* Criminal offense: some arguments «for» / A.A. Kashkarov, A.N. Ignatov, D.V. Volkov // Forensic Library. Science Magazine. 2016. № 4(27). P. 282–286.
4. *Kibalnik A.G.* The inadmissibility of administrative prejudice in criminal law / A.G. Kibalnik // Forensic Library. Science Magazine. 2013. № 2(7). P. 119–125.
5. *Korobov P.V.* Criminal offense: «for» and «against» / P.V. Korobov // Jurisprudence. 1990. № 5. P. 90–96.
6. *Lopashenko N.A.* There is no administrative prejudice in criminal law! / N.A. Lopashenko // Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2011. № 3. P. 64–71.
7. *Khalitov R.K.* Public danger as a basis for the criminalization of an act (in the context of the criminalization of acts due to administrative prejudice) / R.K. Khalitov // Criminalist Library. Science Magazine. 2013. № 2(7). P. 271–275.

8. *Баландюк В.Н.* Понятие сопряженности убийства с иными преступлениями / В.Н. Баландюк, Н.Н. Салева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4(8).

9. *Бавсун М.В.* Сопряженность как уголовно-правовая категория / М.В. Бавсун, Н.В. Вишнякова // Общество и право. 2014. № 4(50). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sopryazhennost-kak-ugolovno-pravovaya-kategoriya> (дата обращения 16.08.2022).

10. *Калинина О.М.* Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения / О.М. Калинина // Сибирское юридическое обозрение. 2016. № 4(33). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/uklonenie-ot-administrativnogo-nadzora-voprosy-pravoprimeniya> (дата обращения 16.08.2022).

8. *Balandyuk V.N.* The concept of conjugation of murder with other crimes / V.N. Balandyuk, N.N. Saleva // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 4(8).

9. *Bavsun M.V.* Conjugacy as a criminal law category / M.V. Bavsun, N.V. Vishnyakova // Society and Law. 2014. № 4(50). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/sopryazhennost-kak-ugolovno-pravovaya-kategoriya> (date of the application 08/16/2022).

10. *Kalinina O.M.* Evasion of administrative supervision: issues of law enforcement / O.M. Kalinina // Siberian Legal Review. 2016. № 4(33). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/uklonenie-ot-administrativnogo-nadzora-voprosy-pravoprimeniya> (date of the application 08/16/2022).

Леонова Татьяна Вячеславовна
аспирантка уголовно-процессуальной
кафедры заочной формы обучения
факультета подготовки кадров
высшей квалификации,
Российский государственный
университет правосудия
tatayana768_768@mail.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 76.1 УК РФ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТЬЮ УК РФ

Аннотация. В данной работе исследуются отдельные основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 76.1 УК РФ, а также, проводится сравнительный анализ данной нормы с положениями особенной части УК РФ, в которых содержатся специальные основания освобождения от уголовной ответственности. На основании проведенного исследования сделан вывод о необходимости внесения изменений в текущее уголовное законодательство для устранения противоречий между общими и специальными нормами уголовного права и формирования единообразной правоприменительной практики.

Ключевые слова: условия освобождения от уголовной ответственности, примечания особенной части УК РФ, возмещение ущерба.

В 2011 г. в уголовное законодательство были внесены изменения, в результате которых, Общая часть УК РФ была дополнена ст. 76.1, предусматривающая особые основания освобождения от уголовной ответственности за противоправные деяния в сфере экономики [1].

Применение положений об освобождении от уголовной ответственности базируются на принципах общих идей гуманизма и справедливости. Это связано с тем, что в отдельных случаях, по отношению к правонарушителю наиболее гуманным и целесообразным будет реализация мер, направленных на прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, в связи с субъективным отношением лица,

Tatyana V. Leonova
Graduate Student of Criminal Procedure
Departments of Correspondence Education
Faculty of Personnel Training
of the Highest Qualification,
Russian State University of Justice
tatayana768_768@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PROVISIONS OF ART. 76.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SPECIAL GROUNDS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY PROVIDED FOR BY THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This paper examines the individual grounds for exemption from criminal liability under Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as a comparative analysis of this norm with the provisions of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation, which contain special grounds for exemption from criminal liability. On the basis of the study, it was concluded that it is necessary to make changes to the current criminal legislation in order to eliminate contradictions between general and special norms of criminal law and form a uniform law enforcement practice.

Keywords: conditions for exemption from criminal liability, notes of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation, compensation for damage.

совершившего уголовно-наказуемое деяние, а также это находится в тесной взаимосвязи с уровнем общественной опасности такого деяния, чем применение реальных мер государственного принуждения.

Мы согласны с позицией исследователей, которые отмечают тот факт, что включение ст. 76.1 УК РФ в Общую часть уголовного закона является достаточно серьезной ошибкой законодателя. Это связано с тем, что расширение отдельных видов освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления путем закрепления таких положений в Общей части повлекло за собой нарушение логику построения норм всего УК РФ и создало неоднозначный прецедент в

плане расширения Общей части специальными нормами, которые отсылают к узкому перечню статей из Особенной части [2].

Данная норма распространяется на определенный перечень составов преступлений, и указывает, что лицо, которое впервые совершило преступление, освобождается от уголовной ответственности, при условии, что оно возместит ущерб, причиненный в результате совершения преступления гражданину, организации или государству, а также, произведет перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной объема причиненного ущерба либо перечислит в федеральный бюджет доход, приобретенный за счет совершения преступного деяния, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения противоправных действий.

Основываясь на этом, можно сказать, что ст. 76.1 УК РФ закрепила три главных условия освобождения от уголовной ответственности:

- лицо впервые совершило уголовно-наказуемое деяние, указанное в данной статье;
- произошло полное возмещение ущерба, причиненного гражданину, организации или государству в результате совершения противоправных действий, или перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения своих преступных действий;
- перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причиненного ущерба или дохода, полученного в результате совершения своих преступных действий.

Следовательно, для применения положений ст. 76.1 УК РФ необходимо совершение впервые только тех уголовно-наказуемых деяний, которые непосредственно указаны в данной норме, и не имеет никакого значения, наличие у лица непогашенной или неснятой судимости за иные преступления. На этот же факт указывает и Верховный Суд РФ в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 [3].

Достаточно долгое время остается актуальным вопрос, что понимается под ущербом, причиненным бюджетной системе Российской Федерации. Если в статьях, регламентирующих ответственность за совершение преступлений в сфере налоговых правоотношений, полностью раскрывается, что входит в предмет возмещения (недоимка, пени, штраф), то появление нового законодательного понятия вызвало определенные споры. В первую очередь, это связано с тем, что такое понятие раскрывается в ином правовом акте, а именно в ст. 28.1 УПК РФ, где законодатель указал, что к возмещению ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, относится выплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об

обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика расчета размера пеней и штрафов.

В данном случае становится очевидным, что рассматриваемое определение гораздо шире и не равнозначно общепринятому определению ущерба, так как исключительно недоимка относится к прямому ущербу, причиненным в результате преступного налогового уклонения, так как пени же и штраф несут иную правовую природу.

На наш взгляд, стоит указать и на тот факт, что УПК РФ в качестве единственного основания прекращения уголовного преследования лица, совершившего деяния, предусмотренные ст. 198–199.1 УК РФ, прямо указывает именно на положения, предусмотренные ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, при этом полностью игнорируя нормы, содержащиеся в примечаниях к ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 Особенной части УК РФ. Однако между статьей Общей части УК РФ и статьями Особенной части существуют определенного рода противоречия в области механизма регулирования условий освобождения от уголовной ответственности, содержащихся в данных статьях уголовного закона [4].

Буквальное толкование ч. 1 ст. 76.1 УК РФ содержит в себе указание об обязанности со стороны виновного возместить исключительно ущерб бюджетной системе страны. Примечания к ст. 198 и 199 УК РФ закрепляют отличные от нормы Общей части УК РФ основания освобождения от уголовной ответственности – выплата лицом, совершившим преступное деяние соответствующей суммы недоимки по налогу (сбору), пеней, а также суммы штрафа.

Эффективность применения норм, регулирующих порядок освобождения от уголовной ответственности, во многом зависит от качества формулировки соответствующих статей УК РФ. основополагающим фактором в данном случае является системность и единообразие построения норм уголовного закона, которая должна проявляться, в том числе, и в однозначности используемых определений [5].

Следовательно, на основании выявленных противоречий, возникает проблема в правоприменительной деятельности, нормой общей или специальной части УК РФ нужно руководствоваться при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности: ч. 1 ст. 76.1 или примечаниями к ст. 198, 199, 199.1, 199.3 и 199.4 УК РФ. Поэтому мы считаем, что наличие в законе несовпадающих оснований освобождения от уголовной ответственности за рассматриваемые составы преступления является существенной недоработкой законодателя, ввиду чего нормы уголовного права нуждаются в систематизации и унификации.

Таким образом, на основании проведенного исследования, на наш взгляд, необходимо переосмотреть действующие положения ст. 76.1 УК РФ

ввиду дублирования положений данной статьи с примечаниями ст. 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ. В связи с чем, учитывая изложенное, а также то обстоятельство, что не следует допускать законодательную избыточность и перегруженность уголовного закона нормативным материалом, не имеющим прикладного значения, целесообразно исключить ч. 1 ст. 76.1 УК РФ из Общей части Уголовного кодекса РФ, а также, внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, и изложить в следующей редакции: «1. Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного

органа прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 198–199.1, 199.3, 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии оснований, предусмотренных статьями 24 и 27 настоящего Кодекса или примечаниями к статьям 198–199.1, 199.3, 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, в случае, если ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме».

Литература:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
2. *Кузнецов А.В.* Освобождение от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ / А.В. Кузнецов // *Право и государство: теория и практика.* 2016. № 7(139). С. 113–122.
3. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2020. № 1.
4. *Наумов В.В.* К вопросу об освобождении от уголовной ответственности по части 3 статьи 76/1 УК России / В.В. Наумов, И.А. Иванова // *Вестник Тульского университета (ТИЭИ).* 2016. Т. 1. № 7. С. 133–140.
5. *Антонов А.Г.* Соответствует Ли название ст. 76.1 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба) ее содержанию? / А.Г. Антонов // *Вестник Пермского института ФСИН России.* 2020. № 2(37). С. 5–9.

Literature:

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Federal Law № 420-FZ of 07.12.2011 // *Collection of the Legislation of the Russian Federation.* 2011. № 50. Art. 7362.
2. *Kuznetsov A.V.* Exemption from criminal liability under Part 2 of Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / A.V. Kuznetsov // *Law and State: Theory and Practice.* 2016. № 7(139). P. 113–122.
3. On the practice of application by the courts of legislation on liability for tax crimes: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019 № 48 // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.* 2020. № 1.
4. *Naumov V.V.* On the issue of exemption from criminal liability under part 3 of article 76/1 of the Criminal Code of Russia / V.V. Naumov, I.A. Ivanova // *Bulletin of the Tula University (TIEI).* 2016. Vol. 1. № 7. P. 133–140.
5. *Antonov A.G.* Does the title of Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (exemption from criminal liability in connection with compensation for damage) to its content? / A.G. Antonov // *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.* 2020. № 2(37). P. 5–9.

Марзей Азамат Асланович

старший преподаватель
кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики,
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова
mirzoev_azamat@mail.ru

Доткулов Эльдар Асланович

ассистент кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики,
Кабардино-Балкарский
государственный университет
имени Х.М. Бербекова
eldardotkulov@mail.ru

Заптиеv Ибрагим Заурбиевич

ассистент кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики,
Кабардино-Балкарский
государственный университет
имени Х.М. Бербекова
zaptiev@icloud.com

Бербекова Марина Хасанбиевна

ассистент кафедры
теории и истории государства и права,
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова
yucatan_line@mail.ru

**ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ
СУДИМОСТЬ, ПО ОТНОШЕНИЮ
К ЛИЦАМ, ПОДВЕРГНУТЫМ
АДМИНИСТРАТИВНОМУ
НАКАЗАНИЮ, КАК ОСНОВАНИЕ
ПРИЗНАНИЯ НОРМЫ,
НЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ
КОНСТИТУЦИИ РФ**

Аннотация. Гуманизация уголовного законодательства является общемировым трендом в последнее десятилетие. В попытках минимизировать число лиц, содержащихся за счет государственного бюджета, и, попутно с тем, увеличить или, как минимум, не сокращать число налогоплательщиков в трудовом возрасте, правительством принимаются спорные и непродуманные решения. Так как самым простым и действенным способом искусственно повлиять на число преступников является реформирование уголовного законодательства, то и наибольшее число ошибок проявляются именно в этой отрасли [1]. В исследовании были применены сравнительно-правовой метод, статистического и регрессионного

Azamat A. Marzei

Senior Lecturer
of the Department of Criminal Law,
Process and Criminalistics,
Kabardino-Balkar State University
named after H.M. Berbekov
mirzoev_azamat@mail.ru

Eldar A. Dotkulov

Assistant of the Department of Criminal Law,
Process and Criminalistics,
Kabardino-Balkar State University
named after H.M. Berbekov
eldardotkulov@mail.ru

Ibrahim Z. Zaptiev

Assistant of the Department of Criminal Law,
Process and Criminalistics,
Kabardino-Balkar State University
named after H.M. Berbekov
zaptiev@icloud.com

Marina Kh. Berbekova

Assistant of the Department of Theory
and History of State and Law,
Kabardino-Balkar State University
named after H.M. Berbekov
yucatan_line@mail.ru

**THE PRIVILEGED POSITION
OF PERSONS WITH A CRIMINAL RECORD
IN RELATION TO PERSONS SUBJECTED
TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT
AS A BASIS FOR RECOGNIZING
A NORM THAT DOES NOT COMPLY
WITH THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The humanization of criminal legislation has been a global trend in the last decade. In attempts to minimize the number of persons held at the expense of the state budget and simultaneously increase or, at least, not reduce the number of taxpayers in the working age, the government makes controversial and ill-considered decisions. Since the simplest and most effective way to artificially influence the number of criminals is to reform criminal legislation, then the greatest number of errors are manifested precisely in this industry [1]. Comparative legal method, statistical and regression analysis were used in the study. The authors propose the revision of Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal

анализа. Авторы предлагают редакцию статьи 158.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], чтобы привести её в соответствие с логикой построения других норм уголовного законодательства.

Ключевые слова: побои, мелкая кража, декриминализация, гуманизация, справедливость.

Code of the Russian Federation) [2] to bring it into line with the logic of the construction of other norms of criminal legislation.

Keywords: beatings, petty theft, decriminalization, humanization, justice.

Как правило, декриминализация состава преступления гарантированно приводит к снижению показателей преступности, в сравнении с тем, если этого не сделать. В ежегодных отчетах публикуемых Судебным департаментом при Верховном суде РФ [3] или Генеральной прокуратурой [4] фигурируют официальные данные, гласящие о снижении уровня преступности в стране, тогда как каких-либо предпосылок к тому не было, и детерминанты преступности остались при своих. Это создает ложное ощущение того, что предпринятые меры возымели должный эффект и оказались удачными, а, следовательно, подобную политику можно продолжить. Шаг за шагом,

декриминализируя кажущиеся незначительными деяния, мы рискуем взрастить личность преступника, выводя их из обзора правоохранительных органов в период их формирования. Законодательные изменения в таких случаях нацелены именно на те составы, по которым существует довольно большой пласт преступлений. Так было со статьей 158 УК РФ в 2016 году, так случилось и со статьей 116 годом позже. Для того, чтобы понять, как именно реформирование этих двух статей затронуло данные о состоянии преступности в России обратимся к судебной статистике [5] (табл. 1).

Таблица 1

Год	Осуждено (подвергнуто наказанию) лиц					
	Ст. 116 УК РФ	Ст.116.1 УК РФ	Ст. 6.1.1 КоАП РФ	Ст. 158 УК РФ	Ст.158.1 УК РФ	Ст. 7.27 КоАП РФ
2017	3949	296	113437	175304	1259	121538
2018	814	922	120807	164739	3648	124542
2019	743	1386	118070	150495	5033	129185
2020	607	1629	107947	133797	5773	113167
2021	511	1809	109801	148591	6857	108667

Согласно данным судебной статистики, количество лиц, осужденных за совершение деяний, предусмотренных ст. 116.1 и 158.1 с момента их введения в УК РФ, непрерывно возрастает, что свидетельствует о недостаточности исправительного воздействия оказываемого привлечением к административной ответственности за аналогичные деяния.

Статья 116.1 была введена В УК РФ в рамках его гуманизации. Смягчение уголовной политики достигалось путем ст. 116 «Побои», в которую был включен новый признак мотива в виде хулиганских или дискриминационных побуждений.

Для того, чтобы уж совсем не легализовать побои и не допустить невозможность привлечения лица к ответственности, в случае отсутствия одного из этих мотивов, были реализованы две меры. Первая заключалась в том, что в Кодекс об административных правонарушениях [6] также ввели новую статью 6.1.1. «Побои», практически повторив в ней текст старой статьи из УК РФ. Вторая мера выражалась в том, что некоторых лиц, совершивших побои, всё же, могли привлечь к уголовной ответственности по признаку, напоминающему изъятый из уголовного права институт неоднократности (ст.116.1 УК РФ).

Помимо того, что данное решение шло вразрез с общественным мнением о необходимости борьбы с «домашним насилием» [7], оно еще и создало малозаметную коллизию, которую

удалось разрешить Конституционному Суду Российской Федерации лишь спустя 5 лет после вступления изменений в силу благодаря обращенной к нему жалобе [8].

Конституционность данной нормы оспаривалась гражданкой Л.Ф. Саковой, которой, согласно исследованным в суде материалам, неоднократно наносил побои её брат С, проживавший на момент обращения с ней в одном доме.

Так, 17 сентября 2018 года С. был привлечен к административной ответственности в виде штрафа за нанесение побоев Саковой по ст. 6.1.1. КоАП РФ. 28 мая 2019 года С. был привлечен уже к уголовной ответственности в виде обязательных работ по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 115 и 116.1 УК РФ. 16 октября 2019 года С. вновь нанес побои Саковой, что было расценено мировым судьей, рассматривавшим дело, как административное правонарушение по ст. 6.1.1. КоАП РФ. По какой причине судья не назначил уголовное наказание, ведь налицо была неоднократность совершения деяний со стороны С.? Дело в том, что в тексте статьи 116.1 УК РФ было указано, что субъектом данного преступления могло быть только лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние. Назначенный С. штраф 17 сентября 2018 года был выплачен 03 октября 2018 года. Согласно ч. 2 ст. 4.6 КоАП РФ, лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение 1 года со дня уплаты

штрафа. То есть, к моменту совершения побоев 16 октября 2019 года С. уже не мог считаться привлеченным к административной ответственности в виду истечения срока в один год. Наличие у С. непогашенной уголовной судимости по аналогичным статьям не могла характеризовать его в глазах закона как нарушившего положение норм УК РФ. Именно на это положение и опирался судья, когда выносил решение в отношении С. по делу о побоях.

По мнению Л.Ф. Саковой, такая норма не обеспечивала эффективной защиты от домашнего насилия и не позволяла привлечь к уголовной ответственности за побои (при отсутствии признаков, указанных в ст. 116 УК РФ) лицо, имеющее неснятую и непогашенную судимость по ст. 116.1.

Конституционный суд согласился с позицией Саковой и признал данное положение не соответствующим Конституции в той части, в которой оно «ведет к неоправданным различиям между пострадавшими от противоправных посягательств, ставит лиц, имеющих судимость, в привилегированное положение по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию».

На основании Постановления Конституционного суда в УК РФ были внесены изменения, после чего уголовно наказуемым стало совершение побоев лицом, имеющим судимость за преступление совершенное с применением насилия. Таким образом, был устранен привилегированный статус лиц, имеющих судимость, по отношению к лицам, подвергнутым административному наказанию, и заложен фундамент для будущих споров о том, что именно можно отнести к категории преступлений, совершенных с применением насилия.

Данная формулировка размывает границы между однородными побоями преступлениями (ст. 115, 116 УК РФ) и, например, разбоем (ст. 162) или изнасилованием (ст. 131). Применение насилия в последних случаях является для них конструктивным признаком, хотя и не характеризует основной непосредственный объект в виде собственности или половой свободы и половой неприкосновенности личности соответственно. Разрешить данный вопрос должен Пленум Верховного суда РФ в соответствующем постановлении.

Что же касается способа устранения изначальной коллизии в виде добавления в статью квалифицированного состава по признаку специального субъекта, – то нам кажется, что данная идея может послужить вполне приемлемым выходом из аналогичных ситуации, которые содержатся в УК РФ.

Например, статья 158.1 УК РФ связана со статьей 7.27 КоАП РФ. Обе статьи предусматривают ответственность за «мелкое хищение». Под «мелким», исходя из положений обоих Кодексов, следует понимать хищение чужого имущества, чья стоимость не превышает 2,5 тыс. рублей. Логика здесь уже знакомая: за первое мелкое хищение полагается административное наказание согласно КоАП РФ, а за повторное следует

уголовное наказание. Но, как и в случае со статьей 116.1 УК РФ, здесь (в ст. 158.1 УК РФ) есть признак, характеризующий лицо как «подвергнутое административному наказанию». Данный признак вновь рождает ту же цепь несостыковок, на которые Конституционный суд пока не обратил внимания.

Чтобы лучше понять, в чем тут коллизия, представим себе такую ситуацию:

Некий Ф. 01 января 2022 года совершил кражу бутылки водки стоимостью 100 рублей, за что был привлечен к административной ответственности в виде штрафа по ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ. В тот же день Ф. выплатил штраф, после чего начался срок в один год, в течение которого он считается подвергнутым административному наказанию. 31 декабря 2022 года Ф. вновь совершил подобную кражу, за что был привлечен уже к уголовной ответственности по ст. 158.1 в виде штрафа. Выплатив в виде штрафа свой бюджет на январские выходные, раздосадованный Ф., 02 января 2023 года вновь совершил кражу бутылки водки стоимостью 500 рублей. Какую же норму нарушил Ф.? Несмотря на то, что исправительного эффекта уголовное наказание не возымело и налицо неоднократность игнорирования норм права, Ф. невозможно привлечь к уголовной ответственности, так как за день до последней кражи он утратил статус лица, привлеченного к административной ответственности. Наличие же у него судимости не имеет никакого значения для квалификации дела, что выглядит весьма странным.

В связи с вышеизложенным, и опираясь на смысл исследованного в работе Постановления Конституционного суда, считаем возможным предложить ст. 158.1 УК РФ в следующей редакции:

«УК РФ Статья 158.1. Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость:

1. Мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до двух месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

2. Мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, имеющим судимость за аналогичное преступление, наказывается штрафом в размере до шестидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до четырех месяцев, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок

до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок

до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет».

Литература:

1. *Мирзоев А.А.* Методологические рекомендации и анализ недостатков использования статистики в изучении уголовно-правовых дисциплин / А.А. Мирзоев // Современный ученый, 2017. № 3. С. 237–240.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения 16.08.2022).
3. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 16.08.2022).
4. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2021. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL : <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 29.07.2022).
5. Сайт судебной статистики Агенства правовой информации АПИ-пресс. URL : <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 16.08.2022).
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения 09.08.2022).
7. Наказание за домашнее насилие ужесточат в течение полугода. URL : <https://pravo.ru/news/231185> (дата обращения 09.08.2022).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381845/ (дата обращения 09.08.2022).

Literature:

1. *Mirzoev A.A.* Methodological recommendations and analysis of the shortcomings of the use of statistics in the study of criminal law disciplines / A.A. Mirzoev // Modern Scientist. 2017. № 3. P. 237–240.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 14.07.2022, with amendments and additions, intro. effective from 07/25/2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (date of the application 16.08.2022).
3. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (date of the application 16.08.2022).
4. Monthly collection on the state of crime in Russia for January – December 2021. Portal of legal Statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <http://crimestat.ru/analytics> (date of the application 07/29/2022).
5. Website of judicial statistics of the Legal Information Agency API-press. URL : <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (date of the application 08/16/2022).
6. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (ed. of 14.07.2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (date of the application 09.08.2022)/
7. Punishment for domestic violence will be tightened within six months. URL : <https://pravo.ru/news/231185> (date of the application 09.08.2022).
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.04.2021 № 11-P «In the case of checking the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.F. Sakova». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381845/ (date of the application 09.08.2022).

Некоз Аркадий Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
89832494011@mail.ru

Nekoz Ark. Sergeevich

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law,
East Siberian branch
of the Russian State University of Justice
89832494011@mail.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: KAI AMBOS,
ANTONY DUFF, JULIAN ROBERTS
AND THOMAS WEIGEND (EDS.),
CORE CONCEPTS IN CRIMINAL LAW
AND CRIMINAL JUSTICE: VOLUME I,
CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2020**

**BOOK REVIEW: KAI AMBOS, ANTONY
DUFF, JULIAN ROBERTS AND THOMAS
WEIGEND (EDS.), CORE CONCEPTS IN
CRIMINAL LAW AND CRIMINAL JUSTICE:
VOLUME I, CAMBRIDGE UNIVERSITY
PRESS, 2020**

Аннотация. Изучение уголовного права не может ограничиваться только лишь изучение отечественного уголовного закона, необходим более широкий подход в указанной сфере. И, прежде всего, это необходимо для проведения сравнительно-правовых исследований. В данной рецензии автор затрагивает основные вопросы, рассмотренные в рецензируемой монографии, отмечает сильные и слабые стороны изложения, а также, обращает внимание на ценность настоящей работы для отечественного исследователя.

Ключевые слова: сравнительное уголовное право, уголовная ответственность, преступное действие, криминальная рискология.

Изучение уголовного права не может ограничиваться только лишь изучение отечественного уголовного закона, необходим более широкий подход в указанной сфере. И, прежде всего, это необходимо для проведения сравнительно-правовых исследований. Несмотря на свою дороговизну, указанного рода исследования призваны достичь важнейших целей, которые, по выражению Цвейгера и Хётца, определяются как «законодательная компаративистика» и «научно-теоретической компаративистики» [1].

Наличие блока сравнительно-правового блока в научной работе является не только признаком хорошего тона, но и призвано обогатить не только работу, но и самого автора новыми знаниями, которые могут быть подвергнуты критическому анализу в контексте возможности и целесообразности появления схожей правовой нормы или правового механизма регулирования общественного отношения в рассматриваемой сфере.

Одним из примеров такой научной кооперации выступает рассматриваемая нами книга.

Заявленный научный коллектив поистине «звёздный»: это и профессор Амбос [Kia Ambos],

Annotation. The study of criminal law cannot be limited only to the study of domestic criminal law, a broader approach is needed in this area. And, above all, it is necessary for conducting comparative legal research. Within the framework of the review, the author touches upon the main issues discussed in the monograph under review, notes the strengths and weaknesses of the presentation, and draws attention to the value of this work for a domestic researcher.

Keywords: comparative criminal law, criminal liability, criminal action, criminal riskology.

представляющий Геттингенский университет, это и профессор Дафф [Antony Duff], представляющий Стерлингский университет, это и профессор Робертс [Julian Roberts], представляющий Оксфорд, это и профессор Вейгенд [Thomas Weigend], представляющий Кельнский университет – крупнейшие и известнейшие специалисты как в области сравнительного уголовного права, так и международного права. Также, к команде авторов примкнул доктор права Хайнце [Alexander Heinze], который, может быть, не так известен, как вышеназванные коллеги, но демонстрирующий прекрасные успехи в области сравнительного правоведения.

В части 1 указывается, что работа является итогом первого этапа масштабного научного проекта «Англо-немецкие диалоги». Авторы исследования отмечают, что в современном мире уголовное право и уголовный процесс становятся все более и более подвержены процессу глобализации, что стимулирует развитие изучения общих конструкции и проблем правоприменительной практики во всем многообразии правовых порядков существующих стран. Отчасти, это стало также возможным и благодаря развитию системы международных и

смешанных трибуналов. Но в этой ситуации обнажается одна из важных проблем, которую можно скорее отнести к сфере... лингвистики – английский язык становится новым «*lingua franca*» для сравнительного уголовного права и международного права. Но стоит, все же, признать, что не все основные концепции и теоретически конструкции, используемые в деятельности международных и смешанных трибуналов, имеют англо-американское происхождение, а вышли из континентальной системы права, к которым мы можем отнести Германию, Францию и Италию. Отсюда возникает проблема следующего толка, которая уже может быть определена как переводческая: переводя на английский язык положения национального права означенных государств, порой, невозможно избавиться от ошибок в передаче точного смысла указанных концепций и положений, так как все они обладают своим уникальным юридическим контекстом. Всё это, фактически, не позволяет ученым из стран Англо-Американского права вести именно обоснованную научную дискуссию со своими коллегами из Континентальной Европы.

Отсюда, авторы видят основной целью данного научного проекта исследование концептуальных начал и принципов, которые лежат в основе построения системы национального права и учитывают местные особенности применения.

В качестве предмета исследования были выбраны основные законоположения двух блоков стран: *немецкоговорящие* (Германия, Австрия и Швейцария) и *англоговорящие* (Англия и Уэльс, Шотландия, США и Канада). Исходя из этого, и выстраивается внутренняя логика сборника.

Часть 2 посвящена вопросам собственно уголовного права и состоит из пяти групп преступлений, которые подвергаются анализу:

- преступное бездействие (*omissions*);
- приготовление к преступлениям (*preparatory offences*);
- соучастие в преступлении (*participation in crime*);
- описание «согласия» в законах, относящихся к преступлениям, на сексуальной почве (*consent in the law relating to sexual offences*);

Литература:

1. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2-х т. Т. I. Основы / К. Цвайгерт, Х. Хётц; Пер. с нем. М., 2000. 480 с.
2. Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice / K. Ambos, A. Duff, A. Heinze, J. Roberts, T. Weigend. Cambridge : Cambridge University Press, 2022.

террористические преступления (*terrorism offences*).

Часть 3 затрагивает вопросы уголовного правосудия и процедурных аспектов:

- принцип пропорциональности наказания в странах Общего права и в Германии (*Proportionality of punishment in Common law jurisdictions and in Germany*);
- учет рецидива при вынесении приговора (*Criminal history enhancements at sentencing*);
- проведение официального разбирательства (*Due process*); роль прокурора (*The role of the prosecutor*);
- сделка о признании в Германии, Англии и США (*Negotiated case dispositions in Germany, England and the United States*);
- исключение или неиспользование доказательств, полученных ненадлежащим способом в уголовном процессе: акцентируя внимание на Общем праве и немецких подходах (*Exclusion or non-use of illegally gathered evidence in the criminal process: focus on Common Law and German approaches*).

Как нам представляется, наличие походного исследования может быть полезно отечественному ученому не только с позиции обращения к доктрине и практике иностранных юрисдикций, но и представляется весьма интересной с точки зрения методического содержания, а также – с точки зрения обращения к источникам исследования.

Также, выскажем убежденность в том, что обращение к такого рода работам может быть полезно и представителям студенческой науки, которые только делают первые шаги в ней и могут не знать отдельных положений зарубежного уголовного права, уголовного процесса и организации системы правосудия – обращение же к указанному сборнику поможет им восполнить указанный пробел.

Также, стоит отметить, что авторский коллектив не оставил данный проект и в 2022 году издал второй сборник, который представляет известный интерес для исследования [2].

Literature:

1. Zweigert K. Introduction to Comparative Law in the Sphere of Private Law : in 2 vol. Vol. I. Fundamentals / K. Zweigert, H. Hötz; Trans. with him. M., 2000. 480 p.
2. Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice / K. Ambos, A. Duff, A. Heinze, J. Roberts, T. Weigend. Cambridge : Cambridge University Press, 2022.

Некоз Аркадий Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
89832494011@mail.ru

**УБИЙСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ
ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
КРАТКАЯ ЗАМЕТКА**

Аннотация. Изучение опыта иностранных государств является одним из важнейших направлений в построении не только отечественной системы прав, но и в развитии системы научного знания. Сравнительный метод исследования расширяет законодательный материал науки за пределы отечественного права. В особенности, такое расширение необходимо для науки русского уголовного права в виду тех обильных заимствований с запада, которые делались и делаются при всех наших законодательных работах в сфере уголовного права. Автором затрагиваются вопросы действующей системы уголовной ответственности за убийство по праву Южно-Африканской Республике (далее – ЮАР). На основе диалектического, общенаучного и сравнительно-правового методов автор формулирует отдельные предложения по учету иностранного опыта в отечественных реалиях.

Ключевые слова: убийство, судебная практика, иностранное право, наказание, квалифицирующие признаки.

Изучение опыта иностранных государств является одним из важнейших направлений в построении не только отечественной системы прав, но и в развитии системы научного знания. Как отмечал Н.Д. Сергеевский: «Сравнительный метод исследования расширяет законодательный материал науки за пределы отечественного права. В особенности, такое расширение необходимо для науки русского уголовного права, в виду тех обильных заимствований с запада, которые делались и делаются при всех наших законодательных работах в сфере права уголовного» [1].

Еще один аргумент в пользу использования сравнительно-правового метода исследования и изучения опыта зарубежных стран – необходимость выстраивания наиболее работоспособной и жизнеспособной системы уголовно-правовых запретов, которые бы отвечали запросам не только общества, но и экономике и стратегическим интересам государства. Примером может служить стремление государств по унификации положений уголовных законов по группе, т.е., «преступлений международного характера», которые

Arkady S. Nekoz

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law,
East Siberian branch
of the Russian State University of Justice
89832494011@mail.ru

**MURDER UNDER THE CRIMINAL LAW
OF THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA:
A BRIEF NOTE**

Annotation. The study of the experience of foreign countries is one of the most important directions in building not only the domestic system of rights, but also in the development of the system of scientific knowledge. The comparative method of research expands the legislative material of science beyond the boundaries of domestic law. In particular, such an expansion is necessary for the science of Russian criminal law in view of the abundant borrowings from the West that have been made and are being done in all our legislative work in the field of criminal law. The author touches upon the issues of the current system of criminal responsibility for murder according to the law of the Republic of South Africa (hereinafter – South Africa). Based on dialectical, general scientific and comparative legal methods, the author formulates separate proposals for taking into account foreign experience in domestic realities.

Keywords: murder, judicial practice, foreign law, punishment, qualifying signs.

затрагивают интересы подавляющего большинства государств и демонстрируют общую готовность государств для противодействия им (к примеру, пресечение торговли людьми, использование рабского труда, незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и т.п.) [2]. Также, стоит отметить, что появление межгосударственных объединений и политико-экономических блоков различных государств ставит задачу по созданию единой системы предупреждения и противодействия видам преступлений, которые затрагивают интересы всех участников таких объединений. Не стало исключением и объединение государств БРИКС. Так, согласно Декларации XII саммита БРИКС в Санкт-Петербурге 2020 г. [3] и Декларации XIII саммита БРИКС в Нью-Дели 2021 г. [4], особо подчеркивалась необходимость повышения уровня взаимодействия стран-участниц по предупреждению.

К сожалению, стоит признать, что в отечественной юридической литературе вопросы уголовного права Южно-Африканской Республики (далее –

ЮАР) представлены весьма скромно, что и побудило нас к написанию настоящей заметки.

Одним из преступлений, которое признается уголовно-наказуемым во всех государствах мира с известными изъятиями, является преступное умерщвление другого человека – убийство.

Согласно Конституции ЮАР (*см. 11*), каждому гарантируется право на жизнь. Зеркальное отображение этого права получило в уголовном праве. Преступления против жизни человека и личности представлены следующими видами посягательств:

– убийство и покушение на него, непредумышленное убийство, инфантицид (детоубийство) и неонатцид (убийство новорожденных);

– прерывание беременности, насильственное нападение;

– насильственное нападение с намерением причинить тяжкие телесные повреждения;

– похищение человека, преднамеренное и грубое унижение человеческого достоинства (*Crimen injuria*), дефамация [5].

Ввиду большого числа преступных деяний, мы бы хотели сконцентрировать внимание именно на убийстве.

Обратимся к данным судебной статистики [6]:

Таблица № 1

«Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за убийство (murder)»

Кол-во лиц	2011/12	2012/13	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20
	15.554	16.213	17.023	17.805	18.673	19.016	20.336	21.022	21.325

Учитывая особый характер правовой системы ЮАР [7], понятие «убийства» было сформулировано в ряде судебных решений (*к примеру, S v Ntuli 1975 (1) SA 429 (a)*) [8] и в Criminal Procedure Act 56 of 1955 [9], и под ним следует понимать умышленное незаконное умерщвление другого разумного создания. Отсюда, мы можем выделить характеристики этого преступления: незаконность (*unlawfulness*), причинение смерти другому человеку (*causing the death of another person*) и умышленность (*Intent*).

Незаконность означает причинение смерти человеку в нарушение существующих положений законодательства. Вместе с тем, в ЮАР существует определенная проблема, связанная с восприятием эвтаназии и отграничением её от помощи в самоубийстве. В одном из решений, Верховный суд Южного Гаутенга (дело *S v Agliotti*) отметил: «Эвтаназия является возможной исключительной в медицинской сфере, тогда как помощь в самоубийстве может иметь гораздо более широкое распространение и подпадать под различные обстоятельства... Мы можем сделать вывод о том, что любое лицо, которое помогает любому другому лицу совершить самоубийство, не говоря уже о том, чтобы фактически лишить его жизни по его просьбе, является виновным в совершении преступления».

Причинение смерти другому человеку означает, что лицо должно лишать жизни другое живое лицо, которое между тем не подпадает под критерии детоубийства (ребенок до 1 года) и убийства новорожденного (ребенок в течение 24-х часов после появления на свет) [10]. Первостепенным

Литература:

1. *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1887. С. 57.
2. *Траинин А.А.* Уголовная интервенция / А.А. Траинин; Под ред. А.Я. Вышинского. М., 1935. 100 с.

здесь является вопрос определения живого разумного создания для целей данного преступления. Доктрина выработала подходы, согласно которым, таковым надлежит считать человека, который был живорожденным и продолжал быть живым до того момента, когда в отношении него было совершено посягательство.

Вопрос же живорождения определяется в ст. 272 (1) Акта 56 1955 года, который под ним понимает: «Он дышал, независимо от того, имел ли самостоятельную или нет циркуляцию крови, и также не требуется доказывания факта отделения от матери в момент убийства».

В случае, если лицо намеревалось совершить убийство, но потерпевший уже был мертв на момент совершения преступления, то действия такого лица квалифицируются как покушение на совершение убийства.

Умышленность предполагает, что лицо, совершающее убийство, действует с намерением. Отличием от небрежности служат фактические обстоятельства дела, к которым можно отнести используемое орудие совершения преступления, модель и калибр оружия, создания благоприятной обстановки совершения и т.п. Мотивы для квалификации неважны.

Подводя промежуточный итог, отметим, что изучение зарубежного опыта является одним из важнейших направлений отечественной науки уголовного права и требует постоянного обновления доктринального и практического материала.

Literature:

1. *Sergeevsky N.D.* Russian criminal law. A guide to lectures. The part is common. SPb., 1887. P. 57.
2. *Trainin A.A.* Criminal intervention / A.A. Trainin; Edited by A.Ya. Vyshinsky. M., 1935. 100 p.

3. Московская декларация XII саммита БРИКС. URL : <http://kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения 07.06.2022).

4. Декларации XIII саммита БРИКС в Нью-Дели. URL : <https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения 07.06.2022).

5. Criminal law in South Africa / Gerhard Kemp (editor) [et al.]. Second edition. Cape Town, South Africa : Oxford University Press, Southern Africa, 2015. Vol. XXXIV. 698 p.

6. Crime Statistics of the South African Police Service. URL : <https://www.saps.gov.za/services/crimes tats.php> (date of the application 07.06.2022).

7. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / Под общ. ред. А.Н. Савенкова; Науч. ред и рук. Авт. кол. А.И. Чучаев. М., 2022. С. 686.

8. The Southern African Legal Information Institute. URL : <http://www.saflii.org.za> (дата обращения 07.06.2022).

9. South African Government. URL : <https://www.gov.za/documents/criminal-procedure-act-19-may-2015-1252> (дата обращения 07.06.2022).

10. Van der Westhuizen C. 'An historical overview of infanticide in South Africa', *Fundamina : A Journal of Legal History*. 2009. Vol. 15. № 2. P. 174–192.

3. Moscow Declaration of the XII BRICS Summit. URL : <http://kremlin.ru/supplement/5581> (date of the application 06/07/2022).

4. Declarations of the XIII BRICS Summit in New Delhi. URL : <https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs> (date of the application 06/07/2022).

5. Criminal law in South Africa / Gerhard Kemp (editor) [et al.]. Second edition. Cape Town, South Africa : Oxford University Press, Southern Africa, 2015. Vol. XXXIV. 698 p.

6. Crime Statistics of the South African Police Service. URL : <https://www.saps.gov.za/services/crimes tats.php> (date of the application 07.06.2022).

7. Criminal law of the Russian Federation: a problematic course for undergraduates and graduate students : in 3 vol. Vol. 1. Introduction to criminal law / Ed. ed. A.N. Savenkov; scientific ed and hands. Auth. count A.I. Chuchaev. M., 2022. P. 686.

8. The Southern African Legal Information Institute. URL : <http://www.saflii.org.za> (date of the application 07.06.2022).

9. South African Government. URL : <https://www.gov.za/documents/criminal-procedure-act-19-may-2015-1252> (date of the application 07.06.2022).

10. Van der Westhuizen C. 'An historical overview of infanticide in South Africa', *Fundamina : A Journal of Legal History*. 2009. Vol. 15. № 2. P. 174–192.

Нимировский Виталий Валерьевич

кандидат юридических наук,
оперуполномоченный
по особо важным делам
Управления собственной безопасности,
Главного управления МВД России
по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области
sktmk1@mail.ru.

Нимировская Юзефа Казимировна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии,
Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
yuzefa_nimirovskaya@mail.ru

ТОРГОВЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ОРГАНАМИ КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ТОРГОВЛЮ ЛЮДЬМИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье проанализирован основной нормативно-правовой акт Совета Европы – Конвенция Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами от 09 июля 2014 года. В ходе анализа пунктов Конвенции акцентируется внимание на необходимость совершенствования международно-правовой основы противодействия и предупреждения торговле людьми. Сделан вывод о том, что уголовное законодательство Российской Федерации не противоречит основным международно-правовым актам Совета Европы по противодействию торговле людьми, однако, важно установить запрет на незаконный оборот человеческих органов или тканей, несмотря на имеющиеся в УК РФ уголовно-правовые нормы.

Ключевые слова: международно-правовое сотрудничество, торговля человеческими органами, торговля людьми, нормативно-правовые документы.

■ ■ ■

Проблема торговли людьми, несмотря на уже действующие механизмы противодействия и предупреждения торговле людьми не теряет своей актуальности и в настоящее время. Однако аспект предупреждения и противодействия торговле людьми осложняется тем, что преступления в данной сфере осуществляются международными преступными группами, которые используют современные информационные возможности, способствуя диверсификации форм работы торговцев людьми и тому, что миллионы людей и в XXI веке становятся жертвами

Vitaly V. Nimirovsky

Candidate of Legal Sciences,
Operative for Particularly Important Cases
Control of Own Safety,
Main Directorate of the Ministry
of Internal Affairs
of Russia for St. Petersburg
and Leningrad Region
sktmk1@mail.ru.

Jozefa K. Nimirovskaya

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Pedagogy and Psychology,
St. Petersburg University
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
yuzefa_nimirovskaya@mail.ru

TRAFFICKING IN HUMAN ORGANS AS A FACTOR DETERMINING HUMAN TRAFFICKING

■ ■ ■

Annotation. The article analyzes the main normative legal act of the Council of Europe – the Council of Europe Convention on Combating Trafficking in Human Organs of July 09, 2014. During the analysis of the paragraphs of the Convention, attention is focused on the need to improve the international legal framework for combating and preventing trafficking in persons. It is concluded that the criminal legislation of the Russian Federation does not contradict the main international legal acts of the Council of Europe on combating human trafficking, but it is important to establish a ban on the illegal trafficking of human organs or tissues, despite the criminal law norms in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: International legal cooperation, human organ trafficking, human trafficking, regulatory documents.

■ ■ ■

торговли, увеличиваются ее масштабы, о чем свидетельствуют иллюстративные материалы в сети Интернет.

Так, Т.И. Соловей отмечает, что вопросы предупреждения и противодействия торговле людьми инициировались достаточно активно уже в XIX – начале XX века, но в условиях усиливающейся глобализации, кризисных процессов в мировой политической и экономической системе особо остро создаются условия для увеличения масштабов совершения преступлений [1, с. 36]. Например, ситуация в условиях COVID-19

способствовала возникновению новой бизнес-модели онлайн-вербовки и эксплуатации жертв, что затруднило реагирование правоохранительных и судебных органов.

Необходимо также указать на тесную связь торговли людьми и нарушениями прав человека. В этой связи, актуальны исследования Е.Н. Трикоз, которая в работе «Защита прав человека в контексте развития биоэтики и геномики» представила использование методики ДНК-идентификации в криминалистике. Биоэтика становится фактором современной биополитики, ориентированной на правовое регулирование геномных исследований и соматических прав человека [2, с. 142].

Одним из важных моментов в торговле людьми следует отметить торговлю человеческими органами.

Торговля человеческими органами является также фактором, поддерживающим коррупцию и приносящая большую прибыль, при этом остается латентной. Торговля человеческими органами, являясь разновидностью бизнеса криминального типа, оказалась одной из острых проблем, вышедшей за пределы различных государств, занявшая важное место среди транснациональных организованных преступных группировок из-за высокого спроса. Такая преступная деятельность, зачастую, осуществляется не в одиночку, а в составе организованной преступной группы, что носит еще более высокую общественную опасность для общества. По мнению Я.В. Ванюшева: «Прибыль от участия должностных лиц государства в организации торговли людьми является самым опасным коррупционным фактором» [3, с. 46]. Профессор В.В. Войников высказывает позицию, согласно которой: «Торговля людьми подразумевает намерение эксплуатировать человека независимо от того, каким образом жертва попадает на место, в котором происходит эксплуатация» [4, с. 45].

Несколько иного взгляда на проблему показывает А.Г. Волеводз, рассматривая торговлю людьми в аспекте международного терроризма, обосновано выделил, что ныне сформирована и постоянно эволюционирует система международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и обеспечения правовой защиты личности, общества, государства и мирового сообщества от террористических преступлений [5, с. 42].

Первые сообщения о коммерческой торговле человеческими органами датируются 1980-ми годами и касаются продажи почек бедными гражданами Индии иностранным пациентам, особенно с Ближнего Востока. Сообщалось, что около 80 % всех почек, которые были закуплены для трансплантации в индийских больницах, были пересажены пациентам, прибывшим из стран Персидского залива, а также, из Малайзии и Сингапура [6].

Глобальная нехватка органов привела к тому, что отрасль стала полагаться на бедное население в качестве доноров и богатых иностранцев в качестве реципиентов.

Культурные и религиозные обычаи запрещают или препятствуют некоторым людям добровольно жертвовать органы или получать посмертные донорские органы. Надо отметить, что незаконное извлечение органов, как правило, – это не извлечение органов у добровольных доноров в нарушение культурных законов ради филантропии, а извлечение органов у нежелательных или неосведомленных доноров путем эксплуатации обедневших, задолжавших, бездомных, необразованных и беженцев.

Торговцы людьми организуют вербовку донора часто из уязвимых мест, и жертвы не обязательно проходят надлежащую проверку на предмет их квалификации в качестве здорового донора и как результат: пациенты, нуждающиеся в органе, могут также стать жертвами. Даже в развитых странах, где, как утверждается, не производится открытая оплата за органы, имеются данные о том, что финансовые стимулы могли повлиять на распределение органов: сообщалось, что в Соединенных Штатах в 1984 году около 300 почек были пересажены нерезидентам [7]. Также, следует учитывать, что у многих реципиентов были послеоперационные осложнения [8].

После принятия Палермского протокола, публичный политический дискурс о торговле органами неуклонно набирает обороты. Позиция предупреждения торговле людьми представлена в ст. 2 Протокола [9]. Однако, несмотря на то, что на сегодняшний день, Палермский Протокол подписало 119 государств, уровень соблюдения принятых стандартов, нацеленных на борьбу с торговлей людьми, остается низким в странах происхождения из-за отсутствия всеобъемлющего национального законодательства [10, с. 14].

Безусловно, торговля человеческими органами является проблемой глобальных масштабов, которая нарушает основные права человека и представляет прямую угрозу для здоровья человека и общества. Одним из наиболее значимых факторов при превращении человека в живой товар становится виктимность, характеризующаяся приобретением психологических и социальных признаков, благодаря чему, человек становится жертвой преступления. И.Л. Емельяновым были определены следующие компоненты проявления виктимного поведения личности: генетические и средовые, а «предотвратить потенциальную виктимизацию он может нередко только при помощи той общности, с которой он себя соотносит, при условии соответствующего правового воспитания» [11, с. 135].

Есть такая городская легенда. Вы идете на ужин с симпатичным незнакомцем, возвращаетесь в его или свой гостиничный номер, выпиваете и отключаетесь. Следующее, что вы осознаете, – вы в ванне, голые, покрытые льдом, с плохо зашитым боком, а рядом телефон с прикрепленной запиской: немедленно обратитесь за неотложной медицинской помощью. По словам профессора медицинской антропологии Калифорнийского университета в Беркли Нэнси Шерпер-Хьюз, правда зловещая и жуткая, и она кое-что говорит нам о сегодняшнем положении дел в мире,

акцентировав также внимание на том, что торговля органами в военное время, особенно в грязных войнах, не является чем-то необычным [12].

В качестве примера описания торговли человеческими органами приведем другой случай, связанный с Великобританией, касался турецкой компании (Trans Transplantsyon), которая предложила гражданам Великобритании и другим иностранным пациентам провести пересадку почки в Индии за плату в размере 22000 долларов США. Сообщалось, что компания уже шесть лет работает на Континенте, содействуя 400 успешным трансплантациям и планируя открыть офис в Лондоне [13, с. 33].

Поскольку торговля органами является одной из самых скрытых форм торговли людьми, сотрудникам правоохранительных органов сложнее разоблачить преступников, занимающихся торговлей человеческими органами, и привлечь к уголовной ответственности. Так, А.Ю. Олимпиев писал, что «операции упреждающего расследования могут быть более эффективными, поскольку торговцы людьми совершают преступление не всегда в одной юрисдикции» [14].

Возвращаясь к современным российским реалиям, проблемы несоблюдения прав человека, необходимо отметить, что на нормы международного права Российская Федерация ориентируется. Одним из приоритетных направлений современного российского государства является обязательное соблюдение прав и свобод человека, а также – их защита.

Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность [15]. Актуальным для российского государства стал Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором указывается на развитие международного сотрудничества в области противодействия незаконной миграции, трансграничной преступности (п. 101) [16].

Несомненно, инструментом в регулировании вопроса торговли человеческими органами и противодействия преступности в сфере торговли людьми являются международно-правовые стандарты.

Международно-правовое регулирование осуществляется через установление стандартов защиты прав человека:

– механизм Европейской Конвенции позволяет прямое обращение в Европейский суд по правам человека, дает возможность российским гражданам отстаивать защиту своих прав и свобод [17].

– Конвенция Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами от 09 июля 2014 года [18]. В данном документе отмечается, что проблема торговли человеческими органами, носит очень острый и актуальный характер, ведь спрос на здоровые человеческие органы в мире очень высок.

На сегодняшний день, ни одному высокоразвитому государству не удается достичь прозрачности в трансплантологии, поэтому и стало необходимым принятие этого важного для мирового сообщества документа.

Как продемонстрировано в совместном исследовании Совета Европы и Организации Объединенных Наций по торговле органами, тканями и клетками с целью изъятия органов с 2009 года, торговля человеческими органами, тканями и клетками является проблемой глобальных масштабов, которая нарушает основные права человека и представляет прямую угрозу для здоровья человека и общества.

Комитет экспертов по торговле человеческими органами, тканями и клетками (PC-TO) провел три заседания и разработал проект Конвенции Совета Европы о борьбе с торговлей человеческими органами (CETS № 216). Конвенция вступила в силу 01 марта 2018 года.

Россия приняла участие в разработке международного документа о запрете продажи человеческих органов. Надо также отметить, что в марте 2014 года ЕС в отношении России применяет санкционную политику [19, с. 22].

В российском уголовном законодательстве имеется ряд уголовно-наказуемых деяний, связанных с торговлей человеческими органами, это такие нормы, как:

- лишение жизни с целью использования органов или тканей (п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ);
- принуждение к изъятию органов или тканей для трансплантации (ст. 120 УК РФ);
- торговля людьми в целях изъятия органов или тканей у потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ) [20].

Существенным недостатком российского уголовного законодательства является отсутствие отдельной нормы, устанавливающей запрет на незаконный оборот человеческих органов или тканей. Стоит согласиться с позицией А.С. Якименко о необходимости включить в УК РФ норму, «...предусматривающую уголовную ответственность за незаконную куплю-продажу, а также за совершение иных сделок в отношении органов, тканей или иных фрагментов тела человека в целях трансплантации, проведения опытов, обрядов или в иных целях...» [21, с. 24].

Рассматривая далее Конвенцию Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами, можно выделить ст. 11, в которой устанавливается ответственность за преступления в отношении юридических лиц. Отмечено, что в зависимости от правовых принципов стороны, ответственность может быть уголовной, гражданской и административной. В соответствии со ст. 21 Конвенции, показаны сведения о мерах профилактики, а

также о содействии государствам по принятию на национальном уровне законодательства.

Кроме того, государства-участники обязаны обеспечить надлежащий уровень профессиональной и просветительской деятельности, путем создания мер, направленных на:

1) предоставление информации или усиления профессионального обучения для медицинских работников и соответствующих должностных лиц в сфере профилактики и борьбы с торговлей человеческими органами;

2) содействие адресованным широкой общественности кампаниям по повышению осведомленности о незаконности и опасности торговли человеческими органами.

В связи с возросшей проблемой стремительного роста торговли людьми и, в том числе, человеческим органами, на сегодняшний день можно сказать, что предупреждение является более значимой мерой, так как не допускает саму торговлю людьми. Согласно ст. 22 Конвенции, на международном уровне государства-участники должны в

Литература:

1. *Соловей Т.И.* Международное сотрудничество в борьбе с незаконным вывозом для сексуальной эксплуатации и растления несовершеннолетних / Т.И. Соловей // Вопросы ювенальной юстиции. М. : Юрист. 2007. № 1. С. 36.

2. *Трикоз Е.Н.* Защита прав человека в контексте развития биоэтики и геномики (обзор международного круглого стола) / Е.Н. Трикоз // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 1. С. 141–154.

3. *Ванюшева Я.В.* Коррупционные факторы, способствующие торговле людьми / Я.В. Ванюшева // Евразийская адвокатура. 2017. № 5. С. 46.

4. *Войников В.В.* Европейское пространство свободы, безопасности и правосудия и миграционный кризис в Европе / В.В. Войников // Современная Европа. 2017. № 2(74). С. 43–54.

5. *Волеводз А.Г.* О значении выработки общепризнанного понятия «терроризм» и «международный терроризм» / А.Г. Волеводз // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества: Межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург : Издательский дом «Уральская юридическая академии», 2011. Вып. 3(7). С. 42–62.

6. *Price D.* The trade in human organs / D. Price, R. Mackay // New Law Journal 1991; 1272 (Part I) and 1307 (Part II).

7. *Goyal M.* Economic and health consequences of selling a kidney in India / M. Goyal, R.L. Metha, L.J. Schneidermann [et al.]. JAMA 2002; 288: 1589–1593.

максимально возможной степени сотрудничать друг с другом в целях предотвращения торговли человеческими органами, а именно им необходимо:

1) сообщать Комитету Сторон по его запросу о количестве случаев торговли человеческими органами в пределах их соответствующих юрисдикций;

2) назначить национальный контактный пункт для обмена информацией, относящейся к торговле человеческими органами.

На сегодняшний день, по-прежнему отсутствует полная интеграция вопроса незаконного оборота органов в сферу торговли людьми, в целом.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к выводу о серьезности проблемы в современном мире и акцентирует внимание на необходимости ориентации правовой политики на взаимодействие в вопросе противодействия преступным формированиям транснационального характера.

Literature:

1. *Solovey T.I.* International cooperation in the fight against illegal export for sexual exploitation and molestation of minors / T.I. Solovey // Issues of juvenile justice. M. : Jurist. 2007. № 1. P. 36.

2. *Trikoz E.N.* Protection of human rights in the context of the development of bioethics and genomics (review of the international round table) / E.N. Trikoz // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2019. Vol. 23. № 1. P. 141–154.

3. *Vanyusheva Ya. V.* Corruption factors contributing to human trafficking / Ya.V. Vanyusheva // Eurasian Advocacy. 2017. № 5. P. 46.

4. *Voynikov V.V.* The European space of freedom, security and justice and the migration crisis in Europe / V.V. Voynikov // Modern Europe. 2017. № 2(74). P. 43–54.

5. *Volevodz A.G.* On the importance of developing a universally recognized concept of «terrorism» and «international terrorism» / A.G. Volevodz // International security law: a modern vision and related problems of interstate cooperation: Interuniversity collection of scientific papers. Yekaterinburg : Publishing House «Ural Law Academy», 2011. Iss. 3(7). P. 42–62.

6. *Price D.* The trade in human organs / D. Price, R. Mackay // New Law Journal 1991; 1272 (Part I) and 1307 (Part II).

7. *Goyal M.* Economic and health consequences of selling a kidney in India / M. Goyal, R.L. Metha, L.J. Schneidermann [et al.]. JAMA 2002; 288: 1589–1593.

8. *Salahudeen A.K.* High mortality among recipients of bought living-unrelated donor kidneys / A.K. Salahudeen, H.F. Woods, A. Pingle [et al.]. *Lancet*, 1990; 336: 725-8.
9. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. (Принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL : <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 06.08.2022).
10. *Джой Нгози Эзейло*. Генеральная Ассамблея. Доклад, представленный Специальным докладчиком по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми. М. : Информационный центр ООН, 2009. 38 с.
11. *Емельянов И.Л.* Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики / И.Л. Емельянов // Вестник Кузбасского института. 2012. № 4. С.135.
12. *Scheper-Hughes N.* Death Squads and Vigilante Politics of Violence in Democratic Northeast Brazil. J. Auyero, P. Bourgois, N. Scheper-Hughes (eds). *Violence at the Urban Margins*. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 266–304.
13. *Porter S.* Organ transplants: Questions and Controversy, *The New Ethics*. 1984; 80: 33–37.
14. *Олимпиев А.Ю.* Противодействие торговле людьми: Методика расследования уголовных дел и способы проведения оперативно-розыскных мероприятий. М. : Юнити, 2015. С. 56.
15. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 04.06.2022).
16. Указ Президента РФ от 02.07. 2021г. № 400 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL : <https://rg.ru>. (дата обращения 19.07.2022).
17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заклучена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.)). URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 19.07.2022).
18. Конвенция Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами. (подписана 09 июля 2014 г.). Из справочно-правовой системы «Гарант»: [Официальный сайт]: URL : <https://base.garant.ru/71221344> (дата обращения 12.07.2022).
19. *Громыко А.А.* Антироссийские санкции / А.А. Громыко, В.П. Федоров // Современная Европа. 2016. № 2(68). С. 22–27.
8. *Salahudeen A.K.* High mortality among recipients of bought living-unrelated donor kidneys / A.K. Salahudeen, H.F. Woods, A. Pingle [et al.]. *Lancet*, 1990; 336: 725-8.
9. Protocol on the Prevention, Suppression and Punishment of Trafficking in Persons, Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. (Adopted in New-York on 15.11.2000 By resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly). URL : <http://www.consultant.ru> (date of the application 06.08.2022).
10. *Joy Ngozi Ezeilo*. General Assembly. Report submitted by the Special Rapporteur on trafficking in persons, especially women and children. M. : UN Information Center, 2009. 38 p.
11. *Yemelyanov I.L.* Victimization and victimization: the concept, types, problems of prevention / I.L. Yemelyanov // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2012. № 4. P. 135.
12. *Scheper-Hughes N.* Death Squads and Vigilante Politics of Violence in Democratic Northeast Brazil. J. Auyero, P. Bourgois, N. Scheper-Hughes (eds). *Violence at the Urban Margins*. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 266–304.
13. *Porter S.* Organ transplants: Questions and Controversy, *The New Ethics*. 1984; 80: 33–37.
14. *Olympiev A.Yu.* Countering human trafficking: Methods of investigating criminal cases and methods of conducting operational investigative measures. – M. : Unity, 2015. P. 56.
15. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993. URL : <http://www.consultant.ru> (date of the application 06/04/2022).
16. Decree of the President of the Russian Federation № 400 of 02.07.2021 National Security Strategy of the Russian Federation. URL : <https://rg.ru> (date of the application 07/19/2022).
17. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950) (with amendments. dated 13.05.2004) (together with «Protocol [№ 1]» (Signed in Paris on 20.03.1952), «Protocol № 4 on ensuring certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and the First Protocol thereto» (Signed in Strasbourg on 16.09.1963), «Protocol № 7» (Signed in Strasbourg on 11/22/1984)). URL : <http://www.consultant.ru> (date of the application 07/19/2022).
18. Council of Europe Convention on Combating Trafficking in Human Organs. (signed on July 09, 2014). From the Garant legal reference system: [Official website]. URL : <https://base.garant.ru/71221344> (date of the application 12.07.2022).
19. *Gromyko A.A.* Anti-Russian sanctions / A.A. Gromyko, V.P. Fedorov // *Modern Europe*. 2016. № 2 (68). P. 22–27.

20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.06.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2019). URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 17.07.2022).

21. *Якименко А.С.* Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным изъятием и (или) тканей человека : автореф. дис. ... канд.юрид.наук. Ростов-н/Д., 2007. С. 24.

20. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 17.06.2019) (with amendments and additions, intro. effective from 01.07.2019). URL : <http://www.consultant.ru> (date of the application 17.07.2022).

21. *Yakimenko A.S.* Criminal liability for crimes related to the illegal seizure and (or) human tissues : abstract. dis. ... cand. of legal sciences. Rostov-n/D., 2007. P. 24.

Пронина Юлия Олеговна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Юго-Западный
государственный университет
y.o.pronina@gmail.com

Петров Николай Вячеславович
преподаватель кафедры
конституционного и гражданского права,
Курская академия государственной
и муниципальной службы
petrovkolya97@mail.ru

Павлов Дмитрий Игоревич
аспирант кафедры гражданского права,
Юго-Западный
государственный университет
gpkursk@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: НАПРАВЛЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. В статье выявлены и рассмотрены направления трансформации правового регулирования семейных правоотношений в России с учетом конституционных новелл 2020 года, последних изменений в законодательстве и научных исследований. Авторы отмечают стремление сохранения традиционных ценностей как основы государственной политики по защите семьи, детства, материнства и отцовства. Одним из самых актуальных вопросов в научном поиске и практической деятельности является определение правового статуса участников семейных правоотношений, имущественные права и обязанности супругов, влияние цифровизации. В целом, прослеживается тенденция усиления публично-правовых начал в семейном праве России.

Ключевые слова: семья, законодательство, конституционные новеллы, традиционные ценности, публично-правовые начала.

Правовое регулирование семейных правоотношений на всех этапах исторического развития российского общества составляет основу государственной политики. От эффективности правовых механизмов, определяющих специфику реализации семейных правоотношений различного типа, зависит экономическая и социальная стабильность государства, а также – духовно-нравственные основы общества.

Yulia O. Pronina
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Civil Law,
Southwestern State University
y.o.pronina@gmail.com

Nikolay V. Petrov
Lecturer of the Department
of Constitutional and Civil Law,
Kursk Academy of State
and Municipal Service
petrovkolya97@mail.ru

Dmitry I. Pavlov
Postgraduate Student
of the Department of Civil Law,
Southwest State University
gpkursk@yandex.ru

TRANSFORMATION OF FAMILY LEGISLATION AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY: DIRECTIONS AND CHALLENGES

Annotation. The article identifies and examines the directions of transformation of the legal regulation of family relations in Russia, taking into account the constitutional novelties of 2020, the latest changes in legislation and scientific research. The authors note the desire to preserve traditional values as the basis of state policy to protect the family, childhood, motherhood and fatherhood. One of the most pressing issues in scientific research and practical activity is the determination of the legal status of participants in family legal relations, property rights and obligations of spouses, the impact of digitalization. In general, there is a tendency to strengthen public law principles in family law in Russia.

Keywords: family, legislation, constitutional novelties, traditional values, public law principles.

На состояние государственной политики Российской Федерации в отношении семьи, детства, материнства и отцовства в настоящее время влияет конституционная реформа, связанная с внесением поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, развитие биомедицинских технологий, а также, противостояние взглядов на сущность брака как института семейного права и так называемых «гендерных свобод», прав сексуальных меньшинств.

Конституционные поправки во многом определили и уточнили позицию государства, поддержанную большинством граждан в ходе Общероссийского голосования 2020 года, по вектору обеспечения и защиты прав участников семейных правоотношений, института брака, материнства и отцовства, детства.

Примечательно, что важнейшие конституционные положения, существенным образом определяющие принципы трансформации семейного законодательства в ближайшие годы, сформулированы не в отдельной статье Основного закона, а как один из предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [1].

Первой конституционной новеллой, которую хотелось бы выделить как одну из самых основополагающих, является формулировка пункта «ж. 1» статьи 72, в которой указывается, что Российской Федерация и ее субъекты совместно обеспечивают защиту института брака как союза мужчины и женщины [1]. Тем самым, вопрос о перспективе введения законодательного разрешения однополых браков, которые юридически будут приравнены к браку между мужчиной и женщиной, был закрыт: такой нормы в Семейном кодексе Российской Федерации не может быть в будущем.

В отличие от других стран-представительниц романо-германской правовой семьи, где однополые браки юридически признаются, Российская Федерация выбрала путь традиционного варианта правового регулирования института брака. Наша позиция полностью согласуется с мнением доктора юридических наук, Заслуженного юриста Российской Федерации В.А. Винокурова, который полагает, что «появление определения брака как союза мужчины и женщины не является чем-то новым для отечественного права и российского менталитета» [2, с. 52]. Кроме того, ученый приходит к выводу о том, что поправка с закреплением на конституционном уровне дефиниции «брак» связана со стремлением не выполнять международные обязательства по легализации однополых браков, поскольку в перечне поправок была предусмотрена возможность неисполнения предписаний межгосударственных органов по защите прав человека [2, с. 52].

Думается, рассматриваемая поправка выполняет несколько функций:

- предотвращение несвойственного для российской традиции введения однополых браков;
- отрицание гендерного разнообразия с признанием в браке только мужского и женского пола.

Второй фундаментальной для дальнейшей трансформации семейного права России и социальной политики является норма части 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой, на уровне нормативного акта высшей юридической силы закреплено признание детей как «важнейшего приоритета государственной политики» [1]. В этой же норме имеют место направления, в которых государство обязуется поддерживать детей: духовное,

нравственное, интеллектуальное, физическое развитие и патриотизм. Анализ этой нормы позволяет говорить о том, что одним из направлений дальнейшего правового регулирования отношений между родителями и детьми станет уточнение критериев, которые обеспечивают физическое и интеллектуальное развитие ребенка в семье.

Наряду с этим, рассматриваемая норма закрепляет приоритет семейного воспитания одновременно с гарантией государства взять на себя функции родителя в отношении тех детей, которые остались без попечения. А.В. Гринева отмечает, что в этом усматривается «расширение зоны ответственности государства в вопросах воспитания детей» [3, с. 20].

Формирование уважения к старшим как вектор политики в отношении семьи, указанное в части 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, также может найти отражение в виде появления новых принципов правового регулирования семейных правоотношений. Нам видится, что эта норма станет превентивной для ситуации, когда дети не желают содержать своих родителей при надлежащем выполнении ими обязанности по содержанию своих детей. Эта поправка согласуется с положением пункта «ж. 1» статьи 72 Основного закона, в соответствии с которым, к предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов относится создание условий для выполнения обязанности совершеннолетних детей содержать своих нетрудоспособных родителей [1].

В конституционных новеллах прослеживается несколько направлений трансформации семейного законодательства: усиление государственной поддержки защиты института семьи; формирование ответственного отношения родителей к выполнению обязанностей в отношении своих детей; формирование уважительного отношения детей к родителям и старшему поколению в целях обеспечения выполнения обязанностей по их содержанию.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что при разработке конституционных норм, вошедших в обширный комплекс поправок, принятых при непосредственном участии народа как единственного источника власти по итогам Общероссийского голосования в 2020 году, ставилась задача противостоять чужеродным для российского общества общемировым тенденциям изменения семейных правоотношений, связанных с заключением однополых браков, с усыновлением детей однополыми парами, признанием новых разновидностей гендеров. Это позволяет сохранить исторически сложившиеся традиционные семейные ценности.

Актуальными и перспективными в научном поиске среди ученых-цивилистов являются исследования правового статуса семейных правоотношений. Среди научных работ следует выделить диссертационное исследование Р.Е. Телегина, в котором ученый сделал ряд важных и обоснованных выводов [4, с. 10–15].

Во-первых, автор диссертации, в отличие от многих исследователей, которые пытались дать авторское определение категории «семья», обосновал целесообразность формирования единой дефиниции в силу межотраслевых различий в его понимании [4, с. 11]. Действительно, необходимость внесения этой дефиниции в Конституцию Российской Федерации могла бы стать предметом обсуждения во время разработки поправок. Однако по итогу конституционной реформы, определение семьи, как в Основном законе, так и в Семейном кодексе Российской Федерации не появилось.

Во-вторых, Р.Е. Телегину удалось доказать, что целесообразность имеет закрепление в семейном законодательстве определения «член семьи» [4, с. 11]. При этом нам видится важным для дальнейшего совершенствования семейного законодательства предложение признавать члена семьи таковым по решению суда, что позволило бы защитить имущественные права лиц, которые объединяются в семью.

В-третьих, базовым для науки семейного права и для трансформации семейного законодательства является разработка признаков семейных правоотношений: «особый субъектный состав, личное доверие, согласие (волевой признак), равенство личных неимущественных отношений и имущественных отношений» [4, с. 12].

Одним из самых необходимых для разрешения проблем правоприменительной практики стало введение в научный оборот дефиниции «фактические семейные правоотношения», под которыми следует понимать «отношения, выпадающие под признаки конкретного семейного отношения, в котором отсутствует легальный юридический факт, приводящий к возникновению таковых» [4, с. 14]. Установление фактических отношений предполагается исключительно в судебном порядке.

Внедрение в законодательство разработанной Р.Е. Телегиным дефиниции позволит решить многолетнюю проблему, когда люди, фактически проживающие в семье, но не имеющие родства и несвязанные браком, в ряде случаев остаются незащищенными в имущественном плане. Особенно часто это проявляется в наследственных правоотношениях, когда переживший «фактический» супруг как близкий человек не может быть призван к наследованию по закону как наследник первой очереди, тогда как дальние родственники могут вступить в наследство. Также, эта проблема имеет место, когда пара распадается, но режима совместной собственности не образовалось ввиду отсутствия зарегистрированного брака. Последний широко обсуждаемый Законопроект № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», предлагающий ввести в Семейный кодекс Российской Федерации ввести следующую дефиницию: «фактические брачные отношения – не зарегистрированный в установленном порядке союз мужчины и женщины, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство» [5]. При выполнении определенных условий, связанных со сроком

совместного проживания, ведением общего домашнего хозяйства и наличием совместных детей в судебном порядке предполагалось дать право в судебном порядке признать брак фактическим. Однако указанный законопроект не получил поддержки Федерального Собрания Российской Федерации, а проблема юридического закрепления фактических семейных правоотношений не была решена.

Если говорить об имущественных правах супругов как об одном из направлений трансформации современного семейного права России, то необходимо указать два аспекта: правовое регулирование ведения семейного бизнеса и новеллы в области раздела имущества между супругами.

При обращении к вопросу проблематики ведения и юридического оформления семейного бизнеса следует уделить внимание трудам доктора юридических наук В.В. Богдан. В частности, изучая сущность и особенности семейного бизнеса в социальных сетях, ученый приходит к выводу о необходимости создания новой правовой матрицы в отношении семейного предпринимательства и социальных сетей [6, с. 34]. Кроме того, В.В. Богдан считает, что необходимо разрешить вопрос об общей собственности супругов при ведении бизнеса в социальных сетях, об определении семейного бизнеса как самостоятельного вида деятельности [6, с. 34].

Значимым в динамике развития семейного права России является новелла пункта 2 статьи 39 Семейного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой, суд может отступить от начала равенства долей в общей собственности супругов в случае, когда один из супругов без нотариального согласия совершил нотариальную сделку или сделку, подлежащую государственной регистрации, на невыгодных условиях, если судом не были применены последствия их недействительности по требованию другого супруга [7]. По нашему мнению, это поправка в Семейный кодекс Российской Федерации должна нивелировать риски, которые связаны с отменой обязательного штампа о браке в 2021 году [8]. Это решение Правительства Российской Федерации несет в себе определенные риски при заключении договоров, поскольку у недобросовестного лица имеется возможность утаить от контрагента наличие брака, что впоследствии может привести к признанию сделки недействительной. Однако супруг может узнать намного позже, что без его согласия была совершена сделка, уменьшающая общее имущество супругов. Рассматриваемая новелла позволит пострадавшему супругу более оперативно и эффективно защитить свои права при разделе имущества.

На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что современный этап развития семейного законодательства в российской правовой системе сопряжен с рядом вызовов. На семейные правоотношения влияет государственная политика, направленная на сохранение традиционных семейных ценностей, что в полной мере нашло отражение в конституционной реформе 2020 года. Кроме того, законодательно

неизбежно придется в ближайшее время разрешить проблему уточнения правового статуса участников семейных правоотношений, потому что социально-экономические факторы, биомедицинские технологии неизбежно ведут к их трансформации. Также, острую необходимость вызывает

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 04 июля 2020 г. № 144.
2. *Винокуров В.А.* О поправке в Конституцию Российской Федерации, касающейся института брака как союза мужчины и женщины / В.А. Винокуров // Закон и право. 2022. № 3. С. 50–55.
3. *Гринева А.В.* К вопросу о новой идеологии правового регулирования родительского правоотношения / А.В. Гринева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2(70). С. 15–22.
4. *Телегин Р.Е.* Правовой статус участников семейных правоотношений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.Е. Телегин [Место защиты: Юго-Зап. гос. ун-т]. Курск, 2022. 25 с.
5. Законопроект № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (дата обращения 20.07.2022).
6. *Богдан В.В.* Семейный бизнес в социальных сетях: эффект бабочки : монография / В.В. Богдан Отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин // В книге: Семейный бизнес & качество правовой среды. М., 2022. С. 19–34.
7. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.07.2022).
8. Постановление Правительства РФ от 15.07.2021 № 1205 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 08 июля 1997 г. № 828 и признании утратившими силу отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 27.07.2022).

признание фактических семейных правоотношений, определение правового статуса семейного бизнеса, в том числе в социальных сетях. В целом, в настоящее время прослеживается усиление публично-правовых начал в семейном законодательстве.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide voting on 12.12.1993 with amendments approved by nationwide voting on July 01, 2020) (with amendments introduced by the RF Laws on amendments to the RF Constitution dated 30.12.2008 № 6-FKZ, dated 30.12.2008 № 7-FKZ, dated 05.02.2014 № 2-FKZ, dated 21.07.2014 № 11-FKZ, dated 14.03.2020 № 1-FKZ) // Rossiyskaya Gazeta. 04 July 2020 № 144.
2. *Vinokurov V.A.* On the amendment to the Constitution of the Russian Federation concerning the institution of marriage as a union of a man and a woman / V.A. Vinokurov // Law and Law. 2022. № 3. P. 50–55.
3. *Grineva A.V.* To the question of a new ideology of legal regulation of parental legal relations / A.V. Grineva // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2022. № 2(70). P. 15–22.
4. *Telegin R.E.* The legal status of participants of family legal relations: Ph. Candidate of jurisprudence: 12.00.03 / R.E. Telegin [Place of protection: Southwest State University]. Kursk, 2022. 25 p.
5. Draft law № 368962-7 «On amendments to the Family Code of the Russian Federation». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/368962-7> (date of the application 20.07.2022).
6. *Bogdan V.V.* Family business in social networks: the butterfly effect : monograph / V.V. Bogdan; Ed. by I.V. Ershova, A.N. Levushkin // In the book: Family business & the quality of the legal environment. M., 2022. P. 19–34.
7. Federal law of July 14, 2022 № 310-F3 «On Amending the Family Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // СПС «KonsultantPlus» (date of the application 25.07.2022).
8. Decree of the Government of the Russian Federation of 15.07.2021 № 1205 «On the introduction of changes to the Decree of the Government of the Russian Federation of July 08, 1997 № 828 and the recognition of the repeal of certain provisions of acts of the Government of the Russian Federation» // СПС «KonsultantPlus» (date of the application 27.07.2022).

Рудакова Светлана Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент,
заместитель декана
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный университет
rudakovasvetlana@mail.ru

Svetlana V. Rudakova

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor,
Deputy Dean
Faculty of Law named after A.A. Khmyrova,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Kuban State University
rudakovasvetlana@mail.ru

**ЗАЩИТНИК
И ЕГО ПРАВО ОБЖАЛОВАНИЯ
В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

**DEFENCE COUNSEL AND HIS RIGHT
TO APPEAL IN THE PRE-TRIAL STAGES
OF THE CRIMINAL PROCESS**

Аннотация. В соответствии с принципом уголовного судопроизводства, права на обжалование (ст. 19 УПК РФ) действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя могут быть обжалованы. В статье рассматриваются вопросы реализации защитником права на обжалование в досудебном уголовном судопроизводстве. Цель настоящего исследования состоит в разработке дефиниции права обжалования защитника и в рекомендациях по подготовке и заявлению жалобы на основе анализа научных тенденций по толкованию условий реализации этого права в досудебных стадиях, правового регулирования и обобщения трендов практической уголовно-процессуальной деятельности.

Annotation. In accordance with the principle of criminal procedure, the right to appeal (art. 19 of the Code of Criminal Procedure) of actions (omissions) and decisions of a court, a procurator, an investigator, a body conducting an initial inquiry and a person conducting an initial inquiry may be appealed against. The article deals with the implementation by the defense lawyer of the right to appeal in pre-trial criminal proceedings. The purpose of this study is to develop a definition of the right to appeal to a defender and to propose recommendations for the preparation and filing of a complaint based on the analysis of scientific trends in the interpretation of the conditions for the implementation of this right in the pre-trial stages, legal regulation and generalization of trends in practical criminal procedural activities.

Ключевые слова: право обжалование, жалоба, досудебное производство, защитник, инстанционность, злоупотребление правом.

Keywords: right of appeal, complaint, pre-trial proceedings, defender, instantiation, abuse of law.

З аконодательство предусматривает правовой механизм защиты участников уголовного судопроизводства от неправомерных действий (бездействия), а также решений должностных лиц, участвующих в уголовном процессе. Данный механизм осуществляется путем реализации принципа, закрепленного в ст. 19 УПК РФ. Право на обжалование также коррелируется в ст. 123 УПК РФ. Следует отметить, что подобным правом обладают не только участники уголовного судопроизводства, но и иные лица, если их права и законные интересы затрагиваются либо нарушаются от незаконных решений, а также неправомерных действий (бездействия). Кроме того, подобным правом обладают также и защитники, что находит свое отражение в п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. В рамках настоящего исследования представляет интерес названное право защитника, так как

зачастую именно им используется указанный механизм правовой защиты своих доверителей. Необходимо обратить внимание, что вышеуказанная норма соотносится с положениями п. 2 ч. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»¹, в котором закреплено, что адвокат, то есть защитник, оказывает юридическую помощь, в том числе, путем составления жалоб.

Считаем, что правомочия защитника на обжалование действий (бездействия), а также решений в досудебных стадиях уголовного процесса выступает инициативным заявлением в целях защиты прав и законных интересов доверителя и направлением в адрес уполномоченных должностных лиц и государственных органов обращения с выражением несогласия с принятым решением или

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002

№ 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

произведённым действием (бездействием), включающем прошение признать указанное незаконным, что в результате приведёт к утрате решений, действий (бездействия) юридической силы, а также доказательственного значения.

В настоящем исследовании проанализируем отдельные аспекты реализации защитником его права на обжалование в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В частности, ниже представлен анализ трех фундаментальных позиций, которые необходимы для реализации защитником названного права, а именно содержание жалобы, процессуальные правила обжалования, а также вопросы злоупотребления правом на обжалование.

1. Содержание жалобы.

Исследование научной литературы и правоприменительной практики показывает, что вопрос составления жалобы и наполнения ее необходимыми элементами вызывает трудности. Так, при описании жалобы затруднения выражаются в точном определении ее предмета, как при подаче, так при рассмотрении и в последующем разрешении. Указанное приводит к неверным решениям, как со стороны заявителя жалобы, так и субъекта, ее рассматривающего. На наш взгляд, подобная проблематика связана с тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют дефиниция жалобы, а также четкие требования к подобным жалобам, как это сделано для иных процессуальных документов (например: требования, предъявляемые к апелляционной жалобе (ст. 389.6 УПК РФ) и т.д.).

Следует указать, что УПК РФ в ст. 5 закрепляет ряд терминов, которые используются в уголовном процессе. В данной норме отсутствует дефиниция жалобы. В других нормативно-правовых актах предусмотрены дефиниции для обращений граждан либо жалоб. Например, п. 4 ст. 4 Федерального закона от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹ закрепляет, что понимается под жалобой.

На основании указанного, считается целесообразным внести корректировки в уголовно-процессуальное законодательство путем внесения в ст. 5 УПК РФ нового п. 9.1 следующего содержания: «жалоба – обращение с выражением несогласия с действиями (бездействием), решениями дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда в установленном настоящим Кодексом порядке участника уголовного судопроизводства или иного лица в той части, в которой производимые процессуальные действия и решения затрагивают их права и законные интересы».

¹ Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

Кроме указанного, считаем необходимым предусмотреть в уголовно-процессуальном законодательстве императивные требования к содержанию жалоб, такие как: наименование должностного лица или органа, в который она подается, указание на обжалуемое действие (бездействие), решение, данные о заявителе, доводы и основания о признании действий и решений незаконными, перечень прилагаемых документов, подпись заявителя.

Подобные изменения позволят усовершенствовать институт обжалования, систематизировать порядок рассмотрения жалоб, а также облегчит процедуру их рассмотрения, так как у должностных лиц появится возможность не рассматривать жалобы, которые поданы с нарушением требований к их содержанию. Кроме того, названные изменения устранят проблематику в определении предмета жалобы, что приведет к правомерному и своевременному рассмотрению жалоб.

Следует отметить, что жалоба адвоката-защитника должна быть написана в деловом стиле, правильно оформлена, стиль изложения должен быть юридически грамотным, лаконичным, по возможности краткий, автор должен не только назвать нарушение (как например: «грубое нарушение УПК РФ»), но и показать его, разъяснить, в чем оно состоит, сослаться на конкретные нормы закона, выводы должны быть логически последовательные. При составлении жалобы защитник должен проявить принципиальный подход для решения важнейшей задачи по защите прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказания им юридической помощи.

При рассмотрении вопроса содержания жалоб необходимо также отметить особенности их подачи в электронном виде.

Ранее мы отмечали, что «возможность подачи жалобы в форме электронного документа в не меньшей степени гарантирует эффективность реализации права граждан, особенно в случаях, когда электронное общение становится основным» [1, с. 41]. Как отмечено в Указе Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»² внедрение информационных технологий и формирование информационного общества выступают одними из приоритетных направлений развития нашего государства. На наш взгляд, напрямую соотносится и с уголовным процессом в части обеспечения права и законных интересов граждан.

Использование информационных технологий при обжаловании в досудебное производство повлечет экономию материальных и временных затрат на рассмотрение и разрешение жалобы, упростит процедуры подачи, сделает ее более доступной, даст возможность оперативного выявления

² Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

одновременной подачи жалобы в суд и прокуратуру.

В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни с учетом внедрения электронного документооборота, продолжающейся сложной эпидемиологической ситуации в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) назрела необходимость законодательно урегулировать возможность подачи цифровой жалобы с использованием электронной подписи и последующего ее рассмотрения в судебном порядке с использованием системы видео-конференц-связи.

Таким образом, считаем необходимым разработку специальной системы, позволяющей подать жалобу. Подобная система должна включать в себя требования к жалобе, которые описаны выше. Системное применение законодательных правил и информационных ресурсов позволит достичь лучшего обеспечения защиты прав и законных интересов как граждан, так и всего общества в целом.

2. Процессуальные правила обжалования.

Для анализа процессуальных правил обжалования следует отметить, что реализация права на обжалование защитником включает в себя такие правила, которые являются основным элементом института обжалования, состоящие из способов и всей процедуры обжалования, выдвижения и обоснования доводов, порядка и сроков подачи жалоб, их принятия, уведомления о принятом по жалобе решении.

Также следует указать, что в первоизданном виде обжалование в уголовном судопроизводстве является универсальным процессуальным средством, применение которого допускается на любом этапе, и принадлежит практически всем участникам уголовного процесса. Правила обжалования весьма разнообразны и зависят от должностного лица или органа, рассматривающего жалобу, участника, реализующего соответствующую деятельность и иных обстоятельств.

Реализация рассмотренного права, его процессуальные правила должны создавать равные условия для возможности действовать, пользоваться, требовать и защищаться любым участником досудебного производства, независимо от его процессуального статуса (либо его отсутствия) а также субъекта рассмотрения жалобы.

Изучая особенности процессуальных правил обжалования, следует указать на ряд проблем, которые встречаются на практике. Зачастую заявитель жалобы подает заявление о нарушении прав и законных интересов нескольким субъектам, уполномоченным на их рассмотрение, что приводит к дисбалансу работы государственных органов, а также к ряду коллизий. Также на

сегодняшний день существует неясность в результатах рассмотрения жалобы, о чем будет описано ниже.

Для устранения ряда проблемных аспектов в процессуальных правилах обжалования необходимо законодательно урегулировать несколько моментов, а именно:

1) установить инстанционность обжалования в досудебном производстве, а именно, предусмотреть подачу жалобы на первом этапе руководителю следственного органа или прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ, а в случае отказа в ее удовлетворении, в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, что исключит одновременную подачу жалоб (на один и те же действия (бездействия), решения по одним и тем же основаниям) и оставления таких жалоб без удовлетворения;

2) в соответствии со ст. 124, 125 УПК РФ руководитель следственного органа, прокурор и суд по результатам рассмотрения жалобы могут принять только 2 вида решений: о полном или частичном удовлетворении жалобы или об отказе в ее удовлетворении.

Статистические данные свидетельствуют о том, что при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ судами часто выносятся решения об оставлении жалобы без удовлетворения, что приводит к не разрешению жалобы, тем самым нарушаются права и законные интересы заявителей жалоб. Так, за первое полугодие 2021 г. в порядке ст. 125 УПК РФ в суды общей юрисдикции поступило 56037 жалоб, из которых 2210 (4 %) удовлетворены, а на 10018 (18 %) получен отказ. Вместе с тем подавляющее большинство жалоб разрешения не получило. По 41806 жалобам (75 %) производство прекращено, жалобы отозваны, возвращены, переданы по подсудности¹. Указанное показывает на необходимость корректировки положений ст. 125 УПК РФ.

Заявителю может быть отказано в принятии жалобы и проверке по существу, если суд не усматривает предмет обжалования и в ней нет необходимых сведений для ее рассмотрения, хотя отказ в принятии жалобы к рассмотрению не предусмотрен в ст. 125 УПК РФ. При таком правовом регулировании данного вопроса Верховный Суд РФ, фактически сформулировал новую правовую норму, об отказе в принятии жалобы к рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ п. 7–9 Постановления Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1² предусматривает возможность вынесения постановления об отказе в принятии жалобы к рассмотрению в ряде случаев.

Например, суд может отказать в принятии жалобы в случае отсутствия информации о том, какие действия или решения подлежат

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2021 г. // Судебная статистика: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL : <http://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 07.07.2022).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 (ред. от 28.06.2022 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 18 февраля.

обжалованию, либо если к жалобе не приложены документы, подтверждающие полномочия заявителя, а также в случае, если тождественная жалоба с аналогичными доводами удовлетворена прокурором. Может быть установлено, что уголовное дело, по которому поступила жалоба, уже направлено в суд для рассмотрения по существу или по делу вынесено окончательное постановление.

Вместе с тем вышестоящие суды по апелляционным жалобам защитника отменяют незаконные возвращения жалоб адвокатов при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

Например, суд апелляционной инстанции Краснодарского краевого суда своим решением от 19 марта 2019 г. отменил постановление Геленджикского городского суда о возвращении жалобы адвоката, указав, что обжалуемое постановление нельзя признать законным и обоснованным. Суд первой инстанции вернул жалобу заявителя, отметив, что в жалобе не указаны все заинтересованные лица, их адресные данные, а также не указан в качестве участника прокурор г. Геленджик и не приложена копия жалобы для него, что противоречит требованиям закона и судебной практике¹.

Для недопущения незаконных возвратов судами жалоб необходимо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе возможность принятия такого решения судом в порядке ст. 125 УПК РФ и указать конкретные основания оставления жалобы без рассмотрения.

3. *Злоупотребление правом на обжалование.*

Рассматривая отдельные аспекты злоупотребления правом на обжалование, следует указать, что в литературе обычно указывается, что чаще всего оно допускается со стороны подозреваемого, обвиняемого и защитника.

Р.В. Ярцев и О.А. Безруков по этому поводу пишут, что жалобы, которые содержат в себе искусственный спор и преследуют цель не защиты прав и законных интересов, а дезорганизацию работы по отправлению правосудия, влечёт создание предпосылок для злоупотребления правом заявителя [2, с. 26].

Анализируя проблему злоупотребления правом, в контексте реализации принципа уголовного судопроизводства, указанного в ст. 19 УПК РФ, согласимся с мнением Н.А. Колоколовым о том, что суду еще только предстоит овладеть навыками по ограничению злоупотребления субъективным правом от сходных правовых явлений, а также выявлять специфические признаки подобного злоупотребления как правового поведения [3, с. 587].

Считаем, правильную позицию выражает и судья Волгоградского областного суда С.А. Гордейчик,

который указывает на отсутствие в уголовно-процессуальном законе надежного механизма защиты от действий по злоупотреблению правом на обжалование [4, с. 21]. Необходимо признать, что злоупотребления такого рода действительно иногда бывают на практике, причем, как правило, среди участников со стороны защиты. Имеют место случаи множественных фактов подачи жалоб по одному и тому же предмету, либо принесения необоснованных жалоб без указания на допущенное нарушение прав заявителя и спустя длительный срок с момента производства процессуального действия или принятия решения и др.

Как же распознать, имеет место именно злоупотребление правом на обжалование процессуальных действий или решений, или участник добросовестно реализует предоставленное ему Конституцией и уголовно-процессуальным законом право?

При ответе на сформулированный вопрос следует учитывать, что нормативное понятие «злоупотребление правом» в настоящее время отсутствует [5, с. 54].

По мнению О.И. Андреевой, злоупотребление субъективными правами со стороны участников уголовного процесса зачастую затруднительно отграничить от правомерного поведения [6, с. 915]. О.В. Желевой выделяются следующие разновидности злоупотребления правом на судебное обжалование в досудебном производстве, связанные с его предметом: «подача заведомо неосновательной жалобы; доводы заявителя носят искусственный характер; заявитель осознает законность и обоснованность действий (бездействия), решений государственного органа или должностного лица, но, обжалует их с целью затянуть расследование; подача беспредметной жалобы, в которой не называется, какое именно решение, действие (бездействие) следует признать незаконным» [7, с. 169].

По нашему мнению, к беспредметным жалобам относятся те, которые имеют оскорбительный характер, в которых не указываются основания обжалования, а заявитель руководствуется недобросовестными мотивами. Попытка определить данное «злоупотребление правом» было сделано при подготовке постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», в первоначальной редакции которого предполагалось прямое указание на «злоупотребление правом» [8, с. 383].

И хотя в действующей редакции п. 18 указанного постановления данный термин не используется, суть его тем не менее сформулирована: «суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 12 марта 2019 г. Дело № 22-1380/19 // Архив Краснодарского краевого суда за 2019 год.

реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу требований ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц».

Критерии злоупотребления правом на обжалование защитником в досудебном производстве могут выражаться в следующем:

- защитник осознает законность, обоснованность, мотивированность обжалуемых (бездействия) и решений должностных лиц и органов, осуществляющих досудебное уголовное судопроизводство;
- цель подачи жалобы не состоит в защите и восстановлении законных прав и интересов защитника или доверителя;
- защитник обращался ранее с идентичным предметом жалобы, по которой ему дан мотивированный ответ;

Литература:

1. Семенцов В.А. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве / В.А. Семенцов, С.В. Рудакова // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 3. С. 33–42.
2. Ярцев Р.В. Злоупотребление правом – основание отказа в принятии заявления / Р.В. Ярцев, О.А. Безруков // Мировой судья. 2017. № 5. С. 23–27.
3. Колоколов Н.А. В чем суть злоупотребления правом на обжалование? Практика применения уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации / Н.А. Колоколов; Под ред. В.М. Лебедева. М. : Юрайт; 2016. Т. 1. С. 587–727.
4. Гордейчик С.А. Злоупотребление правом обжалования в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / С.А. Гордейчик // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 21–22.
5. Химичева О.В. Право на обжалование в досудебном производстве: свобода и злоупотребление / О.В. Химичева, Д.В. Шаров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 53–59.
6. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования / О.И. Андреева [и др.] // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 914–924.
7. Желева О.В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование / О.В. Желева // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 168–182.

– жалоба по одному и тому же предмету подана одновременно руководителю следственного органа, прокурору и в суд;

– в жалобе указаны заведомо ложные сведения.

Подводя итог настоящему исследованию, можно сделать вывод, что реализация защитником права на обжалование в досудебных стадиях уголовного процесса возможно только путем императивного соблюдения законодательных требований. Считаем, что именно защитник имеет возможность добиться законного и своевременного рассмотрения жалобы в целях защиты своего доверителя. Кроме того, думается, что именно институт обжалования служит правовым механизмом от незаконных решений, действий (бездействия) должностных лиц. В рамках исследования установлено, что в настоящее время существует ряд проблемных аспектов в институте обжалования, в связи с чем предложены законодательные нововведения и рекомендации, которые способствуют улучшению обеспечения прав и законных интересов граждан.

Literature:

1. Sementsov V.A. Modern problems of appeal in domestic criminal proceedings / V.A. Sementsov, S.V. Rudakova // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2021. № 3. P. 33–42.
2. Yartsev R.V. Abuse of the right is the basis for refusing to accept the application / R.V. Yartsev, O.A. Bezrukov // Justice of the Peace. 2017. № 5. P. 23-27.
3. Kolokolov N.A. What is the essence of the abuse of the right to appeal? Practice of applying the criminal procedural code of the Russian Federation / N.A. Kolokolov; Ed. by V.M. Lebedev. M. : Yurayt; 2016. Vol. 1. P. 587–727.
4. Gordeichik S.A. Abuse of the right of appeal in the order of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / S.A. Gordeichik // Advocacy Practice. 2020. № 2. P. 21–22.
5. Khimicheva O.V. The right to appeal in pre-trial proceedings: freedom and abuse / O.V. Khimicheva, D.V. Sharov // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2020. № 3. P. 53–59.
6. Abuse of the right, its prevention and suppression in the criminal process of Russia: some results of the study / O.I. Andreeva // All-Russian criminological journal. 2018. Vol. 12. № 6. P. 914–924.
7. Zheleva O.V. Abuse of the right to appeal to the court of actions (inaction) and decisions of state bodies and officials carrying out criminal prosecution / O.V. Zheleva // Bulletin of Tomsk State University. 2016. № 405. P. 168–182.

8. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев [и др.]; под редакцией Л.В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 1326 с.

8. Course of Criminal Procedure / A.A. Harutyunyan, L.V. Brusnitsyn, O.L. Vasiliev [et al.]; Edited by L.V. Golovko. 3rd ed., ispr. and add. M. : Statute, 2021. 1326 p.

Ткачева Юлия Сергеевна
преподаватель кафедры юриспруденции,
Краснодарский кооперативный институт,
Российский университет кооперации
Milena.555@mail.ru

ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК КАТЕГОРИЯ КРИМИНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. Статья посвящена дефиниции «физическое насилие» как категории криминального насилия. В ней проводится анализ авторских точек зрения с акцентом на признаках, которые присущи только физическому насилию. Кроме того, в ней раскрывается авторское понимание физического насилия, сущность которого заключается в осуществлении любыми методами и средствами воздействия виновного на физическое состояние потерпевшего, следствием чего являются причинения вреда здоровью потерпевшего и иные уголовно наказуемые последствия.

Ключевые слова: теория уголовного права, физическое насилие, преступления против личности, уголовно-наказуемые последствия, потерпевший.

В уголовно-правовой литературе имеется немало опубликованных позиций по поводу дефиниции «физическое насилие» применительно к уголовному праву, что отражает многообразие и одновременно сложность рассматриваемой категории криминального насилия. Так, Е.А. Писаревская пишет о том, что «физическое насилие – это умышленное общественно опасное противоправное воздействие с применением физической силы или путем использования различных предметов, средств, орудий, механизмов, животных на другого человека помимо или вопреки его воле, способное причинить вред правам и законным интересам человека, общества и государства или причинившее вред данным интересам» [1].

При анализе авторских точек зрения мы будем акцентировать внимание не на признаках общего характера, а на тех признаках, которые присущи только физическому насилию.

Исходя и данного методологического подхода, обратим внимание на то, что указанный автор (Е.А. Писаревская) пишет о воздействии физической силы или использовании различных предметов и животных «на человека». Как нам представляется, такое понимание физического насилия упрощено ввиду того, что выражение «воздействие на человека» имеет слишком неопределенный характер, учитывая, что и понятие самого человека в данном конкретном контексте имеет

Yulia S. Tkacheva
Lecturer of the Department of Jurisprudence,
Krasnodar Cooperative Institute,
Russian University of Cooperation
Milena.555@mail.ru

PHYSICAL VIOLENCE AS A CATEGORY OF CRIMINAL VIOLENCE

Annotation. The article is devoted to the definition of physical violence as a category of criminal violence. It provides an analysis of the author's points of view with an emphasis on the signs that are inherent only in physical violence. In addition, it reveals the author's concept of physical violence, the essence of which lies in the implementation by any methods and means of the perpetrator's influence on the physical condition of the victim, the consequence of which is harm to the health of the victim and other criminally punishable consequences.

Keywords: theory of criminal law, physical violence, crimes against the person, criminally punishable consequences, victim.

слишком широкое значение и, учитывая то обстоятельство, что, например, Раздел VII УК РФ именуется как «Преступления против личности» (в названиях некоторых глав также присутствует слово «личность»), а в статьях Особенной части УК, входящих в этот раздел, речь идет, имея в виду потерпевших, уже не о «личности», а о «человеке» (ст. 105, 111, 112 УК РФ и др.), «ребенке» (ст. 106 УК РФ), «потерпевшем» (ст. 107, 110 УК РФ и др.), «лице» (ст. 112 УК РФ и др.), либо законодатель вообще не именуется потерпевшего никаким образом (ст. 109 УК РФ и др.).

Разумеется, принципиального значения данное обстоятельство не имеет, поскольку во всех случаях подразумевается причинение вреда человеку, но, на наш взгляд, целесообразно все же прийти к единому знаменателю. Учитывая, что понятие «человек» сложилось как «живое разумное социальное существо, субъект общественно-исторической деятельности и культуры» [2], мы полагаем, что в Особенной части УК РФ целесообразно использовать термин «потерпевший», как более подходящий для юридического текста, какковым является уголовный закон.

Принципиальным, если рассматривать приведенное определение физической силы, является то обстоятельство, что его автор (Е.А. Писаревская), хотя и указывает на причинение вреда потерпевшему, но это делается таким образом, что специфика именно физического насилия не

просматривается, поскольку «вред правам и законным интересам человека, общества и государства» причиняется любым преступлением, запрещенным под страхом наказания уголовным законом, то есть данная формулировка имеет слишком общий вид.

Некоторое уточнение дается в определении физического насилия, которое предлагается В.И. Симоновым: «Физическое насилие – это воздействие или попытка воздействовать на тело потерпевшего в двух основных формах:

– во-первых, в форме использования только мускульной силы своего тела (например, нанесение потерпевшему ударов руками или ногами, сдавливание ему шеи);

– во-вторых, в форме использования различных предметов и механизмов (например, в потерпевшего производится выстрел из огнестрельного оружия или на него направляется движущийся транспорт), животное (например, собака) либо мускульной силы других лиц (душевнобольных, малолетних), которые служат орудием в руках виновного лица».

Схожее представление о физическом насилии дается также В.Г. Шумихиным, который отмечает, что «о физическом насилии можно говорить лишь в тех случаях воздействия на потерпевшего, когда виновный применяет свою физическую силу либо сверх этого использует какие-нибудь предметы, механизмы, животных или мускульную силу других лиц. Другими словами, применение мускульной силы непосредственно или опосредованно к телу другого человека есть физическое насилие. Следовательно, тело всегда должно включаться в понятие «объект физического насилия» [3]. Заметим, что такого рода определения предлагались и несколько десятилетий назад. Так, по мнению Н.И. Панова, «физическое насилие может выражаться в непосредственном применении виновным своей мускульной силы к телу потерпевшего (нанесение ударов руками, ногами и др.) либо в применении физической силы посредством использования различных предметов (оружия, иных предметов, в том числе, жидких и сыпучих ядовитых или сильнодействующих средств), или же в использовании силы других лиц (душевнобольных, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности), а также – животных, которые служат орудием в руках виновного» [4]. Н.В. Иванцова пишет о воздействии «на человеческое тело» [5]. Здесь указывается воздействие не на «человека», как в предыдущем случае (определение Е.А. Писаревской), а воздействие на «тело потерпевшего». Такой подход представляется более точным, поскольку физическое насилие по определению должно воздействовать на нечто вещественное, в данном случае, как считают данные авторы, – это тело потерпевшего. Вместе с тем, тело человека с медицинской точки зрения охватывает не всего человека с материально-вещественной точки зрения, а ограничивается «туловищем человека, за исключением конечностей» [6].

В словаре универсального характера тело определяется как «материальное начало в человеке (в противоположность духовному); труп; туловище человека» [7] (толковый словарь русского языка Т.В. Ефремовой), как «часть человеческой фигуры от шеи до ног; туловище, корпус человека; физическое начало в человеке в противоположность духовному; останки умершего человека, мертвый человек, труп» [8] (большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что тело человека характеризуется как «материальное начало» человека, так и как «физическое начало», что в рассматриваемом контексте, очевидно, можно считать как тождественные понятия.

Кроме того, в словарях русского языка тело человека определяется также как «труп». Действительно, может быть тело, как живого человека, так и мертвого человека, в то время как насилие применяется только к живому человеку, что аксиоматически воспринимается как в теории уголовного права, так и в законотворческой и правоприменительной практике в сфере уголовно-правовых отношений. Последнее находит подтверждение в тексте УК РФ, где термин «тело» встречается всего один раз и связывается как раз с «телами умерших» (ст. 244 УК РФ – «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»). Соответственно в итоге термин «тело потерпевшего» трудно назвать удачным при определении дефиниции физического насилия.

В литературе, в этом контексте, встречается дополнение – «воздействие на внутренние и (или) внешние части человеческого тела» [9]. По поводу тела свой комментарий мы уже дали. Что касается «внутренних» или «внешних» частей тела, то такой подход, на наш взгляд, не совсем удачен по той причине, что в практике бывает затруднительно разделить эти части, поскольку, например, воздействие на внешнюю часть (к примеру, удар ножом) тела с неизбежностью передается и переходит на внутреннюю часть (мышцы, внутренние органы, а также, те же нервные импульсы, вызывающие физические страдания человека), а воздействие на внутренние части и вовсе невозможно без воздействия на внешние части.

Довольно распространенным является представление физического насилия как воздействия извне непосредственно на организм человека. Так, Л.Д. Гаухман пишет о том, что физическое насилие представляет собой «общественно опасное, противоправное воздействие на организм человека, совершенное против его воли» [10]. Р.Д. Шарапов указывает на то, что при насилии имеет место посягательство на организм человека (органы, ткани, физиологические функции, психику) [11]. В медицинской литературе дается следующая характеристика организма: «Это исторически сложившаяся целостная, все время меняющаяся система, имеющая свое особое строение и развитие, способная к обмену веществ с окружающей средой, к росту и размножению» [12]. Как нам представляется, для целей уголовного права это вряд ли приемлемый вариант.

М.М. Лавруков предпринял попытку включить понятие «организм» в правовую материю: «Человек является одним из представителей животного мира, основу которого составляет живая материя. Существование человека представлено, прежде всего, функционированием и развитием живого организма наивысшего порядка. В этом состоит биологическая сущность человека. Изучение целостного организма является наиболее высоким уровнем познания в медико-биологических исследованиях. Организм как биологический субстрат человека построен из отдельных частных структур – органов, тканей и тканевых элементов, объединенных в единое целое. Таким образом, структурными элементами организма потерпевшего (следующий уровень абстракции) являются: органы и ткани, их физиологические функции. Но человек не есть лишь только сгусток организованной биологической массы, а является существом разумным, т.е., наделен психикой наивысшего порядка. Человек – это единство физического и духовного, биологического и социального. Однако следует помнить о том, что предмет физического насилия составляет только биологическая сущность человека» [13]. Здесь важное значение имеет последняя фраза, показывающая материальный характер физического насилия.

По мнению В.Г. Шумихина, физическое насилие представляет собой «нарушение телесной неприкосновенности личности. Посягнуть на телесную неприкосновенность – значит прикоснуться к телу другого лица, воздействовать на него силой. Телесная неприкосновенность есть такая категория, которая обеспечивает:

- а) условия биологического (физического) существования человека;
- б) условия социального существования человека.

В силу этого, она может рассматриваться в качестве самостоятельной социальной ценности особого объекта уголовно-правовой охраны» [14]. Заметим, что подобное суждение о «телесной неприкосновенности» при обсуждении вопросов регулирования категории насилия в уголовно-правовом смысле уже встречалось в отечественном уголовном праве. Так, при обсуждении проекта Уголовного уложения 1903 г. в различных официальных инстанциях указывалось, в частности, что «посягательство на телесную неприкосновенность... это не только причинение другому физической боли и страданий, но и всякое прикосновение, всякое воздействие на тело другого, другими словами - охватывает собою всякое посягательство на норму: не прикасайся к телу другого» [15]. А несколько позже советский криминалист А.А. Жижиленко на примере изнасилования писал, в частности, что «под физическим насилием как способом совершения изнасилования разумеется всякое воздействие на телесную неприкосновенность, в чем бы они ни проявлялись, будет это насилием над личностью в тесном (узком) смысле, или же насилие выразилось в телесном повреждении независимо от тяжести» [16].

Трудно согласиться с тем, что телесная неприкосновенность личности является самостоятельной социальной ценностью, поскольку при такой терминологии («неприкосновенность») по логике этого автора следует буквально понимать, что к человеку вообще нельзя прикоснуться без его согласия. Однако в реальности это не так (человека могут задеть случайно на улице, во время спортивного поединка, или похлопать по плечу вопреки его желанию, также без его согласия ему могут оказать медпомощь и т.д.).

О праве на телесную неприкосновенность ничего не говорится в конституции и международных документах по правам человека (в отличие о неприкосновенности жилища, личной частной жизни и др.), и, как нам представляется, вполне логично, поскольку данное понятие («телесная неприкосновенность») вполне вписывается в такое фундаментальное право, как право на личную неприкосновенность, что отнюдь не то же самое, что телесная неприкосновенность [17]. Но и здесь мы не можем согласиться с мнением о том, что физическое насилие нужно определять как «воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное право граждан на личную неприкосновенность» [18]. Дело в том, что понятие «личная неприкосновенность» («неприкосновенности личности») в сфере отраслей права и науки криминального цикла (уголовное право, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право) присуще не уголовному, а уголовно-процессуальному праву.

В этой связи, в литературе справедливо указывается, что понятие «телесные повреждения» в уголовном праве не совпадает с аналогичным понятием в судебной медицине. Так, в поле зрения уголовного права находятся только противоправные, умышленные или неосторожные действия субъекта, посягающие на чужое здоровье (некоторая часть которых может быть отнесена к насильственным). Судебную же медицину интересуют не только волевые действия, но и действия, которые вообще не связаны с целенаправленной человеческой деятельностью (стихийные силы природы: атмосферное электричество, наводнения, землетрясения и т.п.). Поэтому, например, перелом ребра, причиненный в одном случае ударом ноги преступника, в другом при случайном падении самого потерпевшего, в третьем, при горном обвале, для судебного медика в равной мере являются телесным повреждением, поскольку речь идет о внешнем механическом воздействии» [19]. Более того, «всякое внешнее воздействие в этих случаях судебные медики расценивают как насильственное [20], и хотя это утверждение небесспорное, оно показывает, что в вопросах регулирования категории насилия вообще и понимания специфики физического насилия, в частности, терминология имеет важное значение.

Итак, как мы выяснили, в российской доктрине физического насилия в целях уголовного права уже длительное время нет четкости в понимании того, на что же воздействует виновный в процессе

применения физического насилия, то есть, при реализации объективной стороны насильственного преступления: на тело, на организм, на телесную, личную или физическую неприкосновенность или на что-то другое.

На наш взгляд, данный вопрос целесообразно решить следующим образом. Физическое насилие по определению должно быть увязано с физически ощущаемым воздействием на потерпевшего, когда насильственные действия направлены на нарушение физического состояния потерпевшего в такой степени, что это приводит к причинению вреда здоровью и иным уголовно-наказуемым последствиям. Если предельно упростить, то физическое насилие посягает на человеческую плоть, а не на сознание потерпевшего.

При этом не имеют значения методы и средства, какими виновный осуществляет такое насилие, – важно, чтобы они носили материально-вещественный характер: физическая сила, использование различных предметов, химических веществ, лазерных и иных излучений, животных, мускульную силу иных лиц и т.д. Разумеется, насильственные действия должны совершаться умышленно, целенаправленно, активно и должны быть включены в объективную сторону соответствующего состава преступления.

Еще одна важная характеристика физического насилия, на наш взгляд, должна заключаться в том, что собственно сами по себе телодвижения виновного не обязательно должны быть непосредственной причиной преступно-вредных последствий насильственных преступлений (например, агрессивные удары ногами и руками, палкой и другими предметами также являются собой объективирование физического насилия, как и выстрел из пистолета, для чего требуется легкое движение пальца или использование яда, и т.д.). Кроме того, для целей физического насилия не имеют значения методы и средства, которыми совершается физическое насилие (применение мускульной силы в виде ударов и сдавливания, использование различных предметов, веществ, природных явлений, например, силы земного тяготения, и т.д.).

Соответственно, мы полагаем, что сущность физического насилия в целях уголовного права целесообразно определять следующим образом: это, осуществляемое любыми методами и средствами воздействие виновного на физическое состояние потерпевшего, следствием которого являются причинение вреда здоровью потерпевшего и иные уголовно наказуемые последствия. Мы полагаем, что наличие уголовно наказуемых последствий при физическом насилии применительно к уголовному праву должно быть обязательным. При этом мы солидарны с позицией

Литература:

1. *Писаревская Е.А.* Насильственная преступность несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 12.

А.М. Браусова в том, что «физическое насилие как признак насильственного преступления никоим образом не может включать в себя физический вред» [21].

Вместе с тем, здесь нужно сделать оговорку: рассматривая специфику физического насилия, мы имеем в виду сугубо «технологическую сторону», акцентируя внимание на объективировании этого вида насилия, и при таком подходе само физическое насилие никак не может рассматриваться как преступление, хотя форма объективирования насилия-деяния может полностью совпасть с формой объективирования насилия-преступления – в том случае, если насильно-деянию будет даваться уголовно-правовая оценка, то есть, при квалификации насильственных преступлений в следственной и судебной практике (например, при убийстве), но может не совпадать в случае многообъектного преступления (например, при насильственном грабеже).

Как отмечается в литературе, физическое насилие сопряжено со следующими основными видами последствий: смерть, вред здоровью или утрата физической свободы [22]. С. Дробот и А. Куличков указывают на то, что следствием физического насилия является причинение физического вреда [23]. По мнению С.В. Борисова и А.В. Жеребченко, вред здоровью следует расценивать как «возможное последствие применения насилия» [24]. Такое суждение показывает неопределенность вопроса о том, является ли обязательным причинение как минимум вреда здоровью в насильственном преступлении (в данном случае речь идет о физическом насилии), или, если сформулировать вопрос по-другому: возможно ли совершение насильственного преступления, следствием которого не будет, по меньшей мере, причинения вреда здоровью.

Мы полагаем, что, поскольку речь идет о физическом насилии, что связано, как мы указывали выше, с воздействием на физическое состояние потерпевшего методами и средствами материального характера, то, следовательно, нужно обновляться на материалистической картине мира (а именно, материалистическая диалектика положена в основу методологии настоящего исследования как общепринятая на данном этапе развития человеческой цивилизации вообще и науки в частности) и исходить из того, что воздействие одного материального предмета (физическое насилие) на другой материальный предмет (физическое состояние потерпевшего как живого биологического существа) не может не оставлять на последнем следов такого воздействия. Это означает, что последствия физического насилия с неизбежностью возникают (не могут не возникнуть) и имеют материальный характер.

Literature:

1. *Pisarevskaya E.A.* Violent crime of minors : dis. ... cand. jurid. sciences'. Tomsk, 2006. P. 12.

2. Человек / Гл. ред. А.М. Прохоров // Большой энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 1991. С. 995.
3. Шумихин В.Г. Квалификация преступлений, совершаемых способом насилия / В.Г. Шумихин // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): Избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева [и др.]; Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М. : Статут, 2016. С. 420.
4. Панов Н.И. Квалификация преступлений, совершаемых путем применения физического насилия / Н.И. Панов // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. Киев, 1986. С. 32–33.
5. Иванцова В.М. Указ. работа. С. 52.
6. Медицинский словарь / Сост. А.Д. Беляев. URL : http://gufo.me/med_a (дата обращения 23.03.2017).
7. Ефремова Т.В. Толковый словарь русского языка : в 2 т. М. : Дрофа, Русский язык, 2000. Т. 2. С. 273.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. С. 1313.
9. Иванцова В.М. Указ. работа. С. 52.
10. Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР / Л.Д. Гаухман; Под ред. И.С. Ноя. Саратов : Издательство Саратовского государственного университета, 1981. С. 22.
11. Шарпов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 12.
12. Привес М.Г.. Анатомия человека / М.Г. Привес, Н.К. Лысенков, В.И. Бушкович. М., 1985. С. 20.
13. Лавруков М.М. Понятие и виды насилия в уголовном праве / М.М. Лавруков // За права военнослужащих. 2002. № 9–10. С. 37.
14. Шумихин В.Г. Квалификация преступлений, совершаемых способом насилия / В.Г. Шумихин // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): Избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева [и др.]; Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М. : Статут, 2016. С. 420.
15. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, Представления Министерства в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб. : Издательство Н.С. Таганцева, 1904. С. 8–9.
2. Man / Editor-in-chief A.M. Prokhorov // Big Encyclopedic Dictionary. M. : Big Russian Encyclopedia, 1991. P. 995.
3. Shumikhin V.G. Qualification of crimes committed by means of violence / V.G. Shumikhin // Sixth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 16–17 2015): selected materials / V.V. Akinfieva, A.A. Ananyeva, S.I. Afanasieva [et al.]; Ed. V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. M. : Statute, 2016. P. 420.
4. Panov N.I. Qualification of crimes committed by the use of physical violence / N.I. Panov // Problems of further strengthening of socialist legality in the activities of internal affairs bodies. Kiev. 1986. P. 32–33.
5. Ivantsova V.M. Decree. work. P. 52.
6. Medical dictionary / Comp. A.D. Belyaev. URL : http://gufo.me/med_a (date of the application 23.03.2017).
7. Efremova T.V. Explanatory dictionary of the Russian language. Russian Russian Language, 2000. P. 273.
8. Kuznetsov S.A. A large explanatory dictionary of the Russian language. SPb. : Norint, 2000. P. 1313.
9. Ivantsova V.M. Specified work. P. 52.
10. Gaukhman L.D. Problems of criminal and legal struggle against violent crimes in the USSR / L.D. Gaukhman; Edited by I.S. Nov. Saratov : Saratov State University Publishing House, 1981. P. 22.
11. Sharapov R.D. Violence in criminal law (concept, qualification, improvement of the mechanism of criminal law prevention) : dis. ... dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2006. P. 12.
12. Prives M.G. Human anatomy / M.G. Prives, N.K. Lysenkov, V.I. Bushkovich. M., 1985. P. 20.
13. Lavrukov M.M. The concept and types of violence in criminal law / M.M. Lavrukov // For the rights of servicemen. 2002. № 9–10. P. 37.
14. Shumikhin V.G. Qualification of crimes committed by means of violence / V.G. Shumikhin // Sixth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 16–17, 2015): selected materials / V.V. Akinfieva, A.A. Ananyeva, S.I. Afanasieva [et al.]; Ed. V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. M. : Statute, 2016. P. 420.
15. Criminal Code of March 22, 1903 with the motives extracted from the explanatory note of the editorial commission, the Submission of the Ministry to the State Council and journals – a special meeting, a special presence of departments and a general meeting of the State Council. SPb. : N.S. Tagantsev Publishing House, 1904. P. 8–9.

16. *Жижиленко А.А.* Половые преступления. М., 1924. С. 21.
17. *Опалева А.А.* Институт личной неприкосновенности (теоретико-правовые проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; *Фасхутдинова Н.Р.* Уголовно-правовая охрана личной неприкосновенности от заведомо незаконных задержания, заключения под стражу и содержания под стражей : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 1999; *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
18. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Борышника, В.Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 1997. С. 397.
19. *Симонов В.И.* К вопросу о физическом насилии как одном из элементов основного состава преступления / В.И. Симонов // Вестник Пермского университета. 2001. № 2. С. 210–231.
20. *Козлов В.В.* Понятие «телесное повреждение» в судебной медицине / В.В. Козлов // Ученые записки Саратовского юридического института. Саратов : Издательство Саратовского юридического института, 1969. Вып. 16. С. 256–257.
21. *Браусов А.М.* Физическое насилие в уголовном праве – способ, деяние, последствие? / А.М. Браусов // Проблемы укрепления законности и правопорядка. 2009. № 2. С. 209–223.
22. *Шарапов Р.Д.* Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 12–13.
23. *Дробот С.* Уголовно-правовая характеристика нападения в преступлении, предусмотренном ст. 360 УК РФ / С. Дробот, А. Куличков // Уголовное право. 2014. № 4. С. 19–26.
24. *Борисов С.В.* Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко; Отв. ред. С.В. Борисов. М. : Юриспруденция, 2015. С. 198.
16. *Zhizhilenko A.A.* Sexual crimes. M., 1924. P. 21.
17. See in more detail: *Opaleva A.A.* Institute of Personal Integrity (theoretical and legal problems) : dis. ... dr. jurid. M., 2008; *Faskhutdinova N.R.* Criminal-legal protection of personal inviolability from knowingly illegal detention, detention and detention : dis. ... cand. jurid. sciences'. Rostov-on/D., 1999; *Shadrin V.S.* Ensuring the rights of the individual in the investigation of crimes : dis. ... dr. jurid. M., 1997.
18. Big Legal dictionary / Edited by A.Ya. Sukharev, V.D. Boryshnik, V.E. Krutskikh. M. : INFRA-M, 1997. P. 397.
19. *Simonov V.I.* On the issue of physical violence as one of the elements of the main corpus delicti / V.I. Simonov // Bulletin of Perm University. 2001. № 2. P. 210–231.
20. *Kozlov V.V.* The concept of «bodily injury» in forensic medicine / V.V. Kozlov // Scientific notes of the Saratov Law Institute. Saratov : Publishing House of the Saratov Law Institute, 1969. Iss. 16. P. 256–257.
21. *Brausov A.M.* Physical violence in criminal law – a method, an act, the consequence? / A.M. Brausov // Problems of strengthening law and order. 2009. № 2. P. 209–223.
22. *Sharapov R.D.* Violence in criminal law (concept, qualification, improvement of the mechanism of criminal law prevention) : dis. ... dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2006. P. 12–13.
23. *Drobot S.* Criminal-legal characteristics of an attack in a crime under Article 360 of the Criminal Code of the Russian Federation / S. Drobot, A. Kulichkov // Criminal Law. 2014. № 4. P. 19–26.
24. *Borisov S.V.* Incitement of hatred, enmity, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal responsibility / S.V. Borisov, A.V. Zherebchenko; Responsible editor S.V. Borisov. M. : Jurisprudence, 2015. P. 198.

Уткина Татьяна Владимировна
ученый секретарь ученого совета,
Пермский институт федеральной службы
исполнения наказаний
tatyana27@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с проблемой квалификации нарушений, допускаемых осужденными в процессе отбывания наказания, и применением правовых средств реагирования. Делается вывод об отсутствии унифицированного подхода при оценке нарушений с позиций «уклонения от отбывания наказания» и «злостного уклонения от отбывания наказания». Предложено законодательно закрепить необходимость установления признака умышленности при оценке уклоняющегося поведения осужденных.

Ключевые слова: осужденные, наказание, уклонение от отбывания наказания, злостное уклонение.

Ожидаемой реакцией на состоявшееся событие осуждения выступает дальнейший отказ виновного от совершения криминальных деяний. Тем не менее, законодатель предусмотрел возможные угрозы посткриминального поведения индивида и различные формы реакции на него. Отказ от выполнения установленных требований и запретов свидетельствует о нежелании осужденного строить конструктивные отношения с учреждениями и органами, исполняющими назначенное наказание, и следовать пути достижения целей наказания. Решить проблему недостаточной исполняемости установленных ограничений и запретов только посредством репрессивных мер невозможно, однако они могут использоваться в качестве эффективного компонента системы правового реагирования в случае уклоняющегося поведения осужденного.

Согласно статистическим данным, в течение 2020 года районными и мировыми судами в порядке исполнения приговоров было рассмотрено 36,7 тысяч материалов о замене исправительных работ и свыше 25,7 тысяч представлений о замене обязательных работ изоляционными наказаниями и 6,5 тысяч представлений о замене штрафа. Учитывая, что в вышеуказанный период исправительные работы были назначены 40,9 тысячам

Tatiana V. Utkina
Scientific Secretary of the Academic Council,
Perm Institute of Federal Service
Execution of Punishments
tatyana27@yandex.ru

CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINAL-EXECUTIVE CHARACTERISTICS OF REJECTED BEHAVIOR OF CONVICTS TO PENALTIES WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

Annotation. This article discusses some issues related to the problem of qualification of violations committed by convicts in the process of serving a sentence, and the use of legal means of response. It is concluded that there is no unified approach to assessing violations from the positions of «evasion from serving a sentence» and «malicious evasion from serving a sentence». It is proposed to legislate the need to establish a sign of premeditation when assessing the evasive behavior of convicts.

Keywords: convicts, punishment, evasion from serving a sentence, malicious evasion.

обвиняемых [1], обязательные работы – 92,6, штраф – 61,7 тысячам человек, то можно отметить высокий криминогенный потенциал осужденных, в отношении которых судом принято решение о возможности претерпевать ограничения в условиях, альтернативных лишению свободы.

В научной литературе в случае неисполнения осужденными назначенных судом и органом, исполняющим наказание, обязанностей традиционно используются такие понятия как «уклонение» либо «злостное уклонение» [2, с. 32; 3, с. 335; 4, с. 204]. Отсутствие в законодательстве четких формулировок, позволяющих их разграничивать, препятствуют формированию единообразного подхода к оценке этих форм противоправного поведения.

Толковый словарь Даля дает следующее определение слова «уклоняться» – избегать дела, знакомства, отделяться под предлогами, отлынивать; а уклончивого человека наделяет как качествами смирения и уступчивости, так и хитрости, двуличия, сокрытия своих мыслей, убеждений и целей [5].

И.В. Дворянсков характеризует уклонение как правонарушение в форме бездействия, заключающееся в невыполнении возложенной на

осужденного правовой обязанностью [2, с. 30]. Л.Л. Кругликов и Е.А. Тимофеева предлагают рассматривать уклонение как деяние, влекущее причинение существенного вреда общественным отношениям, сопряженного с общественной опасностью, что позволяет рассматривать его с позиций самостоятельного вида преступления [6, с. 64].

По мнению Л.Р. Сафина, особый вид уголовного правонарушения, порождающий уголовно-правовые отношения ввиду схожести по ряду признаков с преступлением, составляет именно злостное уклонение [7, с. 10]. Объективно, наделение проступка признаками «злостности» должно указывать на высокую антиобщественную опасность, правовой низгизм и наличие у правонарушителя сознательного намерения продолжать асоциальную деятельность, которая не может быть пресечена в условиях действующего наказания и требует усиления карательного воздействия в отношении лица. Однако в научной среде преобладает точка зрения, при которой уклонение от наказания классифицируется как преступление в соответствии с нормами Особенной части Уголовного кодекса России, а злостное уклонение влечет за собой предусмотренную Общей частью уголовного закона замену первоначального наказания более строгим. Такое основание замены предусмотрено в течение срока исполнения штрафа (ст. 46 УК РФ), обязательных работ (ст. 49 УК РФ), исправительных работ (ст. 50 УК РФ), ограничения свободы (как основного наказания) (ст. 53 УК РФ). Возможны и два основания для инициации процедуры замены принудительных работ: при уклонении осужденного от их отбывания или признания его злостным нарушителем (ст. 53.1 УК РФ).

Исследователи, апеллирующие к тому, что уклонение от наказания в обязательном порядке влечет за собой уголовное преследование, ссылаются, в числе прочих, на криминализацию действий, связанных с уклонением от исполнения ограничения свободы (ст. 314 УК РФ). Однако диспозиция ч. 1 данной статьи характеризует озвученное противоправное деяние как злостное, то есть, обе категории нарушений формально оценены как равнозначные.

Такая коллизия прослеживается и в нормах уголовно-исполнительного права, где действия уклоняющегося обязательных работ, или осужденного к исправительным работам, скрывшегося с места жительства, местонахождение которого неизвестно, оцениваются с позиции злостности. В то же время, действия осужденных к принудительным работам схожего характера, выраженные в различных формах неприбытия либо невозвращения к месту отбывания наказания, признаются только уклонением. Отметим, что правовые последствия во всех вышеописанных случаях единообразны и влекут установление для виновного лица изменение вида наказания.

А.А. Урусов предлагает устранить существующий конфликт посредством исключения понятия «злостность», наделяя уклонение от отбывания наказания характеристиками преступления,

позволяющими правоохранительным органам и судам привлечь индивида, не желающего выполнять возложенные судом ограничения, к ответственности [3, с. 339]. Мы не поддерживаем данную позицию, поскольку ряд обязанностей, назначенных осужденному, регламентируются нормами уголовно-исполнительного права, а не уголовного, и направлены на обеспечение надлежащего исполнения уголовного наказания и подконтрольность делинквента. В отдельных случаях, их неисполнение не может быть оценено с позиций преступного поведения. К таким обязанностям можно отнести требование о предоставлении контролирующему сотруднику документов, связанных с отбыванием наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (далее – лишение права) или необходимость постоянного нахождения при себе удостоверяющего личность документа установленной формы спецконтингентом исправительного центра

Соответственно, степень оценки неправомерных действий осужденного исходя из категорий «уклонения» и «злостного уклонения» и реакция на них должна быть разной, поскольку «злостность» придает эмоциональную окраску совершенному проступку, наделяя избегание установленных правоограничений свойствами осознанности и желаемости для индивида. Это ожидается быть сопряжено с высокой угрозой совершения иных противоправных действий и необходимостью повышенного внимания к персоне осужденного со стороны правоохранительных органов и иных должностных лиц предприятий, учреждений и организаций, привлекаемых к процессу реализации наказания.

Отдельные специалисты обращают внимание на нерациональность отнесения к категории злостных проступков совершенных как неоднократно, так и разово. Так, руководствуясь ст. 32 УК РФ, осужденный, не внесший подлежащую взысканию сумму или ее часть в установленный срок, признается злостно уклоняющимся от уплаты. Иных, более «мягких» нарушений, законодатель не предусматривает, равно, как и не требует наличие умысла в действиях лица, логично ожидаемого для оценки с позиций умышленности. В данном случае, мы считаем, что решение законодателя об отнесении правонарушений к категории злостных должно быть обусловлено не столько повторностью, а именно, степенью общественной опасности акта неповиновения, формой его выражения и отношением осужденного лица к совершенному деянию.

Стоит остановиться и на том, что действующие нормы уголовно-исполнительного права, в ряде случаев, не используют понятие «уклонение», но предусматривают и иные формы девиантного поведения осужденного или вовсе не предлагают возможности неисполнения осужденным, установленных для него требований и запретов, и соответствующей реакции государства на них. Так, УИК РФ содержит перечень проступков, отнесенных к «нарушениям порядка и условий отбывания» обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и принудительных

работ, или «нарушений требований приговора» – для наказания в виде лишения права (ст. 38 УИК РФ). При всем разнообразии видов наказаний, альтернативных изоляционным, способы и меры реагирования на нарушение представлены крайне скудно, либо вообще не могут быть отнесены к мерам взыскания.

Отметим нецелесообразность и низкий превентивный потенциал применения такой меры реагирования на уклоняющееся поведение осужденного к исправительным работам, как предупреждение об ответственности, поскольку его вынесение не предусматривает каких-либо правовых последствий для нарушителя. При этом разъяснение условий привлечения к ответственности за неисполнение возложенных обязанностей является обязательной темой в ходе первоначальной беседы сотрудника уголовно-исполнительной инспекции с подучетным лицом. Таким образом, осужденному неоднократно доводится информация об основаниях и условиях привлечения к различным формам ответственности. Учитывая длительность наказания, определенно возникают вопросы к целесообразности вынесения предупреждения.

В ситуации исправительных работ наличие предупреждения за ранее совершенное правонарушение, вынесенного в письменной форме, в полной мере может быть оценено как вид взыскания, поскольку выступает в качестве условия для ужесточения санкции.

Ограничение по военной службе, схожее по степени карательного воздействия с наказаниями, связанными с ограничениями в сфере трудовой деятельности, не предусматривают никаких форм ответственности осужденного в случае неисполнения назначенного судом наказания.

Таким образом, складывается ситуация, при которой должностное лицо учреждения (органа), исполняющего наказание, обеспечивающее контроль за поведением подученного, не имеет возможностей для применения мер воздействия в случае отклоняющегося поведения осужденного ввиду отсутствия правовых оснований или, наоборот, применяет меры реагирования, не отвечающие принципу справедливости и объективно складывающейся необходимости.

Литература:

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году. URL : http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения 12.08.2022).
2. Дворянсков И.В. Уклонение от отбывания наказания и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества: основания и виды ответственности / И.В. Дворянсков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 5. С. 29–35.

Альтернативные наказания не являются освобождением от наказания, а выступают возможностью достичь целей исправления в менее конфликтных для осужденного условиях. В условиях расширения практики назначения неизоляционных наказаний, они нуждаются в законодательно обеспеченных возможностях применения превентивных и репрессивных мер различной строгости к виновному.

Целесообразно при принятии решения об ухудшении правового положения лица, учитывать, в том числе наличие причин и условий, препятствующих исполнению установленных требований в полном объеме в установленные сроки. На основании вышеизложенного, нами предлагается определить отсутствие уважительных причин в качестве обязательного требования в ситуации несвоевременного (более 24 часов) возвращения осужденного в исправительный центр либо неуплаты штрафа в установленном размере в установленных срок, дополнив содержание ч. 2 ст. 60.15 и ч. 1 ст. 32 уголовно-исполнительного закона нормами соответствующего содержания.

Очевидно, что нормы уголовного и уголовно-исполнительного права должны обеспечивать условия для применения мер как превентивного, так и репрессивного характера, гарантирующих исполнение установленных осужденному требований и ограничений. В настоящее время, применительно к категории альтернативных наказаний, такие условия практически не унифицированы и обладают меньшим уровнем правовой обеспеченности, чем изоляционные наказания. Нами предлагается разделить институты, возникающие в процессе отбывания наказания в ситуации неисполнения возложенных ограничений, на регулируемые уголовно-исполнительным законодательством и нормами уголовного права. В сферу регулирования уголовно-исполнительного права будут отнесены нарушения порядка и условий отбывания наказаний, в то время как в сферу уголовного – правонарушения, обладающим признаками злостности. Это позволит не только структурировать процесс применения к виновному репрессивных мер в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения установленных для него требований и запретов, но и обеспечить снижение количества фактов избыточной криминализации деяний, прерывными не являющихся.

Literature:

1. Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates in 2020. URL : http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (date of the application 12.08.2022).
2. Dvoryanskov I.V. Evasion from serving a sentence and other measures of a criminal nature not related to isolation from society: grounds and types of responsibility / I.V. Dvoryanskov // Sheets of the penal enforcement system. 2020. № 5. P. 29–35.

3. Урусов А.А. Уклонение от отбывания уголовного наказания / А.А. Урусов // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 333–339.

4. Степашин В.М. Понятие и признаки злого уклонения от отбывания наказания как основания замены наказания более строгим / В.М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 4. С. 200–205.

5. Толковый словарь Даля. URL : <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения 14.08.2022).

6. Кругликов Л.Л. Юридическая природа злого уклонения от отбывания наказания: дискуссионные вопросы / Л.Л. Кругликов, Е.А. Тимофеева // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 2. С. 63–65.

7. Сафин Л.Р. Ответственность осужденных за злостное уклонение от наказаний, не связанных с изоляцией от общества в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 27 с.

3. *Urusov A.A.* Evasion from serving a criminal sentence / A.A. Urusov // *Siberian Legal Review*. 2019. Vol. 16. № 3. P. 333–339.

4. *Stepashin V.M.* The concept and signs of malicious evasion from serving a sentence as a basis for replacing punishment with a more severe one / V.M. Stepashin // *Bulletin of Omsk University. The series «Law»*. 2014. № 4. P. 200–205.

5. Dahl's Explanatory Dictionary. URL : <https://gufo.me/dict/dal> (date of the application 14.08.2022).

6. *Kruglikov L.L.* The legal nature of malicious evasion from serving a sentence: debatable issues / L.L. Kruglikov, E.A. Timofeeva // *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2008. № 2. P. 63–65.

7. *Safin L.R.* Responsibility of convicts for malicious evasion of punishments not related to isolation from society in Russian criminal law : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. Kazan, 2004. 27 p.

Хао Цзэжунь
магистрант,
юридический факультет,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
604511694@qq.com

Влияние международного права на импорт и экспорт МСП

Аннотация. В данной статье предлагается включить предпринимательскую теорию эффектуации, чтобы исследовать, как МСП корректируют свои решения и реагируют на усиление институциональной неопределенности. Хотя эффектуация после пятнадцати лет исследований все еще находится в зачаточном состоянии, она представляет собой значительный парадигматический сдвиг в понимании предпринимательского поведения и принятия решений на этапе открытия нового бизнеса или действий в условиях высокой неопределенности. Проводится лонгитюдное исследование импортозависимых МСП России и анализируется процесс смены международных поставщиков. Это изменение вызвано введением торговых санкций между Россией и другими странами.

Ключевые слова: международное право, малое и среднее предпринимательство, санкции, международная торговля, Россия.

Эффектуация применялась для понимания инновационных процессов не только в МСП на уровне предпринимательства, но и в крупных компаниях на корпоративном уровне. Теория эффектуации также распространилась на область международного предпринимательства (МЭ) и продемонстрировала свой потенциал в объяснении феномена интернационализации МСП. Основываясь на предположении, что интернационализация напоминает предпринимательство, эти исследования применяют теорию эффектуации для объяснения расширения с внутренних на внешние рынки. Однако эффектуация не использовалась для изучения так называемой внутренней интернационализации при изучении принятия решений предпринимательскими фирмами, связанными с их международными операциями по поставкам.

В данной статье внимание сосредоточено на российских МСП и их принятии решений в международных операциях поставок в условиях недавно введенного режима экономических санкций [10]. Этот фокус также создает пространство для эмпирического вклада о международной деятельности российских МСП в сегментах, регламентированных международным правом.

Hao Zerun
Undergraduate,
Faculty of Law,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
604511694@qq.com

THE IMPACT OF INTERNATIONAL LAW ON THE IMPORT AND EXPORT OF SMES

Annotation. This article proposes to include an entrepreneurial effectuation theory to explore how SMEs adjust their decisions and respond to increased institutional uncertainty. Although effectuation is still in its infancy after fifteen years of research, it represents a significant paradigm shift in understanding entrepreneurial behavior and decision making when starting a new business or operating under conditions of high uncertainty. A longitudinal study of import-dependent SMEs in Russia is being carried out and the process of switching international suppliers is analyzed. This change is caused by the introduction of trade sanctions between Russia and other countries.

Keywords: international law, small and medium business, sanctions, international trade, Russia.

Л.П. Гришин и Я.А. Перман утверждают, что развивающиеся экономики, такой стране, как в Россия, представляют собой особый случай, поскольку их институциональные рамки часто состоят из незавершенных и конфликтующих элементов, которые противоречат существующим традиционным институтам, создают постоянные разногласия на всех уровнях и могут привести к институциональным пустотам [1].

Российская институциональная среда была признана крайне нестабильной и беспокойной на протяжении многих лет после распада Советского Союза по настоящее время. Например, В.С. Коровин, У.К. Субботина и Н.Т. Серова показывают, что радикальные политические изменения и шокирующий переход от плановой к рыночной экономике заставили российские компании переосмыслить свою цепочку деятельности, найти новых клиентов и поставщиков, и быстро осваивать новые бизнес-компетенции и навыки [2].

В новом тысячелетии, несмотря на некоторый рост российской экономики, воспринимаемый уровень турбулентности и нестабильности для МСП не снизился. Например, П.Р. Астахов и С.Д. Чепуренко утверждают, что основные внешние ограничения для российского малого бизнеса связаны с

высоким уровнем бюрократии, неразвитостью и постоянно меняющимися правовыми нормами и правилами налогообложения, а также с недостаточным доступом к внешнему финансированию [3].

Точно также Э.Е. Хажин говорит о плохо определенных правах собственности и неразвитых рыночных институтах как о главных факторах, сдерживающих развитие предпринимательства в России. Следовательно, количество российских малых предпринимательских фирм стагнирует, а в национальной экономике преобладают огромные государственные фирмы [4].

Согласно У.К. Вершинину, естественной реакцией российских малых и средних предприятий на эту турбулентную среду является либо проактивная стратегическая работа и сильный менеджмент, либо реактивное дрейфование с надеждой на лучшее [5].

В соответствии с этим, О.Г. Волчек показывает, что в этой неопределенной институциональной среде российским МСП становится сложно использовать международные возможности из-за как когнитивных, так и нормативных барьеров.

Таким образом, у российских предпринимателей часто недостаточно знаний о зарубежных рынках и рисках, связанных с международной деятельностью, из-за отсутствия образовательных и обучающих программ для предпринимателей [8].

Нормативные барьеры связаны с негативным отношением к предпринимательству как к карьерному пути, в целом, и воспринимаемой нормативной дистанцией между Россией и другими странами, потенциальными для интернационализации. Аналогичное исследование, проведенное Г.Ш. Михайловой, подчеркивает первостепенную роль институциональных факторов в интернационализации новых предприятий из России и подчеркивает более сложный характер их воздействия. Исследование показывает, что институциональные факторы не только напрямую связаны со степенью и масштабами интернационализации, но и формируют их отношения с другими факторами, характерными для предпринимателя, фирмы и отрасли, такими как международный опыт, инновационность продукта и отраслевые технологии [6].

Литература:

1. *Гришин Я.А.* Импорт и экспорт малого и среднего предпринимательства в России / Я.А. Гришин, Л.П. Перман. М. : НосНОУ. 2021. С. 650.
2. *Коровин В.С.* Проблемы международного инвестиционного права / В.С. Коровин, У.К. Субботина, Н.Т. Серова // Международная аналитика. 2022. № 3. С. 48.
3. *Астахов С.Д.* Международное право для бизнеса / С.Д. Астахов, П.Р. Чепуренко. М. : Юрайт. 2021. С. 730.

Точно также Р.Г. Фандо и Л.Р. Филлипова подчеркивают важность внутренней институциональной среды для российских МСП, осуществляющих международную деятельность. Их результаты показывают, например, что значение сетевых отношений с иностранными партнерами довольно низкое, поскольку российские предприниматели обычно имеют довольно ограниченное количество (если вообще имеют) иностранцев среди своих предпринимательских связей [7].

Еще один барьер интернационализации для российских МСП, связанный с неотечественным институциональным контекстом, касается, в целом, негативного имиджа российских предпринимателей у иностранцев, который вынуждает МСП демонстрировать честность и прозрачность для установления доверительных деловых отношений.

В целом, предпринимательский климат в России характеризуется высоким уровнем нестабильности и институциональной неопределенности, что делает его достаточно неблагоприятным [9]. Кроме того, недавно введенный и усиленный режим торговых и финансовых санкций между Россией и другими странами, квалифицируется как нормативная пунктуация и сделала деловой климат для МСП в стране еще более неблагоприятным. Однако недавно российское правительство ввело специальные долгосрочные планы развития для двадцати секторов экономики с конкретными мерами, направленными на импортозамещение, что уменьшило неопределенность для промышленных субъектов.

Правительство пытается привлечь местные органы власти к активному участию в программе содействия межрегиональному сотрудничеству и процедурам согласования. В то время, как государственные предприятия были частично стимулированы и вынуждены следовать основной тенденции импортозамещения в российской экономике, частный предпринимательский бизнес также стимулировался возможностью удовлетворить возникший неудовлетворенный спрос [11]. В этих условиях российские предприниматели, чьи фирмы сильно зависят от импорта, претерпели кардинальные изменения, которые отразились на их бизнес-стратегиях и принятии решений.

Literature:

1. *Grishin Ya.A.* Import and export of small and medium enterprises in Russia / Ya.A. Grishin, L.P. Perman. M. : NosNOU, 2021. P. 650.
2. *Korovin V.S.* Problems of international investment law / V.S. Korovin, U.K. Subbotina, N.T. Serova // International Analytics. 2022. № 3. P. 48.
3. *Astakhov S.D.* International law for business / S.D. Astakhov, P.R. Chepurenko. M. : Yurait, 2021. P. 730.

4. *Хажин Э.Е.* Россия на пути импортозамещения. М. : Атера, 2021. С. 204.
5. *Вершинин У.К.* Оценка экономики России в условиях санкционной политики. М. : РГГУ, 2021. С. 310.
6. *Михайлова Г.Ш.* Малое и среднее предпринимательство в России: проблемы и перспективы / Г.Ш. Михайлова // Аналитические записки. 2022. № 2. С. 140.
7. *Фандо Р.Г.* Что ждать от санкций / Р.Г. Фандо, Л.Р. Филлипова. М. : АСТ, 2022. С. 830.
8. *Волчек О.Г.* Механизмы выхода их кризиса. М. : Арт-пресс, 2022. С. 512.
9. *Романова А.А.* Современные подходы к оценке рисков в процессе планирования инновационной деятельности / А.А. Романова, П.А. Романов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2(153). С. 425–426.
10. *Трунов И.Л.* Санкции США и Европейского союза с позиции верховенства права / И.Л. Трунов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6(169). С. 37–41.
11. *Фролова Н.Н.* Эффективность государственного управления как фактор повышения инвестиционной активности в регионе / Н.Н. Фролова, И.В. Белинская, Ю.Г. Терентьева // Дискуссия. 2021. № 4(107). С. 68–77.
4. *Khazhin E.E.* Russia on the way of import substitution. M. : Aterra, 2021. P. 204.
5. *Vershinin U.K.* Assessment of the Russian economy in the context of the sanctions policy. M. : RGGU, 2021. P. 310.
6. *Mikhailova G.Sh.* Small and medium business in Russia: problems and prospects / G.Sh. Mikhailova // Analytical notes. 2022. № 2. P. 140.
7. *Fando R.G.* What to expect from sanctions / R.G. Fando, L.R. Phillipova. M. : AST, 2022. P. 830.
8. *Volchek O.G.* Mechanisms for exiting their crisis. M. : Art-press, 2022. P. 512.
9. *Romanova A.A.* Modern approaches to risk assessment in the process of innovation activity planning / A.A. Romanova, P.A. Romanov // Eurasian Law Journal. 2021. № 2(153). P. 425–426.
10. *Trunov I.L.* Sanctions of the USA and the European Union from the position of the rule of law / I.L. Trunov // Eurasian Law Journal. 2022. № 6(169). P. 37–41.
11. *Frolova N.N.* Efficiency of public administration as a factor of increasing investment activity in the region / N.N. Frolova, I.V. Belinskaya, Yu.G. Terentyeva // Discussion. 2021. № 4(107). P. 68–77.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Бялт Виктор Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
victorkwr@mail.ru

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ СМЫСЛ
КАТЕГОРИИ «УБЕЖДЕНИЕ» В УЧЕНИИ
ГЕОРГА ВИЛЬГЕЛЬМА
ФРИДРИХА ГЕГЕЛЯ**

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых концептуальных суждений немецкого философа Георга Гегеля в части установления сущностных основ категории «убеждение». Выявляя общий замысел отмеченного мыслителя в отношении роли убеждения на проявление свободного волеизъявления личности применительно к совершению определенного поведенческого акта, авторы акцентируют внимание на факторе субъективного убеждения человека, в контексте соотношения морали и права. Отмеченное позволяет авторам сформулировать выводы, корреспондирующие гегелевскому пониманию рассматриваемой категории и фиксирующие актуальность апеллирования современного поколения ученых-юристов к переосмыслению категории «убеждение».

Ключевые слова: право, закон, государство, личность, гражданин, убеждение, мораль, совесть.

В обширном кругу монументальных работ немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831 гг.) наиболее заметное место занимает его компендий «Философия права» (1821 г.) [2], который в концентрированном виде содержит богатейший свод мыслей политико-правового содержания, выраженных посредством подробного анализа категориальной обоймы философско-правового значения. По нашему представлению, особое значение занимает гегелевская трактовка категории «убеждение».

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Personnel
Management and Educational Work,
St. Petersburg university of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Viktor S. Byalt

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University Ministry
of Internal Affairs of Russia
victorkvr@mail.ru

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL
MEANING OF THE CATEGORY «BELIEF»
IN THE DOCTRINE
GEORG WILHELM FRIEDRICH HEGEL**

Annotation. The article presents an analysis of some conceptual judgments of the German philosopher Georg Hegel in terms of establishing the essential foundations of the category «belief». Revealing the general idea of the noted thinker regarding the role of belief in the manifestation of the free will of the individual in relation to the commission of a certain behavioral act, the authors focus on the factor of a person's subjective belief, in the context of the relationship between morality and law. The noted allows the authors to formulate conclusions that correspond to the Hegelian understanding of the category under consideration and fix the relevance of the appeal of the modern generation of legal scholars to rethinking the category of «belief».

Keywords: right, law, state, personality, citizen, belief, morality, conscience.

Актуальность проведения философского анализа теоретико-правового аспекта категории «убеждение» обусловлена пониманием, а в некоторых случаях и переосмыслением роли убеждения в областях:

- 1) совершенствования правовой культуры;
- 2) убеждения и принуждения с позиции их соотношения;
- 3) правовой организации общества;

- 4) правовой аргументации;
- 5) обеспечения действия права, и ряда других.

Следует отметить, что многие моменты предметного поля рассматриваемой категории исследованы отдельными отечественными учеными, в их числе: П.А. Астафичев, А.Н. Бурлуцкий, Н.В. Макарейко, Г.Г. Небрятенко, А.А. Косых и другие.

Выявляя миссию убеждения в жизни каждого человека в отдельности, испанский философ и публицист Х. Ортега-и-Гассет устанавливает наличие корреляции между фактом существования человека и его убеждениями, которые определяют индивидуальность личности и способствуют ее конституированию. По мысли указанного ученого, подлинное существо каждого человека сводимо к его убеждениям [3, с. 437].

В соответствии с определением «Кембриджского словаря», под термином «убеждение» (англ. «belief») понимается чувство уверенности в существовании чего-либо или его истинности [4]. Вместе с тем, по словарю «Британика», термин убеждение (англ. «persuasion») означает:

- 1) акт, заставляющий людей делать или верить во что-то;
- 2) акт или деятельность по убеждению людей;
- 3) образ мышления [5].

Предваряя восхождение своей мысли на ареопаг суждений относительно сущности убеждения человека и значимости данного чувства для успешной адаптации человека к окружающей его действительности, Г. Гегель заявляет о необходимости сочетания разума индивида с происходящими в обществе изменениями: «познать разум как розу на кресте современности и возрадоваться ей-это разумное понимание есть примирение с действительностью» [2, с. 55].

По нашему представлению, проблема убеждения наиболее обстоятельно исследована Г. Гегелем в самостоятельном фрагменте [2, с. 192–193] части второй («Моральность») его работы «Философия права». Руководствуясь своим убеждением в аксиологии какого-либо явления, именуемого «нечто», человек это «нечто» считает правым. Таким образом, и по логике Г. Гегеля, именно убеждение определяет нравственную основу поведенческой реакции человека, а сформировавшееся у человека его миропонимание суть квинтэссенция его персонального убеждения, имеющего субъективный характер. Вместе с тем, субъективность убеждения как субъективность веры не исключает нравственного заблуждения человека, позволяющего ему совершать не только благие, но и злые поступки. Эвентуальность заблуждения человека в своем убеждении порождает наступление ситуации, при которой «закон не действует», а действует исключительно «действительный человек». Вопрос заключается в следующем: В какой степени человек воспринял конкретную норму закона, которая обрела статус его внутреннего убеждения? В случае расхождения между субъективным убеждением человека и его осознанием

важности соблюдения закона, последний принимается до уровня «внешней буквы», не побуждая при этом соотносить действия человека с требованиями нормативного правового акта. В указанном случае, демонстрируя произвольное отношение к обязательности соблюдать законодательные положения, человек восстает против укоренившейся веками традиции неизбежно соблюдать заповеди Бога и государства, а, следовательно, выступает против многовекового авторитета всех своих предшествующих поколений, противопоставляя им всем «авторитет своего личного убеждения».

С учетом того обстоятельства, что человеку свойственно заблуждение в качестве «дурного убеждения» и «чудовищное самомнение», Г. Гегель в качестве рецепта излечения отмеченного нравственного недуга предлагает человеку обращаться к своему разуму и голосу своей совести, а также, понимать последствия заблуждения, способного перейти в фазу «недобросовестной непоследовательности».

Подводя итог своим рассуждениям относительно убеждения как нравственной основы поведения человека, Г. Гегель проводит различие между:

- во-первых, убеждением суть верой в авторитет;
- во-вторых, убеждением суть заблуждением, которое является ничтожным и случайным.

Отмеченная полярность убеждения как нравственной основы поведения сочетается со свободой воли индивида, который в состоянии самоопределиваться относительно выбора им стороны добра или зла, а также, совершения им своего поведенческого акта сообразно своей совести, субъективному убеждению или согласно правовому предписанию [1, с. 139].

При этом фактор объективного надления человека его внутренним (субъективным) убеждением корреспондирует свободе самоопределения воли человека, что свидетельствует о недопустимости какого-либо внешнего воздействия на область внутреннего убеждения, и в этом смысле, как следует из логики размышлений Г. Гегеля, выбор человеком морали своей линии поведения также происходит свободно [2, с. 155].

В части третьей («Нравственность») «Философии права» Г. Гегель апеллирует к проблеме убеждения субъектов судебной системы и иных государственных институций. По мнению философа, познавая обстоятельства и необходимые детали случая, а также, производя его квалификацию [2, с. 261], судья, в значительной степени, опирается в своем решении на голос совести и субъективное убеждение. Устанавливая по фактам обстоятельства дела общую картину произошедшего, судья, в первую очередь, обретает уверенность в восприятии картины совершенного деяния. Как отмечает далее Г. Гегель, подобного рода уверенность базируется на убеждении субъективного порядка и голосе своей совести. Вместе с тем, любое смещение процесса познания истины (на этапе вынесения судьей его вердикта) только

в сторону субъективного убеждения способствует искажению процесса судебного заседания и, как следствие, демонстрации жесткости суда, игнорирующего право подсудимого на объективное рассмотрение его дела. В этой связи, Г. Гегель считает наиболее приемлемым рассмотрение сложных дел в суде присяжных или посредством публичного судопроизводства [2, с. 263].

Раскрывая особенности механизма поддержания в государстве должного порядка, Г. Гегель исходит из целесообразности разумного восприятия опыта симфонии самого государства и господствующей в нем религии, способствующей укреплению в людях веры в авторитет не только кормящей душу человека религии, но и в охранительное начало государственных институций. Тем не менее, признавая потребность государства в вере и религии, Г. Гегель приходит к мысли о принципиальном различии между религиозным восприятием действительности, религиозным убеждением и государственным подходом к обустройству человеческого общежития.

Как следует из последующих умозаключений немецкого философа, если требования государства обращены к необходимости его граждан добросовестно исполнять свои правовые обязанности, а душевное состояние человека для него субстанция индифферентного порядка, то религия, наоборот, акцентирует свое внимание на убежденности своих исповедников в авторитете религиозных догматов, как правило, укрепляющих душу человека в необходимости признавать авторитет государства [2, с. 306].

Подводя итог изложенному, мы приходим к следующим выводам:

Во-первых, важность философско-правового осмысления окружающей нас действительности, включая современную парадигму социального взаимодействия, в центре которого находится человек со всеми его заботами и проблемами, по-прежнему сохраняет свое актуальное значение и

Литература:

1. *Бурлуцкий А.Н.* «Философия права» Гегеля в контексте философской рефлексии о праве и абсолютном духе: историко-философский анализ / А.Н. Бурлуцкий, Г.Г. Небрятенко // *Философия права*. 2019. № 1(88). С. 135–142.
2. *Гегель Г.В.Ф.* *Философия права*. М. : Мысль, 1990. 524 с.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* *История как система / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды*. М. : Весь Мир, 1997. С. 437–480.
4. Belief / Official site «Cambridge Dictionary». URL : <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/belief> (date of the application 11.07.2022).
5. Persuasion / Official site «The Britannica Dictionary». URL : <https://www.britannica.com/dictionary/persuasion> (date of the application 11.07.2022).

способствует новому осмыслению многих глубинных процессов действующего миропорядка и сущностных аспектов поведения человека XXI в.

Во-вторых, анализ концептуальных суждений философско-правовых учений вообще и учения Г. Гегеля, в частности, позволяет наиболее подробно рассмотреть каждую из зафиксированных категорий в теоретическом наследии наших великих предшественников, включая категорию «убеждение», а также, особенности их проявления в условиях человеческого общежития современной генерации людей.

В-третьих, рассмотренные в настоящей работе отдельные положения и выводы Г. Гегеля применительно к категории «убеждение» свидетельствуют о многогранности ее содержания и поливариантности ее направленности: от религиозных верований и нравственных установлений до определения выбора модели поведения конкретного индивида, исходя из его субъективных переживаний и сформированных установок духовного порядка.

В-четвертых, правовое значение философской категории «убеждение» заключается в определении отношения человека к официальным предписаниям свода действующих норм законодательства и степени соответствия этого отношения внутреннему миру конкретного человека.

По нашему представлению, подлинная гармония между принятыми в обществе и государстве моральными и правовыми установлениями возможна исключительно лишь при условиях:

- во-первых, соответствия субъективного убеждения каждого человека в отдельности требованиям государства, оформленным в виде закона;
- во-вторых, свободного проявления каждым человеком воли своего нравственного выбора, не противоречащего пределам законодательных границ.

Literature:

1. *Burluckij A.N.* «Philosophy of Law» by Hegel in the context of philosophical reflection on law and absolute spirit: historical and philosophical analysis / A.N. Burluckij, G.G. Nebratenko // *Filosofiya prava*. 2019. № 1(88). P. 135–142.
2. *Gegel' G.V.F.* *Legal philosophy*. M. : Mysl', 1990. 524 p.
3. *Ortega-i-Gasset X.* *History as a system/X. Ortega y Gasset//Selected works*. M. : The whole world, 1997. P. 437–480.
4. Belief / Official site «Cambridge Dictionary». URL : <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/belief> (date of the application 11.07.2022).
5. Persuasion / Official site «The Britannica Dictionary». URL : <https://www.britannica.com/dictionary/persuasion> (date of the application 11.07.2022).

Шпетная Анна Владимировна
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
ann.sh.i@mail.ru

НОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДИСТАНЦИОННЫМ МОШЕННИЧЕСТВАМ

Аннотация. В статье анализируется состояние дистанционных мошенничеств в России, определяются причины и условия совершения анализируемых общественно опасных деяний, описываются алгоритмы преступных деяний, совершаемых дистанционно. И на основе этого анализа определяются современные меры противодействия дистанционным мошенничествам. Автор отдает приоритет виктимологической профилактике, всеобщему информированию населения при взаимодействии МВД России, Mail Group и Yandex.

Ключевые слова: мошенничество, дистанционное мошенничество, превенция, предупреждение преступлений, виктимность, жертва, информация, Интернет.

В современном мире постоянно происходят процессы генерации и интеграции информации (общего и личного пользования), и преступность, используя результаты технологического прогресса, также претерпевает качественную трансформацию. В теневом сегменте Интернета практически еженедельно обновляются предложения о продаже различных баз данных, сведений, составляющих личную и коммерческую тайну, паспортных данных, данных о вкладах и счетах физических лиц.

Вся эта информация активно используется мошенниками, и за последние 5 лет криминогенная ситуация с мошенничествами, вообще, и дистанционными мошенничествами, в частности, резко обострилась. С 2016 по 2022 годы количество ежегодно регистрируемых фактов мошенничеств увеличилось в 2 раза, при том же уровне регистрируемых преступлений против собственности. Раскрываемость мошенничеств с 46 % снизилась до 22 %. Число мошенничеств, совершаемых дистанционно, увеличилось в 26 раз [1].

Все это свидетельствует о резко меняющейся корыстной преступности, внедрении методов социальной инженерии, специальных технических средств и о том, что правоохранительная система и население оказались к этому не готовы.

Anna V. Shpetnaja
Adjunct of Criminal Law
and Criminology Chair,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ann.sh.i@mail.ru

NEW MEASURES TO COUNTER REMOTE FRAUD

Annotation. The article analyzes the state of remote fraud in Russia, determines the causes and conditions for the commission of socially dangerous acts analyzed, describes the algorithms of criminal acts committed remotely. And on the basis of this analysis, modern measures to counter remote fraud are determined. The author gives priority to victimological prevention, general public awareness in the interaction of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Mail Group and Yandex.

Keywords: fraud, remote fraud, prevention, crime prevention, victimization, victim, information, Internet.

Еще 5 лет назад в SPOD-Мире (аббревиатура с английского языка: устойчивый, предсказуемый, простой, определенный) мы могли несколько лет подряд использовать идентичные методы и средства предупреждения мошенничеств. Сегодня же, в VUCA-Мире (аббревиатура с английского языка: непостоянный, неопределенный, сложный, неоднозначный) схемы хищений с использованием обмана и злоупотребления доверием меняются каждые 2–3 месяца. Население и правоохранители физически не успевают эффективно реагировать на новые преступные вызовы.

Примечательно, что об этом нас предупреждали еще 50 лет назад в 1970-х годах. Прогнозы делал футуролог Элвин Тоффлер. Он утверждал, что в начале XXI века общество будет поражено уникальными болезнями и новыми формами преступности [2, с. 14]. Для этого, на рубеже XX–XXI веков требуется глубокая превентивная работа с населением, серьезные преобразования системы здравоохранения и правоохранительной системы.

Очевидно, что глобально мы не успели. Если говорить о дистанционных мошенничествах, то оперативно сегодня может сработать только виктимологическое предупреждение. И в этой связи, себе прямо сейчас следует задать 5 вопроса:

1. У нас установлено приложение МВД России с возможностью прикрепления первичных доказательств и мгновенного обращения в полицию?

2. Защищены ли наши учетные записи и личные кабинеты двухфакторной аутентификацией? Особенно на портале «Госуслуги» и в онлайн банкинге.

3. Установлены ли у нас «Антиспам» приложения на телефонах, которые определяли бы и блокировали потенциальных мошенников?

4. Мы знаем о функции в телефонах «заглушение неизвестных»? Пользуемся ею?

5. Знаем ли мы о самых актуальных схемах дистанционного мошенничества? Умеем от них защититься? Делимся ли этой информацией с близкими?

Если, хотя бы, у половины населения России на эти 5 вопросов ответ будет положительный, то предупреждение дистанционных мошенничеств станет возможно и эффективно.

Сегодня крайне важно понимать населению и правоохранителям, что традиционное предупреждение преступности, которое предполагало такое развитие экономической, политической, идеологической сфер, культуры и быта, которое способствовало бы устранению или нейтрализации негативных сторон общественной жизни, способных проявиться в качестве причин и условий преступности [3, с. 8], сегодня не работает. Для современной преступности вообще и дистанционных мошенничеств в частности это слишком медленно.

За последние 5 лет правоохранительной системой были зарегистрированы 3 программы: «Дистанционное мошенничество» в 2017, 2019 и 2020 годах. Они предназначены для ежегодной систематизации информации по уголовным делам анализируемой группы преступлений и статистической отчетности по ним [4, с. 244]. Но это играет незначительную роль в противодействии дистанционным мошенничествам, так как счет идет не на годы, а на месяцы. Мошенники постоянно совершенствуют свои схемы:

– Представляются сотрудниками банка и пугают потерей средств;

– Заводят разговор о переводе денег (оплата штрафов, налогов, услуг);

– Просят сообщить реквизиты банковской карты (ее номер, CVV/CVC-код), продиктовать одноразовый код из SMS;

– Предлагают установить приложение на телефон «для защиты средств»;

– Требуют срочно перевести деньги для «спасения».

Так, в январе-марте 2022 года самой распространенной была схема мошенников «Следователь/Центробанк»:

– Угроза счетам, поддельный кредит, захват внимания, реальные номера телефонов и данные сотрудников. Разговаривают с человеком четыре человека: два «следователя» и два «работника отдела безопасности Центробанка».

Все «подтверждают» свои личности (звонят от лица реальных сотрудников) и совершают звонки с «официальных номеров» МВД и Центробанка (используются спецсредства шифровки исходящих звонков).

Номера, с которых они звонят, не распознаются антиспам приложениями как опасные. И когда человек берёт трубку, ему сообщают: «Гражданка хотела оформить кредит на ваше имя (использовала скан вашего паспорта), сообщив о том, что она ваша родственница и что вы находитесь в больнице, поэтому срочно нужны деньги». Далее мошенник уточняет, в каком состоянии находится человек, и есть ли у него родственница. Когда тот отвечает, что он в порядке и никаких подобных родственников у него нет, ему предлагают как можно скорее «обезопасить средства» и «отменить кредитование».

Человека просят снять деньги со своего счёта и перевести их на некоторое время на резервный счёт. Мошенники не дают повесить трубку, говорят, что: «Счет идет на минуты, а может даже на секунды». Обещают, что деньги вернутся через сутки. Предупреждают, что говорить об этом никому нельзя, поскольку существует «тайна следствия» (ссылаются на статью 310 УК РФ).

Далее звонят «следователи» и сообщают, что они сотрудничают со службой безопасности Центробанка, подтверждают ранее полученную человеком информацию и просят следовать инструкции от «службы безопасности».

Далее еще один звонок – снова «Центробанк». Срочно необходимо все деньги отправить на «безопасный» счёт. Нужно перевести всё через приложение или через банкомат. Человек отправляет все деньги по возможному лимиту переводов через приложение, а затем еще остаток через банкомат.

По мере информирования населения, все меньше людей соглашались переводить деньги мошенникам «на безопасный счет». И уже в апреле-мае 2022 года преступники обновили схему обмана и злоупотребления доверием. С весны этого года работает обновленный алгоритм дистанционного мошенничества.

Теперь телефонные мошенники звонят клиентам банков с помощью голосовых роботов, чтобы получить информацию для совершения операций в онлайн-банке.

Человеку звонит робот-помощник от банка и сообщает о подозрительных операциях, которые совершаются в личном кабинете клиента банка. Это может быть перевод денежных средств, оформление кредита, смена номера телефона, привязанного к личному кабинету или пароля. После этого, мошенники просят подтвердить

операции. В случае отказа происходит соединение с псевдоспециалистом банка, который в разговоре пытается получить все личные данные для удаленного доступа к средствам.

Мы уверены в том, что в ближайшие месяцы будут новые схемы обмана. Их нужно системно отслеживать и информировать населения. Будущее за предупреждением через мгновенное информирование. В этом направлении сейчас патентуются алгоритмы, тестируется несколько платформ. Одна из них представлена на сайте Мошеловка.рф [5]. Каждый из нас может предоставлять информацию о новой схеме действий мошенников.

Кроме этого, каждый из нас может предупреждать окружение через статусы в мессенджерах, публиковать актуальную информацию в соцсетях. Каждый может быть субъектом предупреждения дистанционных мошенничеств.

Если говорить о государственных структурах, то для МВД России представляется перспективным сотрудничество со СМИ, Яндекс и Мэйл-груп.

Литература:

1. Портал правовой статистики. URL : http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения 10.08.2022).
2. *Тоффлер Э.* Шок будущего / Э. Тоффлер; Пер. с англ. М., 2002. 557 с.
3. *Щедрин Н.В.* Основы общей теории предупреждения преступности : учеб. пособие. Красноярск, 1999. 58 с.
4. *Сирик М.С.* Профилактика преступлений, связанных с дистанционными мошенничествами, осуществляемая ОВД РФ / М.С. Сирик, А.Г. Озерская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2(45). С. 241–246.
5. Портал «Мошеловка». URL : <https://мошеловка.рф> (дата обращения 10.08.2022).
6. Некоторые вопросы предупреждения мошенничеств, совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи / М.А. Бугера [и др.] // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4. С. 33–38.

Выход на информирование населения через таргетированную рекламу в электронной почте, поисковых системах, мессенджерах и социальных сетях.

Необходимо также разработать и направить в министерства труда и социальной защиты, здравоохранения, науки и высшего образования, культуры; федеральные агентства связи, по туризму; аппарат Уполномоченного по правам человека; главам органов местного самоуправления профилактические материалы, в том числе в аудио- и видеоформате, для размещения на собственных информационных ресурсах и в подведомственных учреждениях [6, с. 36].

Перечень обозначенных нами вопросов в сфере предупреждения мошенничеств, совершаемых дистанционно, не является исчерпывающим. Но оперативные меры виктимологического предупреждения таких преступлений, направленные на все слои населения, помогут совершенствовать общественные отношения в указанной сфере, предупредить, а в дальнейшем и сократить число совершаемых дистанционно мошенничеств.

Literature:

1. Portal of legal statistics. URL : http://crimestat.ru/offenses_chart (date of the application 10.08.2022).
2. *Toffler E.* Shock of the future / E. Toffler; Trans. from english M., 2002. 557 p.
3. *Shchedrin N.V.* Fundamentals of the general theory of crime prevention : textbook. stipend. Krasnoyarsk, 1999. 58 p.
4. *Sirik M.S.* Prevention of crimes related to remote fraud carried out by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation / M.S. Sirik, A.G. Ozerskaya // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2021. № 2(45). P. 241–246.
5. Moshelovka portal. URL : <https://мошеловка.рф> (date of the application 10.08.2022).
6. Some issues of fraud prevention committed remotely using cellular communications / M.A. Bugera [et al.] // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4. P. 33–38.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аушев Мухарбек Измаилович
кандидат экономических наук,
ООО «Т1»
aushev@t1mro.ru

МЕХАНИЗМ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В КРЕДИТНЫЕ ДЕРИВАТИВНЫЕ КОНТРАКТЫ

Аннотация. Эволюция финансовых механизмов и финансовых институтов приводит к появлению новых финансовых инструментов, в которых объектом инвестирования выступает новый вид биржевых активов. Объектом исследования выступают производные финансовые инструменты. Предметом исследования выступают кредитные деривативные контракты как новый вид производных финансовых инструментов. Целью исследования является представление содержания механизма инвестирования в новый вид биржевых активов. Методологией исследования выступает теоретико-эвристический подход к анализу экономических событий. Результатом исследования является рассмотрение содержания кредитных дефолтных свопов и ссудных кредитных дефолтных свопов и механизма инвестирования в данные биржевые инструменты.

Ключевые слова: дериватив, своп, спрэд, кредит, риск, биржевой актив.

Основная часть. Кредитный дефолтный своп (англ. CDS) – это соглашение о проведении торгово-финансовой операции, по которой предусматривается возможная компенсация продавцом покупателю дефолтного свопа в момент наступления дефолта по долговому обязательству (со стороны должника) или наступления иного кредитного риска [4]. Таким образом, продавец КДС осуществляет страхование покупателя от риска наступления дефолтного случая по некоторому виду базового актива. Покупателем КДС осуществляется серия платежей в виде комиссии или спреда продавцу КДС, за право получения суммы выплаты в случае наступления дефолтного случая по базовому активу.

В том случае, если наступит дефолт, то покупатель КДС получит сумму компенсации в виде номинальной стоимости кредита, а продавцу КДС перейдет в собственность дефолтный актив или его рыночная стоимость в денежном эквиваленте на момент наступления дефолтного случая [5]. Инвестиционные возможности на рынке кредитных деривативных контрактов возникают в случае, когда операции покупки-продажи осуществляются лицами, которые не владеют базовыми

Aushev I. Mukharbek
Candidate of Economic Sciences,
LLC «T1»
aushev@t1mro.ru

MECHANISM OF INVESTMENT IN CREDIT DERIVATIVE CONTRACTS

Annotation. The evolution of financial mechanisms and financial institutions leads to the emergence of new financial instruments in which a new type of exchange-traded assets is the object of investment. The object of the study is derivative financial instruments. The subject of the study is credit derivative contracts as a new type of derivative financial instruments. The purpose of the study is to present the content of the mechanism of investing in a new type of exchange assets. The methodology of the research is a theoretical-heuristic approach to the analysis of economic events. The result of the study is the consideration of the content of credit default swaps and loan credit default swaps and the mechanism of investing in these exchange instruments.

Keywords: derivative, swap, spread, credit, risk, exchange-traded asset.

активами (кредитными активами) и не выступают лицом, осуществляющим страховой интерес по базовому активу. Подобные КДС могут быть использованы инвесторами для совершения обратных операций на финансовом рынке: 1. Покупка – инвестирование с целью получения компенсирующих выплат при наступлении кредитного риска по базовому активу; 2. Продажа – получение серий платежей в виде комиссий или спредов за право получения суммы компенсаций при наступлении дефолтного случая. На рисунке 1 показаны инвестиционные возможности покупки-продажи формирования текущей стоимости КДС и выплаты по инструменту.

Текущая стоимость КДС это цена, формируемая из стоимости пяти выплат, которые умножаются на вероятность возникновения дефолтного случая по базовому активу. На каждую дату платежа предусматривается наступление дефолтного события, тогда платеж имеет вид, формула 1:

$$W = N * (1 - R), \quad (1)$$

где R – коэффициент восстановления платежа.

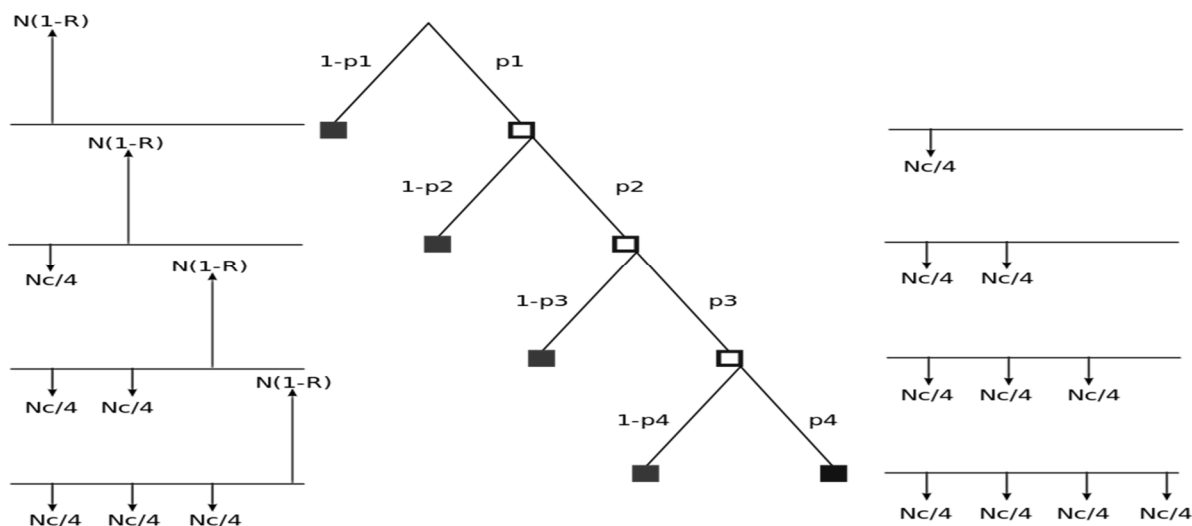

Рисунок 1 – Древоидная диаграмма покупки-продажи КДС.

Источник: Duffie, Darrell and Kenneth J. Singleton. Credit Risk: Pricing, Measurement, and Management. 2003. 396 с. [3]

В случае, если дефолтное событие не возникает сумма комиссии рассчитывается по формуле 2:

$$W = Nc/4. \quad (2)$$

Тогда стоимость кредитного дефолтного свопа в текущих ценах составит величину (в расчёте на p лет):

$$PV = (1 - p_1) \times N \times (1 - R) \times \delta_1 + p_1 \times (1 - p_2) \times N \times (1 - R) \times \delta_2 - (Nc/4) \times \delta_1 \dots \quad (3)$$

Вероятности $p_1, p_2 \dots p_n$ рассчитываются с помощью кривой кредитного спреда, вероятность того, что за период времени t дефолтное событие не произойдёт, имеет постоянное затухание (по экспоненте), определяемое кредитным спредом по формуле 4:

$$p = \exp(-s(t)\Delta t / (1 - R)), \quad (4)$$

где значение кривой кредитного спреда в момент времени t .

Другой тип кредитного деривативного контракта – ссудный кредитный дефолтный своп (англ. LCDS). Содержательно данный тип кредитных деривативных контрактов схож с кредитными дефолтными свопами, отличием выступает базовые активы, в которых в СКДС гарантийное обеспечение осуществляется по синдицированному обеспеченным кредитам конкретной кредитной организации [7]. При этом метод расчётов представляет собой аукционные расчёты по протоколам ISDA. Метод аукциона по сути тот же, что используется в различных протоколах аукционов ISDA по расчету наличными, но не требует от сторон каких-либо дополнительных действий после кредитного события (т.е. соблюдения протокола) для выбора расчета наличными.

Когда оформление кредита осуществляется крупной публичной компанией, которая оперирует значительным количеством контрактов КДС, проводится аукцион (мероприятие по фиксированию

кредита), с целью облегчения регулирования значительного количества контрактов одновременно по фиксированной денежной сумме в виде расчетной цены. В процессе аукциона участвующие в нем инвестиционные агенты (например, крупные инвестиционные банки) предоставляют цены, по которым будет осуществляться покупка и продажа долговых обязательств базовой компании (эмиттера контрактов), а также нетто-запросы на физический расчет по номинальной стоимости. На втором этапе голландского аукциона проводится установление средней цены. Конечной клиринговой точкой этого аукциона является установление окончательной цены для расчета наличными средствами по всем контрактам КДС и по всем запросам на физические расчеты, а также формируются предложения с согласованными лимитами, полученными в результате аукциона.

Арбитраж структуры капитала является примером арбитражной стратегии, использующей транзакции КДС. Этот метод основан на том основании, что цена акций компании и спред КДС демонстрируют отрицательную корреляцию; т.е. если перспективы компании улучшаются, то цена ее акций должна повышаться, а спред КДС должен уменьшаться, поскольку вероятность дефолта по долгу снижается. Однако, если его прогноз ухудшится, спред КДС должен увеличиться, а цена акций упасть.

Методы, основанные на этом, известны как арбитраж структуры капитала, потому что они используют неэффективность рынка между различными частями структуры капитала одной и той же компании; т.е. неправильной оценки долга и собственного капитала компании. В определенных ситуациях, арбитражер пытается использовать разницу между КДС компании и ее капиталом.

Основное содержание биржевых операций с подобными активами состоит в следующем:

– продавец может не являться регулируемой организацией;

- продавец не формирует обязательного резерва для покрытия защиты на проданные контракты;
- страхование требует, чтобы покупатель раскрывал все известные риски, в то время как КДС этого не делают. В большинстве случаев, продавец КДС может оценивать потенциальный риск, поскольку долговой инструмент является биржевым товаром, доступным для верификации;
- контракты КДС обычно подлежат учету по текущим рыночным ценам, что приводит к волатильности отчета о прибылях и убытках и балансовому отчету;

Литература:

1. *Алдатов К.Б.* Инструменты государственной поддержки инновационных предприятий / К.Б. Алдатов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10(161).
2. *Дурново-Саулеп М.В.* Финансовые институты в России / М.В. Дурново-Саулеп, С.Н. Суетин // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). С. 457–458.
3. *Слободян М.Л.* Особенности современных практик учредителя в вопросе финансовой поддержки организации / М.Л. Слободян // Дискуссия. 2021. № 1(104). С. 15–22.
4. *Щеголева Н.Г.* Обзор международного своп-рынка (мировой рынок внебиржевых деривативов, процентные и валютные свопы, кредитные дефолтные свопы) / Н.Г. Щеголева, В.И. Хабаров // Финансы и кредит. 2012. № 41(521). С. 2–13.
5. *Czech R.* Credit default swaps and corporate bond trading / R. Czech // Journal of Financial Intermediation. 2021. Vol. 48. P. 100932.
6. Duffie, Darrell and Kenneth J. Singleton. Credit Risk: Pricing, Measurement, and Management. 2003. 396 с.
7. Credit default swaps around the world / S.M. Bartram [et al.] // The Review of Financial Studies. 2022. Vol. 35. № 5. P. 2464–2524.

Заключение. Кредитные дефолтные свопы и ссудные кредитные дефолтные свопы относительно новый биржевой инструмент, являющийся, как инвестиционным продуктом, так и спекулятивным продуктом. Таким образом, инвестирование средств в данные активы может осуществляться, как корпоративными клиентами, так и розничными клиентами [1; 2; 3]. Инвестирование в подобного рода инструменты увеличивают варианты хеджирования рисков по базовому активу, при этом от покупателя и продавца кредитных деривативных контрактов не требуется взаимодействия с кредитными и страховыми организациями, кроме как на биржевой площадке.

Literature:

1. *Aldatov K.B.* Instruments of state support of innovative enterprises / K.B. Aldatov // Eurasian Legal Journal. 2021. № 10(161).
2. *Durnovo-Saulep M.V.* Financial institutions in Russia / M.V. Durnovo-Saulep, S.N. Suetin // Eurasian Legal Journal. 2021. № 6(157). P. 457–458.
3. *Slobodyan M.L.* Features of the founder's modern practices in the issue of financial support of the organization / M.L. Slobodyan // Discussion. 2021. № 1(104). P. 15–22.
4. *Shchegoleva N.G.* Review of the international swap market (world market of OTC derivatives, interest rate and currency swaps, credit default swaps) / N.G. Shchegoleva, V.I. Khabarov // Finance and credit. 2012. № 41(521). P. 2–13.
5. *Czech R.* Credit default swaps and corporate bond trading / R. Czech // Journal of Financial Intermediation. 2021. Vol. 48. P. 100932.
6. Duffie, Darrell and Kenneth J. Singleton. Credit Risk: Pricing, Measurement, and Management. 2003. 396 с.
7. Credit default swaps around the world / S.M. Bartram [et al.] // The Review of Financial Studies. 2022. Vol. 35. № 5. P. 2464–2524.

Волкова Екатерина Дмитриевна
бакалавр,
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»
marpia@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЭКОБРЕНДИНГА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОМПАНИИ

Аннотация. В исследовании основной акцент делается на значение зеленого брендинга и экомаркировки с целью разработки надежной и устойчивой стратегии зеленого маркетинга, определяющее устойчивое развитие компании. Объектом исследования выступает зелёный маркетинг, как рыночный фактор, определяющий «зелёный» рост совокупных хозяйственных систем. Предметом исследования является экологический и зелёный брендинг, как рыночный фактор формирования потребительского интереса, определяющего устойчивое развитие компании. Целью исследования является детекция значения экологического брендинга для устойчивого развития компании в современной рыночной среде хозяйствования. В исследовании рассматривается, как зеленый маркетинг определяет современное пространство потребителей, может быть связано с эко-рынком и в какой степени на это могут влиять изменение кросс-культурных факторов различия в поведении потребителя.

Ключевые слова: зелёный маркетинг, экологическое пространство, имидж, бренд, циркулярная экономика, социально-экономическое пространство.

Основная часть. В последние десятилетия в общественном пространстве наблюдается рост интереса к защите окружающей среды, формированию концепции устойчивого развития территорий и деятельности хозяйствующих субъектов. Так отечественные исследователи отмечают: «Концепция устойчивого развития предполагает развитие и реализацию социально-экономического потенциала общественного пространства в результате хозяйственной деятельности человека...» [1, с. 38]. Из-за проблем глобального потепления, значительного ущерба и загрязнения окружающей среды, связанного с активной деятельностью человека, в мире наблюдается рост настроений общества в сторону разрешения экологических проблем. Ответной реакцией на обеспокоенность общества по поводу экологических проблем все большее количество компаний внедряют экологически чистые бренды, чтобы реализовать экологическую ответственность перед обществом. Тем не менее, некоторые специалисты отмечают, что товары и услуги «зеленых» брендов имеют совершенно неэластичный спрос, так

Ekaterina D. Volkova
Bachelor,
St. Petersburg State Electrotechnical
University «LETI»
marpia@yandex.ru

THE IMPORTANCE OF ECO-BRANDING FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE COMPANY

Annotation. The study focuses on the importance of green branding and eco-labeling in order to develop a reliable and sustainable green marketing strategy that determines the sustainable development of the company. The object of the study is green marketing as a market factor determining the «green» growth of aggregate economic systems. The subject of the study is environmental and green branding as a market factor in the formation of consumer interest that determines the sustainable development of the company. The purpose of the study is to detect the importance of environmental branding for the sustainable development of the company in the modern market environment of management. The study examines how green marketing defines the modern consumer space, can be associated with the eco-market and to what extent it can be influenced by changes in cross-cultural factors of differences in consumer behavior.

Keywords: green marketing, ecological space, image, brand, circular economy, socio-economic space.

как потребители готовы поддерживать и платить более высокую цену за устойчивый имидж компании [2]. В результате исследования поведения потребителей [3], проведенного в начале 2000-х годов, было выявлено, что экологические проблемы общество ставит выше прав человека, прав животных и вопросов благосостояния общественного пространства. Подобная тенденция свидетельствует о растущем потребительском спросе на конечный результат хозяйственной деятельности компаний, предоставляющих товары и услуги, которые сохраняют благополучие окружающей среды и поддерживают концепцию «зеленого роста» в ведении хозяйственной деятельности. Устойчивый глобальный спрос на продукты, сохраняющие устойчивость экологического пространства был отмечен более чем в 60 % всех исследованных стран, что подтверждает рыночную и коммерческую целесообразность создания экологически безопасных «зеленых» брендов. Экологическая осведомленность о деятельности компании и о конечном продукте хозяйственной деятельности потребители включают в число

наиболее важных характеристик продукта, которые ценятся при покупке, наряду с минимизацией токсичных и опасных веществ, сохранение и повторное использование ресурсов [5]. То есть государственное и общественное внимание, учитывая тренд на устойчивое развитие и зелёный рост в социально-экономическом пространстве, сосредоточено на экологических инициативах, которые сами по себе выступают маркетинговым инструментом [6]. Бренды, которые формируют в глазах потребителя экологическое благополучие стали более привлекательны для многих потребителей, и приверженность компании такой стратегии становится необходимым условием для сохранения конкурентоспособности в современной системе хозяйствования. Основополагающей задачей экологического бренда определяющей устойчивое развитие компании является принцип циркуляции потребляемых ресурсов, в которой отражается основная идея циркулярной экономики: «Основная идея циркулярной экономики заключается в возможности повторного использования потребляемых ресурсов...также связана с устойчивым развитием и устойчивым потреблением» [4, с. 50].

Так как забота об окружающей среде в настоящее время является ключевым элементом при принятии потребительских решений, исследования показали, что спрос на экологические бренды, отражающие общую концепцию сохранения и заботы об окружающей среде стал выше, чем когда-либо прежде. Во многих исследованиях было выявлено, что увеличение спроса на продукты, производство которых сохраняет здоровье и природный капитал, определяется стремлением потребителей к самовыражению и через бренд происходит самоактуализация потребителя в окружающем пространстве [7]. Поддержка экологически чистых брендов для большинства потребителей является способом идентификации их роли в обществе, а, также подобная стратегия брендинга предоставляет возможность потребителям получить удовлетворение от того, что они воспринимают приобретение продукта, как вклад в построение экологически чистого пространства. Различные составные элементы построения экологического бренда влияют на сознательное поведение потребителей, имеет ряд следствий: осознание экологических проблем в обществе; 2. оценка экологического вклада людей в жизнь общества. Такие факторы помогают «зеленым» брендам сегментировать, идентифицировать и фокусировать свою нишу и рынок в целом.

Сдвиги экономической и рыночной парадигмы в сторону «зеленых» брендов является результатом наличия и действия множества социально-

экономических факторов. Развитие более зеленого подхода к хозяйственной и социальной жизни трансформирует содержание маркетинга, рекламы и потребительских рынков, где компании перенимают этот тренд общества для привлечения клиентов и увеличения собственной прибыли.

Таким образом, значение экологического брендинга, определяющего устойчивое развитие компании состоит в следующем:

- формирование благоприятного имиджа компании в современной рыночной среде хозяйствования, который определяет причастность и принятие образа мыслей потребителя с участием в общественно значимых гражданских инициативах;
- сохранение экологического пространства и создание условий резистентного гомеостаза экологического пространства при ведении хозяйственной деятельности;
- создание условий циркуляции и рециркуляции ресурсов в процессе осуществления хозяйственной деятельности и в процессе потребления конечного продукта;
- создание добавочной стоимости – «зелёной» наценки, которая может быть направлена на сохранение природного капитала, то есть создание дополнительных общественных благ;
- удовлетворение потребностей обширной целевой группы, сознательная активность которой направлена на сохранение собственного здоровья и благополучия экологического пространства.

Заключение.

Экобрендинг, как часть концепции зелёного маркетинга, определяет современный имидж компании в части сохранения здоровья и благополучия общества. Ориентация на экологическую составляющую в хозяйственной деятельности, в настоящее время, является безусловным фактором потребительского спроса, формирующего содержание и структуру современных рынков. В процессе хозяйствования, современная компания должна ориентироваться на изменение общественного интереса и учитывать общественные инициативы в части сохранения благополучия экологического пространства, общественного и индивидуального здоровья. Таким образом, экобрендинг выступает фактором устойчивого развития, конкурентоспособности и конъюнктуры в современной среде рыночного хозяйствования.

Литература:

1. *Шарафуллина Р.Р.* Зелёная экономика и устойчивое развитие: обзор настоящего и перспективы в России / Р.Р. Шарафуллина, Р.М. Хакимов, А.А. Нурутдинов // *Дискуссия*. 2021. № 6 (109). С. 38–48.
2. *Chen Y.S.* The drivers of green brand equity: Green brand image, green satisfaction, and green

Literature:

1. *Sharafullina R.R.* Green economy and sustainable development: an overview of the present and prospects in Russia / R.R. Sharafullina, R.M. Khakimov, A.A. Nurutdinov // *Discussion*. 2021. № 6(109). P. 38–48.
2. *Chen Y.S.* The drivers of green brand equity: Green brand image, green satisfaction, and green

trust / Y.S. Chen // Journal of Business ethics. 2010. Vol. 93. № 2. P. 307–319.

3. *Wheale P.* Ethical consumers in search of markets / P. Wheale, D. Hinton // Business Strategy and the Environment. 2007. Vol. 16. № 4. P. 302–315.

4. Циркулярная экономика как новое состояние экономической системы / З.Л. Сизоненко, О.Н. Игнатьева, Е.Н. Крайнова, В.А. Ковшечникова // Дискуссия. 2021. № 6(109). С. 49–58.

5. *Булавчик Е.В.* Экологическое предпринимательство: международный опыт правового регулирования / Е.В. Булавчик // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8(159). С. 57–59.

6. *Прокопенко В.В.* Экономика экологии. Современные вызовы / В.В. Прокопенко // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10(161). С. 504–505.

7. *Sarkar A.N.* Green branding and eco-innovations for evolving a sustainable green marketing strategy / A.N. Sarkar // Asia-Pacific Journal of Management Research and Innovation. 2012. Vol. 8. № 1. P. 39–58.

trust / Y.S. Chen // Journal of Business ethics. 2010. Vol. 93. № 2. P. 307–319.

3. *Wheale P.* Ethical consumers in search of markets / P. Wheale, D. Hinton // Business Strategy and the Environment. 2007. Vol. 16. № 4. P. 302–315.

4. Circular economy as a new state of the economic system / Z.L. Sizonenko, O.N. Ignatieva, E.N. Krainova, V.A. Kovshechnikova // Discussion. 2021. № 6(109). P. 49–58.

5. *Bulavchik E.V.* Ecological entrepreneurship: international experience of legal regulation / E.V. Bulavchik // Eurasian Legal Journal. 2021. № 8(159). P. 57–59.

6. *Prokopenko V.V.* Economics of Ecology. Modern challenges / V.V. Prokopenko // Eurasian Law Journal. 2021. № 10(161). P. 504–505.

7. *Sarkar A.N.* Green branding and eco-innovations for evolving a sustainable green marketing strategy / A.N. Sarkar // Asia-Pacific Journal of Management Research and Innovation. 2012. Vol. 8. № 1. P. 39–58.

Лю Фанчен

магистр,
Московская школа экономики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
fangchenliu1998@163.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ И СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем и стратегий развития многонациональных предприятий. Раскрыта сущность понятий «многонациональность», «многонациональное предприятие», «транснациональная корпорация». Глобальная экономика характеризуется высокой неопределенностью и рисками. Это требует реализации условий и стратегий повышения конкурентоспособности международных предприятий на глобальных рынках. К таким стратегиям относятся: переход от производственного аутсорсинга к глобальному инновационному аутсорсингу, оптимизация производственных процессов и размещение различных этапов производства на разных локальных участках, оптимизация использования цифровых тактик и стратегий в сфере стратегического менеджмента на зарубежных рынках.

Ключевые слова: глобальная экономика, многонациональность, многонациональные предприятия, транснациональные корпорации, стратегия развития.

В современных условиях глобальной экономики многонациональные предприятия играют важную роль в системе общественных отношений, оказывая значимое влияние на социально-экономическую и политическую жизнь общества. Развитие глобальной экономики привело к расширению «международного производства и капитала, а появление и развитие международных (транснациональных) компаний спровоцировали начало нового этапа экономического развития – транснационализации международного бизнеса» [3, с. 5].

Обострение конкуренции в условиях глобализации требует применения преимуществ новых ресурсов и рынков на основе эффективных стратегий менеджмента, обеспечивающих повышение конкурентоспособности международных предприятий. Поэтому вопросы о проблемах и стратегиях развития многонациональных предприятий являются актуальными и порождают активные дискуссии среди специалистов различных

Liu Fangchen

Master,
Moscow School of Economics,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
fangchenliu1998@163.com

RESEARCH OF PROBLEMS AND STRATEGIES OF DEVELOPMENT OF MULTINATIONAL ENTERPRISES

Annotation. The article is devoted to the analysis of problems and strategies of development of multinational enterprises. The essence of the concepts of multinational, multinational enterprise, transnational corporation is revealed. The global economy is characterized by high uncertainty and risks. This requires the implementation of conditions and strategies to increase the competitiveness of international enterprises in global markets. Such strategies include the transition from production outsourcing to global innovative outsourcing, optimization of production processes and placement of various stages of production at different local sites, optimization of the use of digital tactics and strategies in the field of strategic management in foreign markets.

Keywords: global economy, multinational, multinational enterprises, transnational corporations, development strategy.

областей научного знания и практической деятельности.

Анализ исследуемой проблемы требует определения сущности понятий «многонациональность», «многонациональные предприятия» и используемые в научной литературе синонимичные понятия «многонациональная компания», «транснациональная корпорация».

Многонациональность как феномен в области международного и стратегического менеджмента определяется как «степень, в которой компания осуществляет международную деятельность, инвестируя в активы и/или контролируя деятельность за пределами ее страны происхождения» [2, с. 18]. В широком контексте, многонациональная компания трактуется как «компания, имеющая подразделения в более, чем одной стране, и оперирующая в рамках системы принятия решений, позволяющей реализовывать согласованную политику и общую стратегию» [2, с. 21]. Транснациональная корпорация, согласно

П.Д. Шимко, С.В. Шагурину, определяется «как комплекс, использующий в своей деятельности международный подход и предполагающий формирование транснационального производственного, торгового и финансового комплекса с единым центром принятия решений в стране базирования и с филиалами в других странах» [4, с. 11]. Как мы видим, в основе описанных понятий лежит международный подход к организации производственной, финансовой и торговой деятельности международных предприятий в двух и более странах.

Организационная структура международных предприятий определяется видом деятельности, типом ее производства, особенностями принимающих стран, а также теми изменениями, которые диктуют особенности развития мирового рынка. Глобальная экономика создает ряд рисков для развития международных предприятий, которые сталкиваются с такими негативными факторами, как системная неопределенность, культурные барьеры и операционные риски [1, с. 165]. Поэтому необходимо раскрыть условия успешной реализации стратегии развития международных предприятий на развивающихся рынках. К таким условиям относится «создание и формирование их иностранными подразделениями собственных управленческих, технологических и инновационных компетенций» [1, с. 185], что, как правило, обеспечивает успешную адаптацию и конкурентные преимущества международных предприятий в условиях глобального рынка.

Наличие рисков и ситуаций неопределенности в глобальной экономике требуют выбора эффективных стратегий развития международных предприятий. Повышение конкурентоспособности международных предприятий требует оптимизации производственных процессов, размещения различных этапов и цепочек производства на разных локальных участках, что позволяет достичь более высокой выгоды [3]. Успешной стратегией развития международных предприятий из стран с развивающимися рынками является «путь от глобального аутсорсинга к собственному глобаль-

ному производству через инновационный аутсорсинг» [1, с. 165]. Другой успешной стратегией повышения конкурентоспособности международных предприятий является возможность перемещать в пространстве фрагменты их производственной цепочки [1].

Одним из ключевых показателей международной активности международных предприятий является объем прямых зарубежных инвестиций. Прямые зарубежные инвестиции, с одной стороны, «выступают инструментом для движения капитала, технологий и организационных навыков из одной страны в другую, а, с другой стороны, являются инструментом для ограничения конкуренции между фирмами разных стран» [2, с. 24]. Поэтому важным направлением развития международных предприятий является привлекательная инвестиционная политика, поскольку привлечение инвестиций «способствуют росту занятости населения, реализации новых технологий и улучшению региональных особенностей» [3, с. 6]. В условиях информатизации общественных отношений многим международным компаниям необходимо провести анализ стратегического развития с точки зрения использования цифровых тактик и стратегий в сфере оптимизации методов стратегического менеджмента к управлению предприятиями в контексте организации их хозяйственной деятельности на зарубежных рынках [3, с. 6].

Таким образом, международные предприятия являются сложными организационными системами, осуществляющими экономическую и производственную деятельность в разных странах на основе стратегий международного менеджмента. Выбор стратегии развития для успешной интеграции в международный рынок является исключительно важной задачей стратегического менеджмента предприятия. Применение конкурентоспособных внешнеэкономических стратегий и методов международного стратегического развития в условиях глобализации и информатизации экономики и общественных отношений позволяет достичь положительных результатов интеграции предприятия в международный рынок.

Литература:

1. Бухвалов А.В. Стратегии международных компаний на развивающихся рынках: влияние глобализации и опыт локализации производства / А.В. Бухвалов, О.А. Алексеева // Российский журнал менеджмента. 2015. Т. 13. № 2. С. 149–170.
2. Веселова А.С. Методы формирования структурных конфигураций российских многонациональных компаний: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Веселова Анна Сергеевна. СПб., 2016. 219 с.
3. Корпоративные стратегии транснациональных компаний в условиях пандемии: коллектив авторов : монография / Под общ. ред. Е.Н. Смирнова. Новосибирск : Изд. ООО «СибАК», 2021. 358 с.
4. Шагурин С.В. Экономика транснационального предприятия / С.В. Шагурин, П.Д. Шимко. СПб. : СПбПУ, 2008. С. 8–45.

Literature:

1. Bukhvalov A.V. Strategies of international companies in emerging markets: the impact of globalization and the experience of localization of production / A.V. Bukhvalov, O.A. Alekseeva // Russian Journal of Management. 2015. Vol. 13. № 2. P. 149–170.
2. Veselova A.S. Methods of formation of structural configurations of Russian multinational companies : dis. ... cand. of econ. sciences: 08.00.05 / Veselova Anna Sergeevna. SPb., 2016. 219 p.
3. Corporate strategies of multinational companies in the context of a pandemic: team of authors : monograph / under the general editorship of E.N. Smirnov. Novosibirsk : Ed. SibAK LLC, 2021. 358 p.
4. Shagurin S.V. Economics of a transnational enterprise / S.V. Shagurin, P.D. Shimko. SPb. : SPbPU, 2008. P. 8–45.

Ма Пэйхун
аспирант,
Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1072018071@qq.com

НОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПОСТЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Аннотация. С начала 2020 года эпидемия COVID-19 начала распространяться по всему миру. До сих пор медицина и здравоохранение не смогли принять эффективные методы для полного контроля над эпидемией. Многие отрасли промышленности столкнулись с практической остановкой работы. В качестве важного носителя культурных обменов, социальных коммуникаций и торговых оборотов - индустрия туризма основана на перемещении людей, и на нее особенно сильно влияет быстрое развитие и постоянное распространение глобальной эпидемии. В данной статье проводится более подробный анализ сотрудничества в Северо-Восточной Азии с момента вспышки эпидемии, а также исследуется, как страны и регионы могут углубить сотрудничество и способствовать развитию индустрии туризма в постэпидемиологическую эпоху.

Ключевые слова: пандемия, региональное сотрудничество, туризм, Китай, Северо-Восточная Азия.

В целях предотвращения распространения эпидемии COVID-19, обеспечения национальной безопасности и защиты здоровья населения, страны по всему миру последовательно вводят ограничения на въезд. В первые дни вспышки страны Северо-Восточной Азии быстро ввели соответствующие ограничения на въезд, включая дальнейшее ужесточение политики въездных виз, приостановку и сокращение международных рейсов и закрытие сухопутных пограничных портов, и призвали жителей избегать ненужных поездок за границу, что почти прервало рынок трансграничного туризма среди стран Северо-Восточной Азии.

До вспышки эпидемии COVID-19 в 2020 году глобальный туризм демонстрировал устойчивый рост на протяжении более шести десятилетий, кульминацией которого стало примерно 1,5 миллиарда международных поездок в 2019 году. Согласно Отчету о целях в области устойчивого развития за 2021 год, опубликованному

Ma Peihong
Graduate Student,
Institute of Asian and African Countries,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
1072018071@qq.com

NEW CHANGES AND NEW OPPORTUNITIES FOR REGIONAL COOPERATION IN NORTHEAST ASIA IN THE POST-EPIDEMIC ERA

Annotation. Since the beginning of 2020, the COVID-19 epidemic has begun to spread around the world. So far, medicine and public health have not been able to adopt effective methods to fully control the epidemic. Many industries have experienced near-shutdown controls or impacts. As an important vehicle for cultural exchanges, social communications and trade, the tourism industry is based on the movement of people and is particularly affected by the rapid development and constant spread of the global epidemic. This article first analyzes in more detail the underlying situation of tourism cooperation in Northeast Asia since the outbreak and a number of questions that have arisen, and then explores a preliminary analysis of how countries and regions can deepen cooperation and promote development the tourism industry in the post-epidemic era.

Keywords: pandemic, regional cooperation, tourism, China, Northeast Asia.

Статистическим отделом Организации Объединенных Наций (СОООН), мировой ВВП от туризма рос более высокими темпами, чем остальная экономика, за десятилетие, предшествующее 2019 году, и составил 4,1 % мирового ВВП [1]. Согласно данным с веб-сайта Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), глобальные расходы на поездки выросли более чем в три раза в период с 2000 по 2018 год, увеличившись с 495 млрд долларов США до 1,5 трлн долларов США, и на их долю приходится 7 % мирового экспорта товаров и услуг [2].

С начала 2020 года в связи с глобальной пандемией эпидемии COVID-19 мировая экономика понесла беспрецедентные потери. В целях предотвращения распространения эпидемии многие страны мира объявили о закрытии границ или ужесточении порядка въезда и ограничения передвижения персонала. Ограничения на международные поездки привели к резкому сокращению числа иностранных туристов, что оказало

беспрецедентное влияние на трансграничный и трансграничный туризм. Согласно данным, опубликованным ОЭСР, в 2020 году объем международного туризма сократился примерно на 80 %. В глобальном масштабе количество международных прибытий сократилось на 74 % в 2020 году по сравнению с 2019 годом, что представляет собой потерю расходов на въездной туризм в размере 1,3 трлн долларов, что более чем в 11 раз превышает потерю в результате мирового кризиса 2009 г. По оценкам, от 100 до 120 миллионов рабочих мест в сфере туризма находятся под угрозой из-за пандемии [3].

При общей тенденции явно затруднены туристические обмены и сотрудничество между странами Северо-Восточной Азии. В настоящее время мир, в целом, вступил в «нормализованную эру профилактики и борьбы с эпидемиями». Страны Северо-Восточной Азии последовательно вводят новые меры по восстановлению индустрии туризма, поддерживая непрерывное восстановление индустрии туризма с помощью более гибких туристических продуктов и способствуя цифровизации и экологизации индустрии туризма. Подобная трансформация переопределяет будущую модель развития туризма [4].

Как в стране, которая первой начала бороться с эпидемией и первой «обнулила» эпидемию, количество внутренних туристов и доходы от туризма в Китае постепенно восстанавливаются после достижения дна в первой половине 2000 года.

Согласно аналитическому отчету по Работе экономики туризма в первой половине 2021 года, опубликованная Китайской академией туризма 09 июля 2021 года, показывает, что экономика туризма Китая в первой половине 2021 года имеет следующие характеристики:

- уверенность в потреблении туризма неуклонно росла;
- благоприятная политика набирала обороты;
- импульс отрасли будет накапливаться;
- стабильность все еще нуждается в укреплении.

В первой половине 2021 года количество внутренних туристов достигло 2,355 миллиарда человек, вернувшись к 77 % от уровня 2019 года;

Литература:

1. Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / Под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова. М. : Аспект Пресс, 2021.
2. *Вороненко А.Л.* Перспективы сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии в Арктическом регионе / А.Л. Вороненко, С.В. Грейзик // Арктика и Север. 2022. № 35. С. 60–78.
3. *Троякова Т.* Сотрудничество России и стран Северо-Восточной Азии в Арктике: текущая

доходы от внутреннего туризма составили 1,95 трлн юаней, вернувшись к 70 % к 2019 году [2].

По подсчетам Центра данных Министерства культуры и туризма, с 01 по 07 октября 2021 г. по Китаю было совершено 515 млн внутренних туристических поездок в год. Снижение в годовом исчислении на 1,5 % на сопоставимой основе и возвращение на 70,1 % к тому же периоду до эпидемии на сопоставимой основе. Доходы от внутреннего туризма достигли 389,061 млрд юаней, снизившись в годовом исчислении на 4,7 % и восстановившись до 59,9 % по сравнению с аналогичным периодом до эпидемии [3]. По вышеуказанным данным можно судить о дальнейшей стабилизации основ туристической экономики [8]. Ожидается, что развитие туризма продолжит улучшаться.

В марте 2020 года, когда Всемирная организация здравоохранения объявила эпидемию COVID-19 «глобальной пандемией», чтобы предотвратить широкомасштабное распространение эпидемии, различные страны приняли «затворническую» политику, чтобы попытаться заблокировать передвижения людей внутри страны и за ее пределами [5].

В настоящее время эпидемия COVID-19 по-прежнему распространена во всем мире. Меры по профилактике и борьбе с эпидемией в странах Северо-Восточной Азии будут продолжены. Стоит отметить, что, хотя индустрия туризма в некоторых регионах постепенно перезагружается, приграничный туризм демонстрирует тенденцию к постепенной и осторожной либерализации. Как удовлетворить новые потребности рынка трансграничного туризма и как перехватить инициативу в конкурентной борьбе на рынке трансграничного туризма – это проблемы всех стран Северо-Восточной Азии [6; 7]. Новые тенденции на рынке приграничного туризма, порожденные эпидемией, меняют направление развития приграничного туризма. Это требует от стран региона Северо-Восточной Азии внедрения инноваций в туристические продукты, повышения качества обслуживания и улучшения туристического опыта, инновационное мышление, постоянное создание новых форм туризма, удовлетворение новых потребностей туристов и создание новых условия для развития трансграничного туризма в разных странах.

Literature:

1. Transformation of international relations in North-east Asia and the national interests of Russia / Ed. A.V. Torkunova, D.V. Streltsova. M. : Aspect Press, 2021.
2. *Voronenko A.L.* Prospects for cooperation between Russia and the countries of Northeast Asia in the Arctic region / A.L. Voronenko, S.V. Greyzik // Arktika i Sever. 2022. № 35. P. 60–78.
3. *Troyakova T.* Cooperation between Russia and the countries of Northeast Asia in the Arctic: current

ситуация и перспективы развития / Т. Троякова // Ойкумена. Региональные исследования. 2021. № 25(2). С. 7–15.

4. *Гудев П.* Арктика как поле согласования интересов / П. Гудев // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2(49). С. 71–78.

5. *Минакир П.* Дальний Восток России: программа ожиданий / П. Минакир, О. Прокапало // Краеведение. 2020. № 2(1). С. 6–16.

6. *Afanasjev E.G.* Non-refoulement principle's validity during the COVID-19 / E.G. Afanasjev // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). Р. 26–28.

7. *Алибаева Г.А.* Международно-правовые вопросы сотрудничества стран-членов ШОС в условиях пандемии (COVID-19) / Г.А. Алибаева, Н.Т. Тынаева // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3(154). С. 20–21.

8. *Савостина О.В.* Идентификация понятия «финансовое сотрудничество» в контексте развития российско-китайских торгово-экономических отношений / О.В. Савостина, Е.Р. Синянская, Д.А. Коршунова // Дискуссия. 2021. № 5 (108). С. 78–86.

situation and development prospects / T. Troyakova // Oikumena. Regional studies. 2021. № 25(2). P. 7–15.

4. *Gudev P.* The Arctic as a field for harmonizing interests / P. Gudev // Ways to peace and security. 2020. № 2(49). P. 71–78.

5. *Minakir P.* The Far East of Russia: a program of expectations / P. Minakir, O. Prokapalo // Regional Studies. 2020. № 2(1). P. 6–16.

6. *Afanasjev E.G.* Non-refoulement principle's validity during the COVID-19 / E.G. Afanasjev // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). P. 26–28.

7. *Alibayeva G.A.* International legal issues of cooperation of the SCO member states in the context of a pandemic (COVID-19) / G.A. Alibayeva, N.T. Tanayeva // Eurasian Legal Journal. 2021. № 3(154). P. 20–21.

8. *Savostina O.V.* Identification of the concept of «financial cooperation» in the context of the development of Russian-Chinese trade and economic relations / O.V. Savostina, E.R. Sinyanskaya, D.A. Korshunova // Discussion. 2021. № 5(108). P. 78–86.

Ма Пэйхун

аспирант,
Институт стран Азии и Африки,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1072018071@qq.com

ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОГО ТИПА ОТНОШЕНИЙ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ В 21 ВЕКЕ

Аннотация. По мере того, как отношения России и Запада достигли самого низкого уровня после холодной войны, а более жесткий подход Запада к Китаю стал более очевидным, соперничество между великими державами вернулось. Часто предполагается, что эти события будут иметь важные последствия для прочности так называемого «мирового порядка». В данной статье проведен анализ точки зрения России и Китая на современный мировой порядок и степень, в которой Москва и Пекин бросают ему вызов. Также, в статье рассматриваются возможные последствия, для концептуальных отношений между международным сообществом и мировым порядком.

Ключевые слова: международные отношения, Россия, Китай, США, Холодная война, сотрудничество.

За последние пять лет, когда отношения России и Запада достигли самого низкого уровня после Холодной войны, а более жесткий подход Запада к Китаю стал более очевидным, соперничество между великими державами вернулось.

После 2014 года Москва ускорила «поворот на восток». Это привело к углублению китайско-российского стратегического партнерства в дополнение к российскому видению евразийской интеграции. Последние включали акцент на Центральную Азию и постсоветское пространство через ЕАЭС, но также активно продвигали интеграцию в масштабах всего суперконтинента в виде концепции «Большой Евразии» [1].

Поскольку географические границы Запада, по видимому, были достигнуты, а в отношениях между Россией, Западом и Китаем возникла определенная степень открытой враждебности, возникли вопросы относительно того, какое влияние это может оказать на будущее мирового порядка. Это, в свою очередь, отчасти, зависит от того, каковы намерения Москвы и Пекина, и как они рассматривают этот порядок. Решение этих вопросов может оказаться сложной задачей, поскольку возможны множественные интерпре-

Ma Peihong

Graduate Student,
Institute of Asian and African Countries,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
1072018071@qq.com

AN EXPLORATION OF A NEW TYPE OF GREAT POWER RELATIONSHIP BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE 21ST CENTURY

Annotation. As relations between Russia and the West have reached their lowest point since the Cold War, and as the West's tougher approach to China has become more apparent, great power rivalry appears to be back. It is often assumed that these developments will have important implications for the strength of the so-called «international order». This article analyzes the perspectives of Russia and China on the modern world order and the extent to which Moscow and Beijing challenge it. The article also discusses the possible implications for the conceptual relationship between the international community and the world order.

Keywords: international relations, Russia, China, USA, Cold War, cooperation.

тации. Например, одна точка зрения состоит в том, что Россия прямо бросает вызов мировому порядку. Китай, с другой стороны, извлек огромную выгоду из существующего порядка за последние несколько десятилетий и поэтому стремится только реформировать его, а не изменять. С другой стороны, однако, можно было бы в равной степени доказать, что Россия, полностью включенная в европейское международное общество с восемнадцатого века, менее чужда любому порядку, культурные основы которого находятся на Западе, тогда как Китай начал взаимодействовать с Западом в каком-либо значимом смысле только в девятнадцатом веке.

Если существующий порядок коренится в приверженности формальным институтам, основанным на правилах, то наднациональный ЕАЭС по образцу Европейского союза может оказаться более соответствующим его принципам, чем китайская инициатива «Один пояс, один путь», которая больше ориентирована на сделки по инфраструктуре и подключению. Тот факт, что существуют эти конкурирующие взгляды, свидетельствует о том, что ситуация сложна, т.к. взгляды Москвы и Пекина на либеральный порядок явно неоднозначны.

Международная позиция России во многом совместима с особенностями либерального международного порядка. Р.Р. Тимофеев утверждает, что Москва больше заинтересована в изменении «практик», а не «принципов», защищаясь от двойных стандартов, применяемых атлантическими державами [2].

Таким образом, Россию следует понимать, скорее, как «правоприменителя», чем как «нормотворца». Ее внешняя политика смягчается пониманием постсуверенных тенденций в международной политике, включая поддержку глобального управления. В частности, Москва рассматривает ЕАЭС как дополняющий ЕС и соответствующий нормам ВТО. Россия не отвергает нормы ЕС как таковые, она просто не соглашается с тем фактом, что ее интересы не соблюдаются – как в случае с антагонистической конкуренцией за ориентацию Украины.

Китай находится в двусмысленном положении по отношению к либеральному порядку и международному сообществу. С одной стороны, некоторые быстро указывают на неизменную поддержку Пекином свободной торговли, многосторонних институтов и борьбы с изменением климата – по видимому, защищая сложившийся мировой порядок. Но в равной степени можно утверждать, что Китай преследует эти цели исключительно из эгоистичных соображений, чтобы снизить уровень смога в своих городах и обеспечить благоприятную международную среду для продолжения своего экономического развития.

Стремление Китая к экономической глобализации может заключаться не в интеграции с остальным международным сообществом, а скорее в стремлении к многополярности, поскольку ускорение экономического развития дает возможность противостоять гегемонии и защищать свою независимость [4; 5; 6]. Однако можно сказать, что цели Китая, в этом отношении, больше связаны с предполагаемой «демократизацией» международных отношений и обеспечением глобального плюрализма, имея в виду «больше характер международного принятия решений, чем распределение власти» [3] и, часто ссылаясь на поддержку многосторонности вместо многополярности.

Призывы Пекина к «новому типу отношений между великими державами» могут быть признаком того, что руководство Коммунистической партии Китая искренне желает сформировать мировой порядок в ответ на требования Америки о том, чтобы Китай стал более ответственным международным участником, но они также могут свидетельствовать о том, что оборонительная тактика державы с несколькими официальными союзниками, пытающейся заставить Вашингтон уважать ее основные интересы.

С 1990-х годов Китай начал взаимодействовать с западными политическими концепциями, такими как права человека и демократия, причем, они не стали национальными чаяниями, но стали законными темами для юридических и политических дебатов.

Таким образом, открытость Китая международному сообществу и взаимодействие с ним породили соучредительские отношения, расширив диапазон нормативного дискурса внутри страны и помогая узаконить элементы либерального порядка – по крайней мере, частично и риторически – в глазах Китая.

Переход Пекина к внешней политике, официально подчеркивающей мир и общее экономическое процветание, произошел, благодаря его последующей социализации в международное сообщество. В начале 2000-х годов Китай начал публично признавать, что безопасность стала глобальным явлением, и придавать «самостоятельный вес» взаимозависимости как цели внешней политики. Это свидетельствует о том, что страна, в какой-то степени, приспособилась к политическому статус-кво, даже если Китай не полностью интегрировался в нормы и институты либерального порядка и, вероятно, отвергнет постоянное военное господство Америки в Южно-Китайском море.

Разногласия по поводу предполагаемого чрезмерного влияния Запада от Косово до Ирака и Ливии – побудили Россию и Китай защищать автономию международного сообщества, что, в свою очередь, угрожает опустошить большую часть содержания коллективной гегемонии великих держав. Однако приверженность Москвы и Пекина международному сообществу и их поддержка элементов либерального порядка помогли обеспечить частичный характер их вызова – неоревизионистский, но не полностью ревизионистская вероятность сотрудничества великих держав. Остается вопрос, как укрепить основы нисходящего вектора, поскольку либеральный порядок охватывает оба уровня – общество и порядок. Это зависит от прочной основы – международного порядка – а также, от стабильных столпов, опирающихся на определенную степень нормативного согласия между крупными державами. Таким образом, продолжающиеся вызовы коллективному осуществлению гегемонии великих держав и неограниченным соперничающим отношениям в многопорядковом мире может усугубить нормативный спор, наблюдаемый сегодня, и вызвать кризис на уровне международного сообщества.

Оспаривание может быть присуще любому политическому порядку и может помочь наполнить его дополнительным общим содержанием, но могут быть серьезные последствия, если большая часть этого содержания не будет распространяться повсеместно в течение значительного периода времени.

Международное общество будет продолжать существовать в том смысле, что социальное взаимодействие будет продолжаться на международном уровне, но это не исключает возможности того, что многие нормы и институты современного международного общества не выживут.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы найти способ стабилизировать отношения между блоками в многоуровневом мире, укрепляя при

этом столпы, на которых стоит современное международное сообщество. Задача может быть решена за счет развития формальных и

неформальных связей между порядками, включая, помимо прочего, новые торговые соглашения, институты, обмены и форумы.

Литература:

1. *Ершов В.Ф.* Россия и Китай в XXI веке / В.Ф. Ершов // Вестник РУДН. 2021. Т. 18. № 4. С. 804.
2. *Тимофеев Р.Р.* Современный Китай в системе международных отношений. М. : КРАСАНД, 2022. 280 с.
3. *Подчихоткин Н.П.* Новый институт финансовой системы Китая / Н.П. Подчихоткин // Российский научный журнал. 2021. № 6. С. 261–268.
4. *Afanasjev E.G.* Non-refoulement principle's validity during the COVID-19 / E.G. Afanasjev // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). P. 26–28.
5. *Алибаева Г.А.* Международно-правовые вопросы сотрудничества стран-членов ШОС в условиях пандемии (COVID-19) / Г.А. Алибаева, Н.Т. Тынаева // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3(154). С. 20–21.
6. *Савостина О.В.* Идентификация понятия «финансовое сотрудничество» в контексте развития российско-китайских торгово-экономических отношений / О.В. Савостина, Е.Р. Синянская, Д.А. Коршунова // Дискуссия. 2021. № 5 (108). С. 78–86.

Literature:

1. *Ershov V.F.* Russia and China in the 21st century / V.F. Ershov // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2021. Vol. 18. № 4. P. 804.
2. *Timofeev R.R.* Modern China in the system of international relations. M. : KRASAND, 2022. 280 p.
3. *Podchikhotkin N.P.* The New Institute of China's Financial System / N.P. Podchikhotkin // Russian Scientific Journal. 2021. № 6. P. 261–268.
4. *Afanasjev E.G.* Non-refoulement principle's validity during the COVID-19 / E.G. Afanasjev // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). P. 26–28.
5. *Alibayeva G.A.* International legal issues of cooperation of the SCO member states in the context of a pandemic (COVID-19) / G.A. Alibayeva, N.T. Tanaeva // Eurasian Legal Journal. 2021. № 3(154). P. 20–21.
6. *Savostina O.V.* Identification of the concept of «financial cooperation» in the context of the development of Russian-Chinese trade and economic relations / O.V. Savostina, E.R. Sinyanskaya, D.A. Korshunova // Discussion. 2021. № 5(108). P. 78–86.

Юй Хэчэнь
аспирант,
социальный факультет,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
yhc970208@gmail.com

Модель управления новыми энергетическими предприятиями

Аннотация. Изменение энергетической парадигмы в хозяйственной деятельности общества послужило причиной появления новых энергетических предприятий, деятельность которых определяется новыми условиями рыночной среды. Управление энергетическими предприятиями нового типа требует формирования новой модели управления, где система управленческих решений будет наиболее эффективной. Объектом исследования является экономика энергетики. Предметом исследования является система управления новыми энергетическими предприятиями. Целью исследования является представление теоретической модели управления, которая соответствует современной энергетической парадигме. Результатом исследования является представление пятифакторной теоретической модели управления новыми энергетическими предприятиями.

Ключевые слова: зелёная экономика, энергетическая эффективность, циркулярная экономика, устойчивое развитие, генерация.

Основная часть. Основой новых энергетических предприятий является энергетика обусловленная принципами сохранения резистентного гомеостаза окружающей среды, воспроизводством природного капитала, циркуляции и экономии ресурсов [4; 5]. Перед новыми предприятиями энергетики помимо операционных функций в виде производства, передачи, распределения и использования электроэнергии электрическими устройствами, подключенными к генерирующим системам, возникают новые задачи, обусловленные особенностями развития современных социально-экономических систем. Признак нового предприятия энергетики заключается в особенностях ведения хозяйственной деятельности с учётом изменения энергетической парадигмы в сторону сохранения экологического равновесия, устойчивого развития и зелёного роста [1].

Теоретическая модель управления новыми энергетическими предприятиями может быть представлена рядом ключевых факторов, определяющих экономическую и энергетическую эффективность – рисунок 1 (составлено автором).

1. Автоматизация взаимодействия с внешним окружением (заказчики, потребители), для этой

Yu Hechen
Graduate Student,
Social Faculty,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
yhc970208@gmail.com

MANAGEMENT MODEL OF NEW ENERGY ENTERPRISES

Annotation. The change of the energy paradigm in the economic activity of the company has caused the emergence of new energy enterprises, whose activities are determined by the new conditions of the market environment. The management of a new type of energy enterprises requires the formation of a new management model, where the system of management decisions will be most effective. The object of the study is the economics of energy. The subject of the study is the management system of new energy enterprises. The purpose of the study is to present a theoretical management model that corresponds to the modern energy paradigm. The result of the study is the presentation of a five-factor theoretical model of management of new energy enterprises.

Keywords: green economy, energy efficiency, circular economy, sustainable development, generation.

цели необходимо внедрение CRM-систем, которые также минимизируют информационные риски взаимодействия: «Для того чтобы избежать дополнительных рисков, в компании должна работать CRM-система» [2, с. 26].

2. Реализация концепции устойчивого развития в виде программных действий, определяющих операционную активность предприятия.

3. Формирование фактора вычислимого общего равновесия заключается во внедрение в систему принятия управленческих решений, математических методов обработки в виде уравнений, и формирование соответствующих баз данных, соответствующих этим уравнениям. Математическая обработка данных учитывает издержки поведение производителей, ценообразование по средним издержкам и требования домохозяйств, базирующиеся на условиях оптимального поведения. Например, они могут разрешать следующие управленческие вопросы на энергетическом предприятии нового типа:

– нерыночного клиринга, особенно для рабочей силы или для энергетических ресурсов;

– несовершенной конкуренции в сегменте рынка (например, монопольное ценообразование в условиях естественных монополий);

– регулирования спроса, не зависящего от цены энергоресурсов.

Рисунок 1 – Пятифакторная модель управления новыми энергетическими предприятиями.
Источник: составлено автором

4. Воздействие на окружающую среду требует постоянного мониторинга – энергетического анализа, где учёт ценовых субсидий становится важным фактором, влияющим на финансовые показатели компании. Так, например, в исследовании китайских учёных отмечено: «...на основе 185 выборок из 37 новых энергетических компаний Китая с 2011 по 2015 год, в сочетании с программой последовательного регрессионного анализа, выявлена взаимосвязь между воздействием на окружающую среду и финансовыми показателями, а также опосредующий эффект ценовой субсидии» [3].

5. Энергетические предприятия нового типа для повышения эффективности управленческих решений в области производственной деятельности должны соблюдать условия циркуляции и рециклинга ресурсов: «...управления отходами недропользования и использования вторичных минеральных ресурсов» [6, с. 26].

Литература:

1. Wang P. Influential effects of intrinsic-extrinsic incentive factors on management performance in new energy enterprises / P. Wang, Z. Lu, J. Sun // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2018. Vol. 15. №. 2. P. 292.
2. Сетина Д.В. Развитие системы оплаты труда работникам отдела продаж на предприятиях с высокой сезонностью спроса / Д.В. Сетина // Дискуссия. 2021. № 2–3(105–106). С. 23–32.
3. Environmental effect, price subsidy and financial performance: evidence from Chinese new energy

Таким образом, формирование модели управления с учётом перечисленных факторов позволит повысить объективацию результатов управленческих решений, энергетической политики на уровне компании и запросов общества на сохранения благополучия и экологического равновесия.

Заключение.

Изменение рыночной среды хозяйствования и повышенный общественный интерес к сохранению и возобновлению стоимости природного капитала обуславливает изменение системы управления и управленческих решений. В исследовании представлена пятифакторная теоретическая модель управления новыми энергетическими предприятиями. Факторы выделены согласно требованиям и условиям современных рыночных механизмов хозяйствования, учитывающих условия устойчивого развития, экологические инициативы по сохранению окружающей среды и использования возобновляемых источников энергии, в виде рециклинга и утилизации отходов производства.

Literature:

1. Wang P. Influential effects of intrinsic-extrinsic incentive factors on management performance in new energy enterprises / P. Wang, Z. Lu, J. Sun // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2018. Vol. 15. №. 2. P. 292.
2. Setina D.V. Development of the remuneration system for employees of the sales department at enterprises with high seasonality of demand / D.V. Setina // Discussion. 2021. № 2–3(105–106). P. 23–32.
3. Environmental effect, price subsidy and financial performance: evidence from Chinese new energy

enterprises / Y. Cui [et al.] // Energy Policy. 2021. Vol. 149. P. 112050.

4. *Бекашев Д.К.* Международная организация труда: столетие и перспективы / Д.К. Бекашев, В.Г. Микрина // Московский журнал международного права. 2019. № 3. С. 68–80.

5. *Григорян В.С.* Ключевые факторы, оказывающие влияние на экономическую безопасность нефтедобывающей отрасли: анализ, методика оценки / В.С. Григорян, Г.В. Давыдова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7(158). С. 473–475.

6. *Мочалова Л.А.* Нормативно-правовое обеспечение управления отходами недропользования и использования вторичных минеральных ресурсов в условиях развития циркулярной экономики / Л.А. Мочалова, О.С. Еремеева // Дискуссия. 2021. № 5(108). С. 26–38.

enterprises / Y. Cui [et al.] // Energy Policy. 2021. Vol. 149. P. 112050.

4. *Bekyashev D.K.* International Labor Organization: a century and prospects / D.K. Bekyashev, V.G. Mikrina // Moscow Journal of International Law. 2019. № 3. P. 68–80.

5. *Grigoryan V.S.* Key factors influencing the economic security of the oil industry: analysis, assessment methodology / V.S. Grigoryan, G.V. Davydova // Eurasian Law Journal. 2021. № 7(158). P. 473–475.

6. *Mochalova L.A.* Regulatory and legal support of waste management of subsurface use and use of secondary mineral resources in the conditions of development of the circular economy / L.A. Mochalova, O.S. Ereemeeva // Discussion. 2021. № 5(108). P. 26–38.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.08.2022
Подписано в печать 25.08.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 94

e-mail: id.yug2016@gmail.com